

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

5-6

1943

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор
Ем. Ярославский

К Н И Г А

5-6

117-118

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1943

EP_1943_AKS_243

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО № 195, 1 мая 1943 г. 3

СТАТЬИ

Седов М.—Героическая оборона Севастополя (1941—1942)	7
Оснос Ю.—Из истории советской науки (1917—1920)	18
Дмитриев С.—Генерал Драгомиров :	26
Мартынов М.—Пугачёвский атаман Иван Белобородов на Урале	33
Грацианский Н., проф.—Славянское царство Само (к критике известий хроники Фредегара)	41
Архангельский С., проф.—Внешняя политика Оливера Кромвеля	48

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Ашурков В. и Титкин Ф.—Борьба партизан Тульской области против фашистских захватчиков :	58
Сутоцкий С.—Советская печать в борьбе против германских оккупантов в 1918 году	63
Горбункова В.—Рабочие Царицына в обороне своего города в 1918 году . .	70
Луцкий В.—Германо-итальянский империализм в Северной Африке (1936—1941)	75

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 81

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Мордвинов Р.—Тарле Е., акад. «Нахимов». Нифонтов А.—Рубинштейн Н. Полководческое искусство Суворова. Мишулин А., проф.—Дьяков В., проф. Таврика в эпоху римской оккупации. «Учёные записки» Московского педагогического института им. Ленина. Т. XXVIII. Старцев А. Padover S. K. Jefferson. New York. 1942. Пэдовер С. Джефферсон	92
--	----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ 99

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Тавадзе И.—Тбилисский филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). Кремортат Б.—В Институте истории АН СССР. Карпенко З.—Из опыта собирания материалов по истории великой отечественной войны. Б. К.—Героическая оборона Сталинграда (выставка). Манфред А.—Исторический факультет Московского областного педагогического института в дни великой отечественной войны. Тарасов А.—О ходе работы по составлению гражданской истории Татарской АССР	104
---	-----

ПРИКАЗ

ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

1 мая 1943 г.

№ 195

г. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, люди интеллигентного труда! Братья и сёстры, временно подпавшие под иго немецких угнетателей!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской Партии приветствую и поздравляю вас с днём 1 Мая!

В суровые дни Отечественной войны встречают народы нашей страны день 1 Мая. Они вверили свою судьбу Красной Армии и не ошиблись в своих надеждах. Советские воины грудью встали на защиту Родины и вот уже почти два года отстаивают честь и независимость народов Советского Союза.

За период зимней кампании 1942/43 г.г. Красная Армия нанесла серьёзные поражения гитлеровским войскам, уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, окружила и ликвидировала две армии врага под Сталинградом, забрала в плен свыше 300 тысяч вражеских солдат и офицеров и освободила от немецкого ига сотни советских городов и тысячи сёл.

Зимняя кампания показала, что наступательная сила Красной Армии возросла. Наши войска не только вышибли немцев с территории, захваченной ими летом 1942 года, но и заняли ряд городов и районов, находившихся в руках врага около полутора лет. Немцам оказалось не под силу предотвратить наступление Красной Армии.

Даже для контрнаступления на узком участке фронта в районе Харькова гитлеровское командование оказалось вынужденным перебросить более трёх десятков новых дивизий из Западной Европы. Немцы рассчитывали окружить советские войска в районе Харькова и устроить нашим войскам «немецкий Сталинград». Однако попытка гитлеровского командования взять реванш за Сталинград провалилась.

Одновременно с этим победоносные войска наших союзников разбили итало-германские войска в районе Ливии и Триполитании, очистили эти районы от врагов и теперь продолжают их преследовать в районе Туниса, а доблестная англо-американская авиация наносит сокрушительные удары военно-промышленным центрам Германии, Италии, предвещая образование второго фронта в Европе против итало-немецких фашистов.

Таким образом, удар по врагу с востока, со стороны Красной Армии впервые за время войны слился с ударом с запада, со стороны войск наших союзников — в единый общий удар.

Все эти обстоятельства, взятые вместе, потрясли до основания гитлеровскую военную машину, изменили ход мировой войны и создали необходимые предпосылки для победы над гитлеровской Германией.

В результате враг оказался вынужденным признать серьёзное ухудшение своего положения и стал вопить о военном кризисе. Правда, враг старается прикрыть своё критическое положение шумихой о «тотальной» мобилизации. Но никакая шумиха не может отменить того факта, что лагерь фашистов действительно переживает серьёзный кризис.

Кризис в лагере фашистов выражается, прежде всего, в том, что враг оказался вынужденным открыто отказаться от своей первоначальной установки на молниеносную войну. В лагере врагов теперь уже не в моде говорить о молниеносной войне, — крикливая болтовня о молниеносной войне сменилась унылыми причитаниями о неизбежности затяжной войны. Если раньше немецко-фашистское командование хвастало тактикой молниеносного наступления, то теперь эта тактика отброшена прочь, и немецкие фашисты хвастают уже не тем, что они провели или намерены провести молниеносное наступление, а тем, что им удалось ловко улизнуть из-под охватывающего удара английских войск в Северной Африке или из окружения со стороны советских войск в районе Демянска. Фашистская печать пестрит хвастливыми сообщениями о том, что немецким войскам удалось удрать с фронта и избежать нового Сталинграда на том или ином участке Восточного или Тунисского фронта. Повидимому, больше нечем хвастать гитлеровским стратегам.

Кризис в лагере фашистов выражается, во-вторых, в том, что фашисты начинают всё чаще поговаривать о мире. Если судить по сообщениям иностранной печати, можно прийти к выводу, что немцы хотели бы получить мир с Англией и США при условии их отхода от Советского Союза, или, наоборот, они хотели бы получить мир с Советским Союзом при условии его отхода от Англии и США. Будучи сами до мозга костей вероломными, немецкие империалисты имеют наглость мерить союзников на свой аршин, полагая, что кто-либо из союзников попадёт на удочку. Ясно, что не от хорошей жизни болтают немцы о мире. Болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжёлый кризис. Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими её виселицами? Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру? Не потому ли болтают немецкие фашисты о мире, что они чувствуют приближение грядущей катастрофы?

Немецко-итальянский фашистский лагерь переживает тяжёлый кризис и стоит перед своей катастрофой.

Это ещё не значит, конечно, что катастрофа гитлеровской Германии уже наступила. Нет, не значит. Гитлеровская Германия и её армия потря-

сены и переживают кризис, но они ещё не разбиты. Было бы наивно думать, что катастрофа придёт сама, в порядке самотёка. Нужны ещё два-три таких мощных удара с запада и востока, какой был нанесён гитлеровской армии последние 5—6 месяцев, для того, чтобы катастрофа гитлеровской Германии стала фактом.

Поэтому народам Советского Союза и их Красной Армии, равно как нашим союзникам и их армиям предстоит ещё суровая и тяжёлая борьба за полную победу над гитлеровскими извергами. Эта борьба потребует от них больших жертв, огромной выдержки, железной стойкости. Они должны мобилизовать все свои силы и возможности для того, чтобы разбить врага и проложить таким образом путь к миру.

Товарищи! Советский народ проявляет величайшую заботу о своей Красной Армии. Он готов отдать все силы дальнейшему усилению военной мощи советской страны. Меньше, чем за 4 месяца, народы Советского Союза внесли в фонд Красной Армии более 7 миллиардов рублей. Это ещё раз показывает, что война против немцев является действительно общенародной войной всех народов, населяющих Советский Союз. Рабочие, колхозники, интеллигенция, не покладая рук, стойко и мужественно перенося лишения, вызванные войной, трудятся на предприятиях и в учреждениях, на транспорте, в колхозах и совхозах. Но война против немецко-фашистских захватчиков требует, чтобы Красная Армия получала ещё больше орудий, танков, самолётов, пулемётов, автоматов, миномётов, боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Значит необходимо, чтобы рабочие, колхозники, вся советская интеллигенция работали для фронта с удвоенной энергией.

Нужно, чтобы все наши люди и все учреждения в тылу работали слаженно и чётко, как хороший часовой механизм. Вспомним завет великого Ленина: «РАЗ ВОЙНА ОКАЗАЛАСЬ НЕИЗБЕЖНОЙ — ВСЕ ДЛЯ ВОЙНЫ, И МАЛЕЙШАЯ РАСПУЩЕННОСТЬ И НЕДОСТАТОК ЭНЕРГИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ КАРАЕМЫ ПО ЗАКОНУ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ».

В ответ на доверие и заботу своего народа Красная Армия должна ещё крепче бить врага, беспощадно истреблять немецких захватчиков, непрестанно гнать их с советской земли. Красная Армия за время войны приобрела богатый военный опыт. Сотни тысяч бойцов в совершенстве овладели своим оружием. Многие командиры научились умело управлять войсками на поле боя. Но успокаиваться на этом было бы неразумно. Бойцы должны научиться хорошо владеть своим оружием, командиры должны стать мастерами ведения боя. Но и этого мало. В военном деле, а тем более в такой войне, как современная война, нельзя стоять на месте. Остановиться в военном деле — значит отстать. А отсталых, как известно, бьют. Поэтому главное сейчас состоит в том, чтобы ВСЯ Красная Армия изо дня в день совершенствовала свою боевую выучку, чтобы ВСЕ командиры и бойцы Красной Армии изучали опыт войны, учились воевать так, как этого требует дело победы.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

Приветствуя и поздравляя вас с днём 1 Мая,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Всем бойцам — пехотинцам, миномётчикам, артиллеристам, танкистам, лётчикам, сапёрам, связистам, кавалеристам — продолжать без устали совершенствовать своё боевое мастерство, точно выполнять приказы командиров, требования уставов и наставлений, свято блюсти дисциплину, соблюдать организованность и порядок.

2. Командирам всех родов войск и общевойсковым командирам — стать мастерами вождения войск, умело организовать взаимодействие всех родов войск и управлять ими в бою. Изучать противника, улучшать разведку — глаза и уши армии, помнить, что без этого нельзя бить врага наверняка. Повысить культуру работы войсковых штабов, добиться того, чтобы штабы частей и соединений Красной Армии стали образцовыми органами управления войсками. Поднять работу войсковых тылов на уровень требований, предъявляемых современной войной, твёрдо помнить, что от полного и своевременного снабжения войск боеприпасами, снаряжением, продовольствием зависит исход боевых операций.

3. Всей Красной Армии — закрепить и развить успехи зимних боёв, не отдавать врагу ни одной пяди нашей земли, быть готовой к решающим сражениям с немецко-фашистскими захватчиками. В обороне проявлять упорство и стойкость, свойственные бойцам нашей армии. В наступлении — решительность, правильное взаимодействие войск, смелый маневр на поле боя, завершаемый окружением и уничтожением противника.

4. Партизанам и партизанкам — наносить мощные удары по вражеским тылам, путям сообщения, воинским складам, штабам и предприятиям, разрушать линии связи противника. Вовлекать широкие слои советского населения в захваченных врагом районах в активную освободительную борьбу, спасая тем самым советских граждан от утона в немецкое рабство и от истребления гитлеровскими зверями. Мстить беспощадно немецким захватчикам за кровь и слёзы наших жён и детей, матерей и отцов, братьев и сестёр. Всеми силами помогать Красной Армии в её борьбе с подлыми гитлеровскими поработителями.

Товарищи!

Враг уже изведal силу сокрушительных ударов наших войск. Близится время, когда Красная Армия совместно с армиями наших союзников сломает хребет фашистскому зверю.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША СЛАВНАЯ РОДИНА!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША ДОБЛЕСТНАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАШ ДОБЛЕСТНЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ!

ДА ЗДРАВСТВУЮТ НАШИ ОТВАЖНЫЕ ПАРТИЗАНЫ И ПАРТИЗАНКИ!

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!

**Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН.**

СТАТЬИ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ* (1941 — 1942)

М. Седов

Вряд ли найдётся в нашей стране человек, который не знал бы Севастополя, этого маленького города с великой славой. Севастопольцы дважды заставили весь мир с восхищением говорить о себе. Первый раз это случилось в 50-х годах минувшего века, во время Крымской войны; второй раз — в 1941—1942 гг., в дни великой отечественной войны советского народа против германских фашистов. И тогда и сейчас героические защитники Севастополя показали невиданные образцы мужества и отваги, прославили наш народ и украсили его историю.

В 1854—1855 гг. севастопольцы в течение одиннадцати месяцев отстаивали родной город против французских, английских и турецких войск, которые блокировали его с суши и моря, имея громадное военнотехническое превосходство над русскими. Лучшие, прекрасно оснащённые войска противника разбивались о несокрушимую стойкость севастопольцев. И только ценою огромных потерь противнику удалось тогда овладеть городом. Боевую славу участников первой обороны Севастополя воскресили и приумножили в наши дни красные воины севастопольского гарнизона и моряки Черноморского флота.

Двести пятьдесят дней защитники города-героя отбивали яростные атаки фашистских войск с суши и с воздуха. Трусами своих солдат, остовами подбитых и сожжённых танков, обломками своих самолётов усеял враг подступы к Севастополю. Севастополь неустанно перемалывал фашистские дивизии и технику. Силы врага оказались скованными на продолжительное время; его армии были лишены свободы маневрирования. Трудно переоценить огромное значение, которое имеет вторая оборона Севастополя. Она войдёт в историю нашей страны как одна из ярчайших страниц военной доблести, мужества и беспримерной любви к родине советского человека.

I

Во второй половине октября 1941 г. начались жестокие бои за Крым. Немецкое командование ещё в сентябре предполагало овладеть Крымом, выделив для этой цели сравнительно небольшие силы. Первоначально в группу фашистских войск, оперировавших на подступах к перешейку, входили 3 стрелковые дивизии, имевшие несколько десятков танков, отряды СС и авиачасти, насчитывавшие около 150 боевых машин. Этим войскам было дано задание — в несколько дней овладеть Крымом. Утром 24 сентября 1941 г. немцы начали наступление, бросив в бой 6 полков пехоты, 50 танков и 75 самолётов. Начались упорные и жестокие бои, которые продолжались семь суток без перерыва. Все атаки немцев были отражены!

* Статья написана по материалам Комиссии по истории великой отечественной войны.

Потерпев поражение, немецко-фашистское командование стало производить перегруппировку частей и подтянуло свежие силы, чтобы прорвать линию обороны советских войск на перешейке и вторгнуться в Крым. На крымском участке фронта наступило временное затишье, которое продолжалось по 7 октября включительно.

С утра 8 октября 1941 г. началось новое наступление противника. Упорные бои продолжались пять дней. Все атаки немцев были отбиты. Прошло ещё несколько дней. Стянув к перешейку значительные подкрепления и создав тем самым превосходство в силах, особенно в авиации, немцы 27 октября прорвали Ишунские укрепления и ворвались в Крым. Создалась тяжёлая обстановка для советских частей, оборонявших Крым. Над Севастополем нависла серьёзнейшая опасность.

С суши Севастополь совсем не был укреплен и поэтому мало был подготовлен к обороне с севера.

В первой половине октября Верховное командование приказало эвакуировать Одессу и использовать приморскую армию для укрепления военных сил, действовавших в Крыму и на подступах к Севастополю.

16 октября приморская армия оставила Одессу и развернулась в Крыму. Её попрежнему возглавлял генерал-майор Петров, прославившийся в боях за Одессу. Но остановить немецкое наступление не удалось. Красная Армия с боями отходила на юг.

После того как наши войска оставили Симферополь, положение Севастополя осложнилось. Встал вопрос об организации обороны города с суши. Во главе обороны Севастополя был поставлен вице-адмирал Октябрьский. 30 октября был создан городской комитет обороны под председательством секретаря городского комитета ВКП(б) тов. Борисова. Городской комитет обороны непосредственно подчинялся военному совету Черноморского флота, в который, кроме вице-адмирала Октябрьского, входили дивизионные комиссары Кулаков и Азаров.

Первоочередной задачей вооружённых сил Севастополя и его партийной организации было задержать немецкие войска на подступах к городу, выиграть время, для того чтобы воздвигнуть укрепления с суши, без которых невозможно было устоять против превосходящих сил врага.

Генерал-майор Петров так характеризует обстановку в дни обороны Севастополя: «Фашистское командование бросило против Севастополя крупные силы: шесть пехотных дивизий, одну кавалерийскую бригаду, несколько полков «СС», сотни танков, самолётов. Положение осложнялось ещё тем, что полевые войска и морская пехота, составлявшие севастопольский гарнизон, в момент вражеского наступления вели упорные бои севернее Севастополя. Используя своё преимущество в танках, мотопехоте, неприятель обходил фланги наших частей, стремясь ворваться в город»¹. План немецкого командования заключался в том, чтобы быстро захватить Севастополь, лишив таким образом Черноморский флот его главной базы, а затем перебросить силы, оперировавшие в Крыму, для действий на Кавказе.

Германское командование было твёрдо уверено в быстром захвате Севастополя, так как рассчитывало на своё военно-техническое преимущество. Однако уже первые дни боёв показали нереальность и надуманность этих планов. Город остался верен своим патриотическим боевым традициям. Невозможное стало возможным. Героизм и уменье защитников Севастополя превзошли все ожидания. Началась великая эпопея восьмимесячной обороны.

II

Через три дня после прорыва Ишунских укреплений враг, развиг

¹ «Севастополь». 250 дней героической обороны, стр. 46. Военмориздат, М.—Л. 1942.

бешеное наступление, подошёл к Севастополю, стремясь с хода взять город.

В это время в Севастополе почти не было армейских частей. Вся группировка советских войск находилась значительно севернее крепости.

Военный совет Черноморского флота и партийная организация города приняли срочные меры. В ночь на 30 октября были спешно сформированы пехотные части и отправлены на фронт под Севастополь. Новое формирование, хотя и малочисленное (около 4 тыс. чел.), всё же сыграло важную роль. Кроме того из личного состава севастопольского учебного отряда был сформирован первый Севастопольский полк морской пехоты. Одновременно приступили к возведению всевозможных укреплений, опоясавших полуколыцом город. В этот первый и, пожалуй, самый критический момент огромную по своему напряжению организаторскую и военную работу проделали вице-адмирал Октябрьский, дивизионный комиссар Кулаков и секретарь горкома партии Борисов.

30 октября над Севастополем прогремели мощные залпы береговой артиллерии. Начался первый штурм Севастополя, продолжавшийся до 8 ноября. Наступление немцев на Севастополь шло по двум направлениям: одна группа их войск атаковала правый, другая — левый фланги. Цель наступления состояла в том, чтобы разрезать только что созданную линию обороны, деморализовать защитников крепости и прорваться в город. Первые удары врага были отражены артиллерией. Она выдержала чудовищный налёт бронетанковых сил фашистов. Первую атаку немцев приняла на себя батарея лейтенанта Заики, расположенная в нескольких километрах от Севастополя, в селении Николаевке.

«Три дня вела эта батарея неравный бой с целой фашистской дивизией. Немцы вели огонь полным составом артиллерийского полка, бросали в атаку одновременно до тридцати танков. И всё же горстка храбрецов не только отбила нападение неприятеля, но и нанесла ему тяжёлые потери»¹, — так оценивает командующий Приморской армией генерал-майор Петров значение батареи Заики. Батарея лейтенанта Заики сорвала наступление немецкой стрелковой дивизии, поддержанное несколькими десятками танков. Движение немецких войск от Сак на Севастополь было остановлено. Батальонный комиссар тов. Прошенков говорил о боевых действиях батареи: «Она героически защищалась в течение трёх дней, уничтожила несколько танков, бронемашин и уложила несколько тысяч фашистов»². И только когда батарея выполнила свой долг, оставшийся в живых личный состав по приказу командования ушёл в другое место. Командир батареи с женой и комиссар, взорвав батарею, ушли в партизанский отряд.

Не менее сокрушительный удар по врагу нанесла батарея майора Александра. Противник, понеся тяжёлые потери на участке лейтенанта Заики, подтянул крупнокалиберную, 8—10-дюймовую артиллерию и бросил значительные силы авиации против участка, обороняемого батареей Александра. Одновременно до 30 самолётов бомбили район расположения батареи. Артиллерия и авиация прикрывали наступление фашистских бронетанковых частей, двигавшихся по шоссе на дорогу. Условия действия для батареи Александра были очень тяжёлыми: противник простреливал весь район, где были расположены пушки. Несмотря на это личный состав батареи вёл себя поразительно спокойно, героически защищая родной Севастополь.

Как только с наблюдательного пункта сообщили о движении круп-

¹ «Севастополь», стр. 46.

² Материалы Комиссии по истории великой отечественной войны.

ных немецких сил по шоссе, тяжёлые, 12-дюймовые пушки Александра открыли мощный огонь, который оказался настолько сосредоточенным и эффективным, что враг вынужден был оставить шоссе и рассредоточить свои силы по обеим сторонам магистрали. Результаты двухсуточной работы батареи оказались весьма успешными: на поле боя осталось несколько десятков разбитых вражеских танков и бронемашин, враг потерял не менее тысячи убитых и раненых солдат и офицеров. Наступавшие фашистские части вынуждены были задержаться.

В нескольких километрах от батареи Александра, в районе Качи, неподалёку от аэродрома, расположилась батарея капитана Матюшенко. Тов. Прошенков, очевидец и участник боёв этой батареи, рассказывает, как был отражён первый немецкий натиск в начале ноября: «Шла колонна танков и бронемашин. С первых залпов этой батареи было уничтожено до десятка танков, несколько бронемашин, около 300 человек вражеской пехоты. Батарея капитана Матюшенко, так же как и батареи Заики и Александра, задержала наступление врага на Севастополь. Она не только выдержала натиск бронетанковых частей немцев, но и отбросила их»¹.

С 30 октября по 2 ноября новые формирования краснофлотцев заняли основные позиции на подступах к Севастополю. Бесстрашные моряки защищали главнейшие линии, по которым шло наступление немцев. Морская пехота непрерывно вела кровопролитные бои и нанесла немцам очень большие потери. Особенно сильные удары были нанесены 50-й и 72-й немецким пехотным дивизиям, у которых урон в живой силе доходил до 75% личного состава.

Борьба севастопольцев носила поистине героический характер. Береговая артиллерия и не более 5—6 тыс. моряков остановили наступление крупных немецких сил.

Подразделение моряков занимало оборону на подступах к городу. Немцам удалось овладеть высотой, господствующей над местностью, и с этой высоты они простреливали позиции севастопольцев. В ночном бою моряки выбили неприятеля с высоты. Наутро немцы, чтобы вернуть выгодную позицию, предприняли атаку, пустив впереди своей пехоты 7 танков. Пять краснофлотцев-патриотов: Фильченко, Цибулько, Красносельский, Паршин, Одинцов, оставив своих товарищей на высоте, спустились вниз и укрепились за складкой земли. Пулемётной очередью, гранатами и бутылками с горючей жидкостью им удалось поразить 3 танка; 4 оставшихся повернули обратно. Первая атака была отбита. Несколько позже в том же направлении появились ещё 15 танков. Они двигались прямо на моряков. Пулемётчик Цибулько пулемётной очередью по смотровым щелям вывел из строя направляющий танк; он же связкой гранат поразил второй, но в это время его ранила вражеская пуля. Раненый пулемётчик бросился со связкой гранат к танку. Меткое попадание в гусеницу — и третий танк остановился; но и герой получил второе и тяжёлое ранение. В то время как Цибулько вёл борьбу с танками, Красносельский вывел из строя 2 вражеские машины. Фашистская пуля, однако, поразила его насмерть. Оставалось ещё трое боеспособных защитников позиции. Патроны и бутылки с горючей жидкостью иссякли, было только несколько гранат. Командир группы тов. Фильченко подвязал к поясу гранаты. Его примеру последовали Паршин и Одинцов. Фильченко бросился под идущий танк первым — раздался взрыв. Танк был поражён. Одинцов и Паршин повторили подвиг своего славного политрука. Пять человек уничтожили 10 танков. Герои погибли, но не отступили.

Героические действия береговой артиллерии и моряков позволили выиграть время, крайне необходимое для возведения укреплений вокруг Севастополя и для проведения мобилизации в городе. Время нужно было

¹ Материалы Комиссии по истории великой отечественной войны.

и для того, чтобы армия генерал-майора Петрова могла прийти на помощь севастопольцам, так как было совершенно очевидно, что без сильных пехотных войск долго удержать крепость не удастся.

С 3 ноября в Севастополь стали прибывать части Приморской армии. 4 ноября в районе Дуванки и Бельбек занял боевые позиции армейский артиллерийский полк полковника Богданова — ныне Героя Советского Союза. Два дня спустя заняла рубеж у Мекензиевых гор 7-я бригада моряков под командой полковника Шадилова и комиссара Евлахова. В течение первой декады ноября Севастополь получил довольно значительное подкрепление. Здесь была сосредоточена вся Приморская армия. В неё же были включены все части морской пехоты и местные формирования из городского населения. Прибытие полевых частей в Севастополь сильно разрядило обстановку. Положение морской крепости упрочилось. Этому весьма способствовала морская авиация, особенно авиационный полк, которым командовал майор Юмашев. Одновременно создавалась мощная линия укреплений вокруг города, которая дугой огибала Севастополь. Она была небольшой, вряд ли более 40 километров. Укрепления состояли из дотов, дзотов, пулемётных гнёзд, противотанковых рвов и окопов. По своей структуре эта линия укреплений напоминала одесскую, отличаясь от неё, может быть, только тем, что под Севастополем была пересечённая местность, значительно облегчающая оборону. Оборонительные сооружения вокруг Севастополя укреплялись на протяжении многих месяцев обороны, но в основных чертах главные опорные пункты были укреплены и оборудованы за первые десять—двенадцать дней защиты крепости. Замечательное совпадение: крупные бои развернулись во вторую оборону на тех же самых пунктах, что и в первую оборону, в период Крымской кампании 1854—1855 годов.

Земляные работы по сооружению укреплений производились главным образом севастопольскими женщинами. По постановлению городского комитета обороны всё трудоспособное население обязано было работать только на оборону. Активность и патриотический подъём севастопольцев были настолько высоки, что люди сами шли на любые работы, не дожидаясь официальных извещений.

Председатель городского комитета обороны тов. Борисов рассказывает: «Тысячи женщин с кирками и лопатами в руках ежедневно выходили за город строить оборонительные укрепления. Ещё до осады преимущественно женщины отработали на укреплениях до полутера миллионов человеко-часов». Ещё более напряжённой и производительной стала работа в первые дни обороны. Люди работали день и ночь без устали.

Титаническими усилиями советских людей укреплялся Севастополь. Батальонный комиссар работник политуправления Черноморского флота тов. Гуткин говорил, что уже с первых дней обороны города нельзя было отличить тыл от фронта. Всё население стало фронтовым, все граждане стали воинами.

Прибывавшие в Севастополь части Красной Армии занимали оборонительные рубежи, всё время совершенствуя их. Самый характер боёв определил расположение войск. Командир 172-й дивизии генерал-майор Ласкин рассказывает: «Моя дивизия занимала 3 километра по фронту. Она имела 22 километра ходов сообщения у себя непосредственно в тылу за передовыми цепями. Бойцы зарывались глубоко в землю, что значительно облегчало ведение боя и сильно сокращало наши потери»¹.

Дивизия генерала Ласкина не была в этом отношении исключением. Все войска глубоко зарывались в землю, имели сильно разветвлённую сеть ходов сообщений, и поэтому результаты вражеского огня были незначительны.

¹ Материалы Комиссии по истории великой отечественной войны.

Основой оборонительных рубежей была береговая артиллерия, которая перешла от защиты города с моря к защите его с суши.

Пересечённость местности, воздвигнутые крупные сооружения, береговая артиллерия и искусное расположение наших наземных войск создали серьёзнейшее препятствие для фашистских войск. Самым же реальным фактором, позволившим удерживать Севастополь, были изумительная стойкость и героизм личного состава Красной Армии и Флота. Об этот героизм и отвагу разбивалась немецкая бронетанковая лавина. Десять суток непрерывно штурмовали немцы Севастополь и, не добившись никаких тактических успехов, вынуждены были остановиться. Первый штурм был отбит.

III

Усилиями героических защитников Севастополя план немецкого командования был сорван. Больше того: противник не только не мог перебросить свою крымскую группировку на другие участки Восточного фронта, но вынужден был возмещать свои тяжёлые потери — пополнять и укреплять крымские войска. За один только первый месяц боёв противник потерял 15 тыс. солдат и офицеров, 150 танков, около 70 орудий, 131 самолёт, сотни машин и громадное количество всякого вооружения. Севастопольцы сковали крупные военные силы фашистов. Этим они оказали неоценимую услугу всей Красной Армии, отбивавшей атаки врага на огромном фронте.

Тяжёлый и ответственный этап войны переживала в то время страна; шли беспрецедентные бои на подступах к Москве. Наступила 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Героические защитники Севастополя слушали по радио речь товарища Сталина.

Доклад и выступление Сталина имели для севастопольцев неоценимое значение: возросла уверенность в победе, усилилась тяга в партию лучших защитников Севастополя, улучшилась фронтовая дисциплина и увеличилось число героических подвигов как непосредственно на передовой линии фронта, так и на предприятиях, работавших на фронт.

Тяжелы и ответственны были задачи по защите Севастополя у краснофлотцев и красноармейцев, но не менее ответственна была роль тыла, ибо от него зависело очень многое. Местная промышленность должна была снабдить защитников города значительным количеством вооружения и боеприпасов. Выполнение этой работы осложнялось тем, что город постоянно обстреливался артиллерией, а авиация непрерывно бомбила его с воздуха. Необходимо было укрыть промышленные предприятия в места, недоступные для вражеского огня. С этой чрезвычайно трудной задачей севастопольцы справились блестяще. Уже 6 ноября некоторые заводы на новых местах дали боевую продукцию фронту. Было налажено производство вооружения, в том числе миномётов, гранат, бутылок с горючим и т. д. Освоение военного производства было тем более необходимо, что Севастополь оказался блокированным с суши, а транспортировка морем затруднялась налётами вражеской авиации.

Лозунгом, определившим полностью жизнь севастопольцев, было: «Всё для фронта, всё для победы над врагом!» Этот лозунг вошёл в плоть и кровь защитников города-героя. Противник, потерпев поражение в первом штурме, отказался на время от прямых атак и перешёл к систематической осаде города. Началась полоса непрерывного обстрела крепости осадной артиллерией и не менее интенсивной бомбёжки с воздуха. Не проходило дня, чтобы над территорией города не появлялось 40—50 самолётов. Враг бомбил город не по целям, а по площади, пытаясь деморализовать население и посеять панику в армии.

Необходимо было увеличить число бомбоубежищ, чтобы обезопасить гражданское население. Кроме того, чтобы город мог жить и работать, надо было упорядочить всю систему снабжения и создать торговые базы

под землёй. Не менее остро стоял вопрос о водоснабжении. Поистине невероятными усилиями все эти вопросы были разрешены успешно. Были созданы тысячи бомбоубежищ, построены под землёй десятки магазинов, вырыты сотни колодцев, в специальных укрытиях и штольнях работали кино и театры. Женщины и дети организовали противопожарные команды. После небольшого перерыва стали регулярно выходить газеты «Красный Крым» и «Маяк коммуны». Редакторы газет гг. Степанов и Суковский организовали непрерывный выпуск газет. О роли «Красного Крыма» и «Маяка коммуны» председатель городского комитета обороны тов. Борисов рассказывает следующее: «В условиях крайне запоздального и редкого получения центральных газет, ограниченного снабжения военными газетами «Красный Крым» и «Маяк коммуны» являлись основными газетами, боевыми органами парторганизаций, не только информировавшими трудящихся о текущих событиях, связывающими их со всей страной, но и освещающими всю жизнь города. Газеты умело мобилизовали защитников города на беззаветную борьбу с ордами немецких захватчиков, пользовались большой любовью населения, армии и флота. За их получением люди приходили, не считаясь с опасностью для жизни».

Вся жизнь города была подчинена обороне в суровых условиях осады.

Изменение тактики врага, естественно, вызвало изменение характера обороны Севастополя. Приморская армия не имела достаточно сил для крупных наступательных операций, поэтому она проводила активные оборонительные операции, уничтожая максимум живой силы и техники противника. Часть майора Кулагина за несколько дней отразила 20 атак неприятеля. Одна эскадрилья капитана Алексева за 15 дней сбила 27 самолётов противника. Проводились короткие, но стремительные и сильные контрудары как дневные, так особенно ночные. Ночные вылазки, разведка боем занимали одно из крутых мест в арсенале тактических приёмов приморцев. Во время контратак и вылазок приморцы захватывали у противника оружие, которое немедленно использовалось нашими частями. Были случаи, когда, забравшись в тыл, бесстрашные войны Севастополя овладевали неприятельскими батареями, миномётными и пулемётными гнёздами и тут же открывали огонь по неприятелю.

В частях усилилось снайперское движение. Сперва единицы, потом сотни и тысячи мастеров сверхметкого огня открыли свой счёт уничтожения фашистов. Рядом с мужчинами воевали женщины. Вскоре вся страна узнала о бесстрашном снайпере Людмиле Павличенко, истребившей более 300 солдат и офицеров неприятеля.

IV

После сравнительного затишья, продолжавшегося пять недель, 17 декабря начался второй штурм Севастополя. К этому штурму противник тщательно готовился. Были пополнены потерпевшие поражение немецкие дивизии. Они теперь имели полный комплект живой силы и вооружения. Кроме того сюда была переброшена новая стрелковая дивизия, подтянуты значительные бронетанковые, авиационные и артиллерийские силы. Немецкое командование тщательно разработало инструкцию войскам по взятию города. Были составлены подробные таблицы боя.

Немецкий план овладения городом основывался на следующей стратегической идее: немцы рассчитывали создать мощный ударный кулак, чтобы прорвать линию обороны, вклиниться в расположение советских частей и нанести им сокрушительный удар с флангов. Местом сосредоточения своих главных сил, откуда предполагалось нанести основной удар, вражеское командование избрало район станции Мекензиевы горы. Здесь были сосредоточены очень большие силы, а огневое насыщение местности было чрезвычайно велико: на один километр фронта приходилось 50 тяжёлых пушек и огромное количество мелкокалиберной артиллерии. В наступлении в этом районе должно было участвовать несколько

сот самолётов, тысячи пулемётов и миномётов. Враг был настолько уверен в успехе этого наступления, что ведомство Геббельса заранее, уже 17 декабря, известило немцев о том, что войска прорвались в Севастополь.

Немцы начали наступление почти по всей линии фронта, пытаясь отвлечь внимание от района основного удара. Рано утром, когда ещё было темно, по всему фронту началась свирепейшая артиллерийская канонада. Одновременно масса бомбардировщиков под прикрытием истребителей появилась над линией фронта и над городом.

Семнадцать дней отбивали героические защитники черноморской крепости второй штурм врага. Так же как и при первом штурме, наступление немцев было встречено сосредоточенным огнём советской артиллерии. Особенно напряжённо пришлось поработать артиллерийскому полку Героя Советского Союза Богданова. Его артиллерия во взаимодействии с береговой обороной уничтожила несколько десятков танков врага ещё в момент, когда эти танки находились на исходных позициях. Переключилась на поражение наземной силы зенитная батарея лейтенанта Воробьёва. Дружный коллектив батареи, подпустив на близкое расстояние пехоту противника, массированным огнём уничтожил несколько сот солдат и офицеров.

Только что созданный трудом севастопольских рабочих бронепоезд «Анатолий Железняков» принял участие в борьбе. Хорошо вооружённый, он поражал как воздушные, так и наземные цели. Героическому экипажу «Железнякова» не один раз удавалось прямой наводкой расстреливать пехоту и огневые точки противника. Не без успеха была использована конница под командованием тов. Кудюрова.

Особо следует отметить пехотные части Приморской армии. Чудовищная сила вражеского огня обрушилась на пехотинцев и особенно на дивизию Ласкина. С неописуемым упорством отстаивали наши героические пехотинцы каждый вершок севастопольской земли. Сутками без перерыва и отдыха, без смены, а часто и без пищи отражали герои вражеский штурм.

Не меньшую стойкость проявили воинские части тт. Шадилова, Потапова, Коломийца и Новикова. Противник, столкнувшись с несокрушимой стойкостью пехоты, начал бросать небольшие десантные группы автоматчиков, рассчитывая таким образом деморализовать боевые порядки Приморской армии и создать видимость окружения. Но и этот маневр не удался: группы автоматчиков быстро были ликвидированы отрядами истребителей.

Наибольшего напряжения достигли бои в конце декабря, когда атаки очень часто переходили в рукопашные схватки. Имея техническое превосходство и значительное превосходство в людях, румыно-немецкие войска в некоторых пунктах потеснили части Приморской армии и достигли огневых позиций севастопольских батарей. Прямой наводкой советская артиллерия расстреливала наступающие части и заставила их остановиться.

Несмотря на то, что дальнейшее наступление врага было остановлено, вклинившиеся в расположение севастопольцев немецкие части значительно осложнили общую обстановку. Требовалось принятие срочных мер, для того чтобы выбить фашистские клинья. По разработанному командованием плану, 2 января 1942 года началось контр наступление.

Удар приморцев был коротким, но стремительным. Концентрированным огнём артиллерии противник был сильно деморализован; укрепиться он ещё не успел. Поддержанная артиллерийским огнём, наша пехота пошла в атаку, невзирая на то, что ей до этого пришлось вести многодневные и непрерывные бои. Операция увенчалась полным успехом. Немцы не только отступили, но и оставили богатые трофеи.

Генерал Петров в следующих словах охарактеризовал этот удар: «Наша доблестная пехота, несмотря на утомление от тяжёлого многодневного боя, вслед за огнём двинулась на врага. Не выдержали фашисты и побежали. Бежали стремительно, бросая оружие, пулемёты, миномёты, личные вещи.

О панике врага убедительно рассказывает письмо, найденное у убитого немецкого солдата: «Дорогая сестра и зять! За мной остались дни тяжёлых боёв и трудностей. Вчера наше наступление на Севастополь достигло высшей точки. Мы уже были близко от города, но вдруг раздался слух, что русские нас окружили, и вот — спасайся, кто может. Со всех сторон огонь. Местность и горы затруднили наше отчаянное бегство. Мы пробирались с боем, преследуемые сильным огнём. В это мгновение моя жизнь не стоила ни копейки. Многие товарищи остались убитыми, и что ещё хуже — мы оставили наших раненых в руках русских. Печальная кучка вернулась в долину... Наш батальон должен был отходить через деревню, которая была занята русскими. И там нас обстреляли. Совсем истощённые, мы достигли наших исходных позиций. Сегодня утром нас сменили, потому что нас осталось очень мало»¹.

Второй штурм врага был отражён.

«Самым замечательным явлением декабрьско-январских боёв было зарождение и затем быстрое развитие движения, возникшего стихийно в низах, непосредственно в окопах: бойцы перед боем, идя в атаку или отражая атаку врага, давали клятву родине и Сталину биться с немецко-фашистскими захватчиками беспощадно, стоять насмерть, не жалея ни сил, ни самой жизни. Эту решимость каждый выражал своими собственными словами, как правило, обращёнными непосредственно к вождю нашего народа — товарищу Сталину. Возникнув, движение быстро охватило огромное количество защитников Севастополя, сделавшись подлинно массовым явлением. Клятвенное движение имело большое значение в деле укрепления оборонной мощи города-героя.

V

Успешные операции советских войск в Крыму, ознаменовавшиеся взятием Керчи и Феодосии, облегчили положение Севастополя. После отражения второго штурма на фронте наступило временное ослабление боевых действий. Началась позиционная война. Командование гарнизона организовало систематические вылазки небольших подразделений, чтобы уничтожать живую силу и технику немцев. Бесчисленными примерами отваги и дерзости советских воинов отмечены эти фронтовые будни. Усилилось снайперское движение. Безустали вели боевую работу черноморские лётчики, руководимые выдающимся командиром-пилотом генерал-майором Остряковым. Огромную работу по снабжению гарнизона военными материалами и продовольствием проводили корабли Черноморского флота.

Отрезанный от «большой земли» с суши, Севастополь снабжался только морским путём. Это само по себе красноречиво говорит о значении флота в обороне Севастополя. А сколько приходилось черноморцам преодолевать трудностей при каждом маршруте! Вражеская авиация день и ночь сторожила все подходы к городу, но мастерство вождения кораблей и мужество их экипажей обеспечивали своевременную доставку грузов, необходимых для обороны города. Выгрузив оружие и продукты питания, моряки вывозили раненых, эвакуировали гражданское население, перебрасывали в другие пункты ненужное в данное время промышленное оборудование и т. д.

¹ «Севастополь», стр. 112—113.

После первого и особенно после второго штурма город сильно пострадал. Надо было создать более или менее удовлетворительные условия жизни для гражданского населения. Вот зарисовка жизни города, данная тов. Борисовым: «Трамвайное движение, за исключением нескольких дней ноября, не прекращалось до июня месяца. В городе бесперебойно работали все бытовые предприятия... Были открыты все магазины, несколько десятков парикмахерских. Ежедневно работал подземный кинотеатр «Ударник», пропускавший в день до 700 человек. Ни на один день не прекращала работу городская типография. Самоотверженность и бесстрашие проявили работники коммунального хозяйства. Даже в дни третьего штурма водопроводчики под ураганным огнём сумели восстановить часть водопроводной сети и дать по некоторым магистралям воду.

Город содержался в образцовой чистоте. Ежедневно утром подметались тротуары. Без перерыва работала канализационная сеть. Были приведены в порядок частично разрушенные здания, убраны завалы. Приведён в порядок и открыт городской сквер (Приморский бульвар). Большое внимание уделялось сохранению жилищного фонда. При районных жилищных управлениях были созданы ремонтно-строительные конторы. За время осады в городе было вновь отремонтировано свыше 300 домов. Вплоть до июня в городе работало 9 средних и начальных школ, укрытых в убежищах. В них обучалось свыше 3 тыс. учащихся. Были открыты также 4 детских сада, в которых находилось 142 ребёнка. Кроме того был организован детский приёмник и интернат для детей, потерявших родителей»¹.

С наступлением весны трудящиеся города и даже армейские части приступили к обработке огородов, которые создавались как за городом, так и в самом городе. Некоторые из этих огородов по нескольку раз приходилось обрабатывать и засеивать вследствие разрывов бомб и снарядов.

Необычайно напряжённо и исключительно организованно работали команды местной противовоздушной обороны; поэтому жертв среди гражданского населения было сравнительно мало, хотя город непрерывно подвергался обстрелу.

Защитники Севастополя прекрасно понимали, что затишье на фронте — явление временное. Для них было совершенно ясно, что враг снова попытается овладеть городом.

Армейские части, береговая артиллерия и корабли Черноморского флота готовились к отражению очередного натиска врага. После того как немцам удалось захватить Феодосию и Керчь, военно-стратегическая обстановка Севастополя значительно ухудшилась и это прежде всего отразилось на коммуникациях героического гарнизона.

В конце мая 1942 г. в городе была проведена всеобщая мобилизация коммунистов и комсомольцев. Городской комитет обороны вынес постановление о подготовке населения к вооружённой борьбе. Стали создаваться неприкосновенные запасы продовольствия. Проводилась усиленная эвакуация населения, не связанного непосредственно с работой на оборону.

К концу мая немцы сосредоточили под Севастополем крупные силы, так как поставили перед собой задачу взять город во что бы то ни стало. На этот маленький участок фронта они бросили не менее 900 самолётов, подтянули громадное количество артиллерии, в том числе и 24-дюймовые осадные пушки. Раза в два были увеличены людские силы. Все или почти все силы немцев, действовавшие в Крыму, были сосредоточены у Севастополя. Фашистское командование рассчитывало взять город в два — три дня.

¹ Материалы Комиссии по истории великой отечественной войны.

20 мая немцы начали авиационный штурм города. «Каждый день фашисты сбрасывали от 2500 до 6 тыс. бомб, а всего за месяц авиационного штурма противник сделал до 25 тыс. самолётовылетов, сбросив на Севастополь более 125 тыс. бомб. Это только калибром от 100 килограммов и выше, а что касается мелких зажигательных бомб, то их количество не поддаётся никакому учёту», — пишет вице-адмирал Октябрьский.

2 июня начался третий всеобщий штурм крепости. За два дня боёв неприятель выпустил по севастопольскому фронту до 37 тыс. снарядов.

Немцы применяли такой чудовищный обстрел и бомбёжку потому, что хотели уничтожить всё живое в Севастополе. Но как только на время прекращалась бомбардировка, а наземные части начинали наступление, молниеносно оживал весь севастопольский гарнизон. Бесстрашные герои громили и уничтожали танки и пехоту врага. Немцам не удавалось продвинуться ни на шаг.

Шла исключительная по напряжённости борьба. Севастопольцы отражали третий штурм крепости, продолжавшийся больше месяца. Свою задачу — сковать силы противника — севастопольцы выполнили блестяще. Командование Красной Армии приказало оставить Севастополь, и 3 июля 1942 г. наши войска оставили город.

«В течение 250 дней героический советский город с беспрецедентным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск. Последние 25 дней противник ожесточённо и непрерывно штурмовал город с суши и с воздуха. Отрезанные от сухопутных связей с тылом, испытывая трудности с подвозом боеприпасов и продовольствия, не имея в своём распоряжении аэродромов, а стало быть, и достаточного прикрытия с воздуха, советские пехотинцы, моряки, командиры и политработники совершали чудеса воинской доблести и героизма в деле обороны Севастополя. Немцы в июне бросили против отважных защитников Севастополя до 300 000 своих солдат, свыше 400 танков и до 900 самолётов. Основная задача защитников Севастополя сводилась к тому, чтобы как можно больше приковать на севастопольском участке фронта немецко-фашистских войск и как можно больше уничтожить живой силы и техники противника»¹.

За период третьего штурма немцы потеряли 150 тыс. солдат и офицеров, более 250 танков, столько же орудий и более 300 самолётов. Что касается всего периода обороны, то немецко-румынские войска потеряли до 300 тыс. солдат и офицеров. Наступление на Севастополь дорого стоило немцам.

Исключительный патриотизм советских людей, их героизм и воля к борьбе позволили осуществить эту беспрецедентную в истории оборону города. В севастопольском гарнизоне трудно назвать героев: героями были все. Героизм защитников города подкрепляла выдающаяся военно-организаторская деятельность руководителей обороны. «Слава о главных организаторах героической обороны Севастополя — вице-адмирале Октябрьском, генерал-майоре Петрове, дивизионном комиссаре Кулакове, дивизионном комиссаре Чухнове, генерал-майоре Рыжи, генерал-майоре Моргунове, генерал-майоре авиации Ермаченкове, генерал-майоре авиации Острякове, генерал-майоре Новикове, генерал-майоре Коломийце, генерал-майоре Крылове, полковнике Капитохине — войдёт в историю отечественной войны против немецко-фашистских мерзавцев, как одна из самых блестящих страниц»².

¹ «Севастополь», стр. 8.

² «Правда» от 4 июля 1942 года. Сообщение Совинформбюро.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ (1917—1920 гг.)

Ю. Оснос

I

Мероприятия советской власти, направленные к всемерному развитию науки и привлечению её на службу социалистическому строительству, начались буквально с первых же дней после победы Октябрьской социалистической революции.

Первые протоколы Совета народных комиссаров, Высшего совета народного хозяйства и Народного комиссариата просвещения уже содержат отчёты о научных достижениях и постановления, касающиеся науки.

Перед советским правительством сразу же возникли три основные практические задачи в области науки. Прежде всего, необходимо было установить, какова была наличная материальная база научного строительства, и покончить с царившим здесь организационным хаосом; затем, следовало направить в должное русло работу старых научно-исследовательских учреждений и, наконец, создать широчайшую сеть новых научных институтов, которые отвечали бы требованиям социалистического народного хозяйства.

Первые две задачи были возложены на созданный 18 января 1918 г.¹ при Народном комиссариате просвещения «Отдел мобилизации науки», или, как он назывался иначе, «Отдел привлечения научных сил к делу государственного строительства».

Вскоре возник ещё один центр; его специальной задачей была организация государственной промышленности на научных основах. Таким центром стал совет экспертов при ВСНХ, организованный 28 февраля 1918 года.

«Положение о деятельности экспертов» замечательно своей радикальностью и широкой постановкой вопроса. Вся промышленно-техническая жизнь страны впервые в истории полностью переводилась на научную базу, причём предусматривалось не только переустройство существующей промышленности, но и создание научно-плановой базы для строительства будущей. Хаотичность капиталистического производства сменила социалистическая планомерность. «Совет экспертов, — гласило «Положение», —

объединяет технические и научные силы России для содействия разрешению хозяйственных задач, стоящих на очереди, и осуществляет: а) исчерпывающее и всестороннее обследование условий развития существующих и созданных вновь отраслей промышленности; б) выработку мер государственного руководства производительной жизнью страны и планомерного её устроения; в) выработку программы производительной деятельности в разных отраслях промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли и мер для проведения её в жизнь»².

Центральный совет экспертов возглавлял сеть местных советов экспертов; он был разбит на секции, куда входили виднейшие представители науки и техники, а также фабрично-заводские рабочие.

В январе — феврале 1918 г. начали возникать десятки научных обществ и исследовательских учреждений. Это повлекло за собой необходимость объединить деятельность старых и вновь возникших научных учреждений и ведомств, устранить параллелизм. 10 мая 1918 г. Совет народных комиссаров, заслушав отчёт «Отдела мобилизации науки», указал: «Требования рациональной, целесообразной поставочки научно-исследовательской работы ведомств приводят к необходимости внести в работу этих многочисленных учёных комитетов сознательную систему, метод и соразмерность масштабов»³.

Каждый из многочисленных проектов научного строительства той эпохи поражает широтой замысла, высокой социалистической идейностью и представляет непреходящий исторический интерес. То были первые в мире поиски наилучшей формы служения науки народу. Проекты организации науки составлялись пока без учёта уже существовавшего крупнейшего научного центра — Академии наук. Это объяснялось позицией части научной интеллигенции в отношении советской власти в тот период и характером самой Академии.

Весной 1918 г. положение существенно изменилось. В это время В. И. Ленин уже наметил свой гениальный план приступа к

¹ «Газета рабочего и крестьянского правительства» от 28 февраля 1918 года.

² ЦАОР, ф. 2307, оп. 1, д. № 46, дл. 4, 9, 25.

³ Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), ф. 2306, оп. 3, д. № 70, л. 30.

социалистическому строительству, в котором важнейшее место занимали повышение производительности труда и подъём культуры в стране. При этом Ленин подчёркивал, что построение фундамента социалистического общества сможет быть успешным только, если оно будет вестись на основе науки; в ленинском плане проблема науки выдвигалась с новой силой, и остротой.

Одновременно Ленин указывал, что необходимым условием использования советской властью достижений науки является вовлечение в социалистическое строительство носителей буржуазной культуры — учёных, инженеров, врачей и т. д. Близость старой интеллигенции к буржуазии не могла служить здесь препятствием.

«Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов»¹.

Ленинский план приступа к социалистическому строительству и предусмотренные им меры по развитию науки, повышению производительности труда и привлечению старой интеллигенции послужили новым мощным толчком для научного строительства.

Выполняя ленинское указание, партия большевиков уже к лету 1918 г. добилась серьёзного перелома в отношении старой интеллигенции к советской власти. Крупную роль в перемене позиции работников науки сыграл М. Горький, который, как он заявил Луначарскому, решил «всеми силами способствовать сближению учёного мира с советской властью и установлению с нею постоянных сношений»².

Ленинский план способствовал необычайному расширению научных задач и перелому в политических взглядах интеллигенции; как следствие этого возник вопрос о превращении Академии наук в научный центр социалистического строительства.

В середине марта 1918 г. Совет народных комиссаров и Наркомпрос запросили Академию наук, какую роль в осуществлении научных задач социалистического строительства могла бы взять на себя Академия и в первую очередь её Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). 24 марта совет Комиссии сообщил президенту Академии наук А. П. Карпинскому о своей полной готовности начать работу по заданию советского правительства.

КЕПС разработала обширную программу и предлагала советской власти свои услуги по глубокому изучению отдельных районов страны, исследованию их естественных богатств. Особое внимание уделялось горному делу; специально были выделены работы по золоту, платине, редким металлам, солям и глинам. Другой раздел про-

граммы был посвящён энергетическим ресурсам, третий — работам, связанным с сельским хозяйством: экономическому обследованию сельскохозяйственных районов, проблемам почвы, удобрений, животноводству и т. п.

Хотя письмо совета КЕПС ни словом не упоминало о политической цели тех самых работ, которые соглашались взять на себя учёные, всё содержание письма говорило о крупной политической победе большевистской партии, подтверждало правильность ленинской идеи превращения Академии в центр советской науки.

Учёные не могли не видеть, что советское правительство отводит науке первостепенную роль в строительстве нового общества, что Октябрьская революция открыла новую блестящую страницу в истории науки, и это оказало на них решающее влияние.

Президент Академии наук А. П. Карпинский, которого увлекли размах и мощь научных планов советской власти, деятельно пропагандировал их в среде учёных, чем немало способствовал привлечению науки на службу социалистическому строительству.

В письме, в котором А. П. Карпинский сообщал Совнаркому об ответе КЕПС, он заверял советское правительство, что в сотрудничестве с советской властью Академия, несомненно, обеспечит «наиболее плодотворное выявление всех наших производительных сил на нужды народные»³. Таким образом, вопрос о создании из Академии основного советского научного центра можно было считать политически и организационно решённым.

Наука стояла в центре внимания руководящих советских органов. 11 апреля 1918 г. состоялось заседание ВЦИК, посвящённое научному строительству. В принятой на этом заседании резолюции указывалось, что «ВЦИК с полным удовольствием отмечает прекращение саботажа со стороны профессиональных учёных и вполне одобряет решение НКП о привлечении к работе Академии наук»⁴.

На следующий день, 12 апреля, вопрос об Академии наук рассматривался Совнаркомом при участии Ленина. Совет народных комиссаров выдвинул перед Академией две важнейшие задачи, связанные с социалистическим строительством: составление плана нового размещения промышленности взамен прежнего, стихийно возникшего капиталистического размещения и разработку методов научно-плановой эксплуатации природных ресурсов страны — «наиболее рационального использования её хозяйственных сил»⁵. Работы эти имели также и большое оборонное значение, так как в то время полчища германского империализма оккупировали важнейшие сырьевые и промышленные области Советской республики.

Всю работу Академии необходимо было коренным образом перестроить. Академия

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 65.

² ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. № 69, л. 29.

³ ЦАОР, ф. 1235, оп. 19, д. № 5, л. 6.

⁴ ЦАОР, ф. 130, оп. 26, л. № 2, л. 247.

⁵ ЦАОР, ф. 130, оп. 96, д. № 2, л. 247.

наук, ранее обслуживавшая потребности отсталого, буржуазно-помещичьего государства, должна была превратиться в научную базу строительства наиболее передового, социалистического народного хозяйства. Речь шла не только о расширении масштабов её работы, но и о том, чтобы придать ей совершенно иной характер. Если прежде Академия разрешала лишь частные, случайные вопросы эксплуатации природных богатств страны, то теперь на неё возлагалось обеспечение всего комплекса научных задач, вытекающих из грандиозного плана социалистического строительства. Такая работа была новой не только для Академии, но и вообще никогда до тех пор не велась учёными.

Следующим важнейшим этапом в организационно-научной деятельности партии и советской власти явился гениальный ленинский «Набросок плана научно-технических работ». Написанный Лениным во время смертельной борьбы Советской республики с ордами германского империализма, в условиях жестокой нищеты и разрухи, этот документ на десятилетия вперёд освещал путь развития социалистической науки и всей советской экономики. В нём содержались основные идеи индустриализации страны, столь блестяще претворённые в жизнь под руководством товарища Сталина.

«Набросок плана научно-технических работ» предлагал ВСНХ поручить Академии «возможно более быстро» составить план общей реорганизации промышленности и экономического модёма страны. Этот план должен был предусмотреть новое размещение промышленности и её коренную реконструкцию, выражавшиеся в «слиянии и сосредоточении производства в немногих крупнейших предприятиях»¹.

Это была установка на социалистическую индустриализацию, в которой науке отводилась направляющая роль.

Далее, ленинский «Набросок» указывал на необходимость создать силами науки «наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской Республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности»². Наконец, последний пункт этого «Наброска» содержал в сжатом виде ленинский план электрификации.

Учитывая временную потерю старых сырьевых баз, Ленин писал: «Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего. Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию»³.

25 апреля ВСНХ обратился в «Отдел мобилизации науки» с письмом по вопросу о работе Академии. Ленинский «Набросок»

был конкретизирован, особенно в части, касающейся обороны от германского империализма. ВСНХ подчёркивал, что в деле «немедленного поднятия производительности предприятий всех отраслей промышленности» в первую голову должно быть обращено внимание на «металлургическую и металлообрабатывающую отрасли» и их техническое переоборудование.

«Следующая задача,— гласило письмо ВСНХ,— изыскание новых промышленных баз, богатых топливом и сырьём. Внешние враги отбрасывают нас в глубь России, лишая нас Донецкого бассейна. Необходимо сосредоточить металлургическую промышленность в этих новых промышленных базах и туда направить эвакуируемые предприятия»⁴.

Особый раздел письма ВСНХ касался использования науки в работе только что национализированных предприятий. Он наглядно обнаруживал ту органическую, непосредственную связь, которая существует между социалистическим обобществлением средств производства и перестройкой всей промышленной жизни на научной основе. В конце письма ВСНХ выражал уверенность, что такое «учёное учреждение как Академия наук найдёт благодарную почву для громадного приложения своих творческих сил в способствовании осуществлению этой широкой и всеобъемлющей задачи организации производства во всех отраслях промышленности и народного хозяйства»⁵.

Программа ленинского «Наброска» вслед за этим получила и финансовую базу. НКП утвердил смету Комиссии по изучению естественных производительных сил в размере 780 тыс. рублей с расчётом на создание пяти больших научных коллегий и открытие двух новых институтов — Института платины и Института физико-химического анализа⁶. Идеи ленинского «Наброска» вступили в стадию их практического осуществления.

Непосредственное участие работников науки в социалистическом строительстве тем самым сделало излитным существование специального ведомства, занимавшегося мобилизацией научных сил. Поэтому к осени 1918 г. «Отдел мобилизации науки» был упразднён и заменён сначала научным отделом, а затем, в сентябре 1919 г., научной секцией НКП. В общем ведении её находились все научные учреждения и высшие учебные заведения республики. Секция распалась на отделы научных учреждений, вузов, научных библиотек, коллегии по делам музеев и т. д.⁷.

В марте 1919 г. для общего руководства научной жизнью страны был создан Государственный учёный совет во главе с

⁴ ЦАОР, ф. 2307, оп. 8, д. № 11, лл. 62—63.

⁵ Там же.

⁶ «Известия ВЦИК» от 1 июня 1918 года.

⁷ ЦАОР, ф. 2306, оп. 106, д. № 4, лл. 51—53.

¹ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 434.

² Там же.

³ Там же.

К. Тимарязевым, О. Шмидтом, В. Волгиным, П. Штернбергом и И. Скворцовым-Степановым.

II

Успехи научного строительства и научной мысли в годы гражданской войны, непосредственно вытекающие из ленинского «Наброска плана научно-технических работ», были настолько разносторонни и велики, что едва ли поддаются точному учёту. Достаточно указать, что одних лишь новых научных учреждений за два года (1918—1920)¹ возникло 117¹.

В соответствии с ленинским указанием центром научного строительства Советской республики стала Академия наук. Академическая комиссия по изучению естественных производительных сил немедленно приступила к работе, согласно утверждённому советским правительством плану. Уже к концу апреля 1918 г. вместо первоначально намечавшихся пяти научных коллегий при Комиссии были созданы пятнадцать: по изучению почвы; по изучению сельскохозяйственных районов России; по промышленным животным; по обследованию положения животноводства; по минеральным водам; по белому углю; по платине; по солям; по глинам; по стройматериалам; по мелким ископаемым; по редким металлам; по исследованию Севера; по вопросам статистического обследования России; по картографической съёмке России.

Сообщая о работе этих коллегий, «Известия ВЦИК» констатировали, что уже в настоящее время «работники государственного строительства могут... опереться на широкое содействие положительной социальной и технической науки»².

Академическая комиссия выпустила грандиозный труд в 3 тыс. страниц — «Естественные производительные силы России», — в котором учтены были для нужд социалистического хозяйства природные богатства республики. Были подготовлены двадцать томов капитального издания «Фауна России и сопредельных стран»; готовились многотомная сельскохозяйственная энциклопедия и географический словарь России; печатался второй том «Описательной минералогии» акад. Вернадского.

В труднейших условиях гражданской войны КЕПС развернула значительную экспедиционную деятельность, результаты которой были использованы в социалистическом строительстве. Экспедиция 1918 г. положила начало изучению Курской аномалии, а экспедиция 1920 г. под руководством акад. Ферсмана — изучению Колыского полуострова и хибинских апатитов³. Работы созданной при КЕПС постоянной полярной комиссии явились началом мировых

достижений советской науки в исследовании Арктики.

Всего Академией наук за 1918—1920 гг. было подготовлено около двухсот томов научных трудов. Хотя большинство не вышло в свет в те годы из-за типографского кризиса, содержащиеся в них научные данные были немедленно пущены в научный оборот.

Вокруг Академии наук возникли десятки научно-исследовательских институтов. Только за первые два года существования советской власти были открыты новые институты: Платины и редких металлов, Химический, Химико-терапевтический, Гидрологический, Радиевый, Рентгенологический, Оптический, Керамический, Пищевой, Географический, Институт экономических исследований, Институт мозга, История материальной культуры и множество других. Были основаны: Государственный музейный фонд, Книжная палата, Лесной музей, Музей топлива и строительных материалов и др.

На первом плане стояли технические и естественные науки, значение которых для социалистической реорганизации народного хозяйства и обороны страны было особенно велико. Замечательными были в те годы успехи химии. В период 1918—1920 гг. работа её впервые в истории России предстала как научно-организационное целое. В 1918 г. открылся Институт имени Карпова. Руководимый А. Бахом, институт этот добился результатов, имевших крупное народнохозяйственное значение.

Другой институт — Платиновый, — созданный под руководством акад. Н. Курнакова и посвятивший свою работу специально химии платиновых металлов, — содействовал обеспечению за СССР места одного из главных мировых производителей платины. Институт химически чистых реактивов научно подготовлял производство в крупных масштабах химически чистых веществ, что было необходимо для развития лабораторной работы по химии.

Чтобы расширить научный обмен и обеспечить распространение химических знаний в РСФСР, в 1918 г. было основано Научное химико-техническое издательство. Характерно, что на Западе такое издательство появилось только в 1922 году⁴.

Ещё более разительными в тот период были достижения молодой советской физики. Работы лаборатории профессора — ныне академика — А. Иоффе по изучению упругих свойств кристаллов подвели технику к новым формам использования механических свойств материалов и положили начало эффективному изучению природы сил сцепления кристаллов. В 1918 г. при Московском университете была открыта лаборатория специальных работ по физике, посвящённая изучению коротких электрических волн и электронных и ионных процессов⁵.

Среди возникших в период гражданской войны институтов видное место занимал Го-

¹ Луначарский А. «10 лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян». Диаграмма 12. М. 1920.

² «Известия ВЦИК» от 28 апреля 1918 года.

³ «Под знаменем марксизма» № 5 за 1940 г.; «Вестник Академии наук» № 10 — 11 за 1937 г.; стр. 7—15.

⁴ «Десять лет советской науки, 1917—1927», стр. 193, М. — Л. 1927.

⁵ Там же, стр. 150—178.

сударственный оптический институт, возглавлявшийся проф. Д. Рождественским. Впервые в России Институт провёл работы по изготовлению николей и строго параллельных пластинок из стекла, кварца и флюорита. В 1919 г. проф. Д. Рождественский сделал крупнейшие открытия в области строения атома, выяснив при помощи спектрального анализа строение атома лития¹.

Значительные вклады в науку дали также работы Радиевого института, созданного по инициативе акад. Вернадского. Ценные достижения были также у Фототехнического института и Института физики и биофизики. В 1919 г. впервые возникла Российская ассоциация физиков.

Кроме упомянутых институтов были созданы институты удобрений, угля, чёрных металлов, топлива, Агрономический институт и ещё ряд других². Осенью 1919 г. в Петрограде, осажённом Юденичем, во дворе одного из великих князей, был открыт Географический институт. В саду дворца был устроен ботанический сад, а во флигелях размещены научные кабинеты³.

Институт мозга, созданный под руководством акад. В. Бехтерева, изучал проблемы высшей нервной деятельности. Новейшим проблемам медицины была посвящена деятельность Химико-терапевтического института и Института лекарственных растений.

Зимой 1919 г. была организована группа научных работников и технических специалистов для разработки проекта строительства в Москве метрополитена.

Большинство институтов, возникших в первые годы Октябрьской революции, как свидетельствовал в 1919 г. непреходящий секретарь Академии наук акад. С. Ольденбург, работали полным ходом⁴. Научная деятельность того времени характеризуется контрастом между масштабами научных заданий и ограниченными возможностями того периода. Так, крупнейший Пищевой институт был создан в обстановке катастрофического недостатка элементарных продуктов питания. Проект московского метро разрабатывался, когда транспорт был ещё разрушен. В основе этих мероприятий лежал исторически оправдавший себя оптимизм государственной власти, уверенной в неизбежном расцвете хозяйственной жизни.

Тесная связь научной деятельности с потребностями социалистического государства была также существенной чертой советской науки уже с начала её возникновения. В первую очередь наука взяла на себя содействие обороне государства. В

1918 г. был организован Государственный физико-технический и рентгеновский институт, ядром которого стали молодые учёные-физики, группировавшиеся вокруг проф. А. Иоффе, и ряд преподавателей электро-механического факультета Петроградского политехнического института. С первых же дней существования он стал вести научную работу, выполняя задания Наркомвоенмора, НКПС и ВСНХ⁵.

Физико-технический институт также с самого начала выполнял заказы Военпрома и Авиатреста. Оптический институт выполнял оборонные работы по вопросам оптико-техники. Химические институты проследили ряд ценных исследований в области взрывчатых веществ.

В 1918 г. было положено начало крупнейшему научному центру советской военной авиации — Центральному аэрогидродинамическому институту (ЦАГИ), сыгравшему выдающуюся роль в укреплении воздушной мощи СССР и выдвинувшему целую плеяду блестящих советских авиаконструкторов. Под руководством проф. Жуковского Институт уже в 1918—1920 гг. превратился в крупное научное целое и выполнил ряд ценнейших работ. Особое внимание работе Института уделял В. И. Ленин.

Советские военные органы поставили перед теоретической мыслью и ряд новых технологических задач, блестяще разрешённых и давших непосредственные результаты в гражданской войне.

«Уже осенью 1918 года, — пишет акад. Н. Зелинский, — когда нефтеносные месторождения в Баку и Грозном были временно отрезаны врагами и мы лишены были бензина для нужд авиации и автотранспорта РККА, перед нами был поставлен вопрос, нельзя ли из запасов солярового масла и керосина, хранившегося в Н.-Новгороде (Горьком) и на константиновском заводе близ Ярославля, выработать тем или иным химическим методом лёгкое горючее — бензин для аэропланов; химики пошли навстречу такому запросу и к январю 1919 г. разрешили эту задачу, разработав метод, при помощи которого возможно было из тяжёлого нефтяного солярового масла и керосина, разложением хлористым алюминием, — искусственно выработать бензин, ставший по своим физическим и химическим свойствам пригодным для нужд авиации. Этот метод «бензинизации» нефтяных продуктов сохранил и до настоящего времени своё промышленное значение»⁶.

При всём том политика партии большевиков и советского правительства в области научного строительства была чужда какого бы то ни было узкого утилитаризма.

В годы гражданской войны наряду с успехами прикладной науки наблюдались крупнейшие достижения «абстрактных» наук, «чистой» теоретической мысли.

Важнейшие открытия были сделаны в этот период русской математикой. «До сих

¹ «Наука и её работники» № 1, П., 1920.

² «Грядущее» № 7—8 за 1920 г., стр. 24.

³ «Петроградская правда» от 14 сентября 1919 года.

⁴ Ольденбург С. Работа Российской Академии наук за последние три года, 1917—1919. «Наука и её работники» № 1, стр. 11, П., 1920.

⁵ «Десять лет советской науки, 1917—1927», стр. 141.

⁶ «Математика и естествознание в СССР», стр. 465. М. и Л., 1938.

пор мы встречаем в заграничных журналах работы советских математиков, датированные 1919 и 1920 гг., — отмечал в 1927 г. проф. А. Хинчин¹.

Развивалась и советская астрономия. С 1920 г. в России начал впервые издаваться астрономический ежегодник. Чрезвычайно показательны с точки зрения обстановки, сложившейся для науки в условиях социалистического государства, что одной из первых заграничных командировок после прекращения блокады была командировка проф. А. Белопольского в Англию за 42-дюймовым астрономическим рефлектором².

Работа теоретических физических институтов обеспечила разрешение насущных задач техники и обороны. Астрономический институт содействовал геолого-разведочным работам на Урале и превращению его во вторую угольно-металлургическую базу советского государства; теоретическая деятельность Гидрологического института оказала неоценимую помощь в разработке и осуществлении плана ГОЭЛРО и мелиорации засушливых районов страны³.

Для многих крупных учёных Октябрьская революция впервые открыла путь к подлинно творческой работе. Примечательна в этом отношении судьба И. Мичурина. Тря четверти жизни Мичурин прожил на грани нищеты, меняя профессии конторщика, часовщика, монтажера. Своему призванию — плодоводству — он отдавал лишь незначительную часть своего времени и свои скудные сбережения. Открытые им методы межвидовой гибридизации считались научно неприменимыми. Официальные круги царской России рассматривали его как шарлатана. Когда же победила социалистическая революция, Мичурин сразу понял, что она несёт с собой расцвет истинной науки. На следующий день после взятия Козловским советом (Тамбовская губ.) власти, когда ещё продолжалась стрельба на улицах, Мичурин пришёл в только что организованный земельный комитет и заявил: «Я хочу работать для новой власти». В тот же день состоялось специальное заседание комитета, постановившее взять Мичуринский питомник под государственную охрану. Впервые после 43 лет бесплодных хлопот Мичурин получил субсидию для производства своих опытов.

18 ноября 1918 г. Наркомзем принял питомник в своё ведение, утвердив Мичурина его заведующим. Отношение Мичурина к социалистической революции было органически связано с его научными убеждениями. Великий новатор в науке, он не мог не увидеть в революции её прекрасной, обновляющей все проявления жизни силы.

«Состоявшийся весной 1920 г. IX съезд партии подчеркнул, что демократизация

науки, широкая популяризация научных знаний, является не только общей культурно-политической задачей, но и необходимым условием успешности социалистического строительства.

Для распространения научных знаний, при издательстве НКП был создан научно-популярный отдел, одним из руководителей которого был К. Тимирязев.

Техническое издательство ВСНХ в октябре 1920 г. приняло постановление об издании серии научно-технических справочников для рабочих. За составление справочников назначались премии до 150 тыс. рублей.

Особенно значительную роль в привлечении широких масс к научному строительству сыграл Комитет по делам изобретений, созданный по постановлению правительства и существующий по настоящее время. Комитет выдал ряд денежных премий за ценные изобретения и наградил многих изобретателей почётными грамотами ещё в первые годы своего существования.

Передовые учёные приветствовали начало нового великого этапа в развитии науки, открытого социалистической революцией.

«Роль геологии в новой эре нефтяного хозяйства, — писал проф. Губкин, вошедший в состав коллегии Главнефти, — будет развиваться и укрепляться; геолог будет желанным работником на промысловой площадке и звуки его геологического молотка сольются с звуками молота пролетария, кующего новое бытие»⁴.

«Только наука и демократия, — писал К. Тимирязев в 1919 г., — знание и труд, вступив в свободный, осмысленный и взаимном понимании, тесный союз, осенённые общим красным знаменем — символом мира — всего мира, всё превозмогут, всё пересоздадут на благо всего человечества»⁵.

III

Методологическую базу для развития социалистической науки и техники создала марксистско-ленинская теория. Марксистско-ленинская теория в первые годы существования советской власти обогатилась рядом новых произведений классиков марксизма-ленинизма. За этот период Ленинными были написаны такие работы, как «Очерк о задаче советской власти», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», которые означали дальнейший шаг по пути развития теории марксизма. В своих докладах и выступлениях на съездах и конференциях в годы гражданской войны Ленин и Сталин разрабатывали основные проблемы марксистской теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Работы Ленина и Сталина указывали путь советской науке и вооружали её подлинно плодотворным революционным методом.

¹ «Десять лет советской науки, 1917—1927», стр. 41.

² Там же, стр. 88—89.

³ «Народное просвещение в РСФСР к 1925—26 г.», стр. 204—206. М. 1926.

⁴ «Известия Главного нефтяного комитета» № 2 за 1918 г., стр. 7.

⁵ Тимирязев К. «Наука и демократия», стр. 16. Сборник статей. М. 1920.

Классический образец революционного подхода к научным вопросам дал товарищ Сталин в области военной науки. После лартий в 1919 г. защищать Петроград от Юденича, товарищ Сталин должен был в кратчайший срок организовать разгром врага. Сталиным был разработан стратегический план быстрой ликвидации белогвардейского мятежа в фортах Красная Горка и Серая Лошадь. «Морские специалисты уверяют, — писал товарищ Сталин в своей телеграмме Ленину, — что взятие Красной Горки с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остаётся лишь оплакивать так называемую науку... Считаю своим долгом заявить, что и впредь буду действовать таким образом, несмотря на всё моё благоговение перед наукой»¹. Революционный научный метод Сталина одержал победу.

Первые годы советской власти ознаменовались широким распространением марксизма, широкой деятельностью по пропаганде идей научного социализма.

В 1920 г. при Государственном издательстве начала работать комиссия по подготовке издания собрания сочинений В. И. Ленина. По первоначальному плану, предполагалось издать 17 томов.

Уже в апреле 1918 г. зародилась идея создать общегосударственный центр марксистско-ленинской науки — Социалистическую академию общественных наук. Академия, впоследствии превратившаяся в Коммунистическую академию, сыграла видную роль в распространении марксизма и в борьбе с враждебными, буржуазно-идеалистическими учениями. 25 мая 1918 г. Совет народных комиссаров, рассматривая вопрос об организации Социалистической академии, вынес постановление, подписанное В. И. Лениным: «Совет Народных комиссаров, вполне одобряя и приветствуя идею, легшую в основу проекта учреждения Социалистической академии, постановил: 1) Во главу угла поставить издательское общество марксистского направления; 2) Привлечь в особенно большом числе заграничные марксистские научные силы; 3) Одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований; 4) Немедленно принять меры к выяснению, набору и использованию русских преподавательских сил»².

Таким образом, в первую очередь перед Академией ставились в тот период издательско-пропагандистские и учебные задачи. Это вполне понятно. Поскольку марксистская наука с победой Октябрьской революции впервые становилась официально признанной, её задачей было прежде всего обеспечить себе распространение и этим путём подготовить поражение буржуазно-идеалистической идеологии и переход на позиции марксизма всей научной мысли.

В августе 1918 г. состоялись организационные заседания Социалистической ака-

демии, в результате которых был создан Вольный университет. Он должен был противостоять насаждению идеализма в общественных науках и состоял из четырёх рядов: социально-исторического, политико-юридического, финансово-экономического и технико-экономического. Работа Университета имела большое пропагандистское значение. Число слушателей первоначально доходило до 2 тыс. человек. Однако гражданская война вскоре призвала в ряды защитников революции большую часть слушателей Вольного университета. В 1919 г. он был вынужден прекратить своё существование, и его преподавательские силы влились в организованный к этому времени факультет общественных наук 1-го московского государственного университета. Социалистическая академия превратилась в исследовательское учреждение. Она развернула работу по накоплению книжных фондов, послуживших впоследствии основой научных библиотек Коммунистической академии и Института Маркса — Энгельса — Ленина³.

Партия большевиков не только дала толчок организационному строительству в области общественных наук, но уже в годы Октября обеспечила первые победы марксистской теории. Сюда надо отнести деятельность созданной в октябре 1918 г. декретом НКП Государственной археологической комиссии, преобразованной 18 апреля 1919 г. в Российскую академию материальной культуры. Эта Академия стала крупнейшим центром марксистской научной социологии. Руководителем её был Н. Я. Марр. В 1920 г. Академия работала уже в составе двух отделений — Петроградского и Московского — и насчитывала 166 сотрудников⁴.

В 1919—1920 гг. Академия подготовила к печати исследования по древностям Кавказа, Египта, Элама, Скифии, Крыма и Киевской Руси. Было напечатано исследование о Боспорском царстве, устроены экспедиции по изучению памятников Севера и организованы научные выставки керамики юга России и ольвийских древностей. Академик Н. Я. Марр в 1918—1919 гг. закончил свой капитальный труд о языке кавказских племён, излагающий основы яфетической теории. Эта теория, разработанная крупнейшим советским учёным-марксистом, явилась блистательным опровержением расовых бредней фашистской науки.

Большое значение для советского языкознания имела также составленная в 1918 г. акад. А. Шахматовым обзорная работа по обследованию языка народностей Поволжья⁵. Даже такие, далёкие казалось бы от потребностей дня, научные вопросы,

³ «Вестник Коммунистической академии» № 28(4) за 1928 год.

⁴ Для сопоставления стоит указать, что в дореволюционной Академии наук насчитывалось 118 сотрудников.

⁵ «Вестник народного просвещения союза коммун Северной области» № 2—3 за 1918 г., стр. 4.

¹ См. Ворошилов К. Статья и речи, стр. 355. М. 1936.

² ЦАОР, ф. 1235, оп. 53, л. 96.

как проблемы лингвистики и литературоведения, вызывали пристальное внимание партии и её вождей — Ленина и Сталина.

В 1908 г. при Академии наук существовала комиссия по изданию сочинений русских классиков. За десять лет работы она смогла выпустить всего лишь 17 томов. Комиссия имела в своём распоряжении 2—3 тыс. руб., пожертвованных частными лицами, и ежегодную субсидию в 1½ тыс. руб. от Академии наук. Совнарком уже 30 декабря 1917 г. отпустил Академию крупный кредит, поручив ей в кратчайший срок выпустить полное научное издание русских классиков¹. 19 октября 1918 г. коллегия НКП отпустила Академии 50 тыс. руб. специально на приобретение рукописей Пушкина².

Огромный интерес представляет относящаяся к 1920 г. переписка Ленина об издании литературного словаря русского языка. Краткие указания Ленина Луначарскому свидетельствуют об огромной заботливости и любви Ленина к культуре русского народа, о необычайной идейной широте и новизне его научного замысла. Приводим письмо Ленина от 18/1 1920 г. к Луначарскому³:

«Товарищ Луначарский! Недавно мне пришлось,—к сожалению и к стыду моему впервые,—ознакомиться с знаменитым словарём Даля. Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел. Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками от Пушкина до Горького. Что, если посадить за это 30 учёных, дав им красноармейский паёк? Как бы Вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка? Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение. Ваш Ленин».

Таковы в общих чертах итоги развития советской науки в первые годы существования молодой Советской России.

Советскую науку в годы гражданской войны отделяли от западноевропейской фронты, и, однако, она не отстала от неё в своём развитии, но, по свидетельству авторитетных учёных, в отдельных отраслях даже опередила Запад. Так,

биолог А. Немилов отмечает, что, когда «разруха окончилась и были открыты шлюзы, через которые широким потоком хлынула к нам заграничная литература, то вопреки ожиданиям и мрачным предсказаниям научных кумушек выяснилось, что мы вовсе не отстали от заграницы»⁴.

К ещё более положительному выводу пришёл метеоролог проф. Б. Нумеров: «Несмотря на полную изолированность от Западной Европы, чисто научная деятельность в области метеорологии развивалась быстрым темпом, и когда к нам стала поступать литература из-за границы, то оказалось, что во многих областях наша метеорологическая наука не только не отстала, но пошла даже дальше, чем где-либо за границей»⁵.

Нельзя не поражаться мощи творческого духа социалистической революции, если, перечисляя все эти достижения науки, вспомнить, в какой обстановке они имели место: страна сражалась на многочисленных фронтах, голодала и холодала; в научных лабораториях лопались водопроводные трубы; подопытные лягушки и черепахи смерзались в хрупкие сгустки; растворы реактивов переохлаждались и при попытках воспользоваться ими застывали в кристаллические массы; для регистрации кривых учёные коптили бумагу на «коптилках» и «недышанках»; кабинеты топили старыми корректурами, наблюдения писали на обоях; академический паёк приходилось делить не только с членами семьи, но и с подопытными собаками и крысами.

«Если бы я мог — сейчас это невозможно,—говорил великий русский писатель М. Горький в 1920 г., — сообщить вам о том, что разум представителей нашей науки сделал за последние два года разрухи, голода и холода,—в неустойчивости, в голоде и холоде — вы радостно удивились бы. В области науки мы, русские, отрезанные, оторванные от учёной жизни Европы, сделали огромные завоевания. Поразитесь, узнав, как могли люди в столь тяжёлых условиях достичь таких результатов, и вы воздадите хвалу этим мужественным людям»⁶.

Развитие науки в первые три года существования советской власти ознаменовалось научными достижениями, не имеющими себе равных ни в один столь краткий период человеческой истории.

⁴ «Десять лет советской науки, 1917—1927», стр. 314.

⁵ Там же, стр. 252—253.

⁶ Горький М. Борьба с неграмотностью. Речь, произнесённая на заседании Петербургского совета 20 апреля 1920 г., стр. 6. Государственное изд-во. П. 1920.

¹ ЦАОР, ф. 2307, оп. 2, д. № 10, лл. 4, 11.

² ЦАОР, ф. 2306, оп. 1, д. № 1, л. 60.

³ «Правда» от 21 января 1940 г.; см. об этом же Ленинский сборник XX, стр. 315—316.

ГЕНЕРАЛ ДРАГОМИРОВ

С. Дмитриев

Генерал М. И. Драгомиров был крупным военным деятелем России второй половины XIX века. Горячий патриот, он воплощал в себе лучшие традиции русской армии, лучшие традиции её передового офицерского состава. Более того: М. И. Драгомиров сам создавал славные традиции в рядах русской армии, боролся против рутинности и косности, против варварства и всего реакционного в жизни армии, против застоя военной мысли. Генерал Драгомиров был замечательным военным теоретиком и опытным практиком, педагогом-воспитателем русских воинов. В своей огромной теоретической работе, как и в повседневной практической деятельности, он возрождал и развивал заветы и доктрину бессмертного русского полководца А. В. Суворова. Труды Драгомирова пользовались большой известностью в военных кругах не только в России, но и за границей.

Теоретические положения Драгомирова сохранили свою свежесть и в наши дни. Его, суворовская по духу система воспитания и обучения войск, его приказы и распоряжения как командующего Киевским военным округом (1889—1902) и сейчас могут быть весьма полезны для командиров наших резервных частей, готовящихся для фронтов отечественной войны. Обширное и богатое наследие Драгомирова представляет большую ценность для Красной Армии, особенно в нынешние, суровые дни великой отечественной войны против немедко-фашистских империалистов.

I

Михаил Иванович Драгомиров родился 21 ноября 1830 г. в семье офицера русской армии. Отец его был активным участником Отечественной войны 1812 года.

Первоначальное военное образование своё Драгомиров получил в дворянском полку, в котором он окончил на «отлично» курс обучения и выпущен был фельдфебелем; имя его было занесено на мраморную доску. В 1856 г. М. И. Драгомиров окончил Военную академию по первому разряду, с награждением золотой медалью и с занесением его имени на мраморную доску. Уже в этот период он с громадным интересом изучал полководческое искусство А. В. Суворова.

В 1858 г. Михаил Иванович был отправлен в заграничную командировку для изу-

чения военного дела, а в 1859 г., во время войны Франции и Сардинии против Австрии, работал при штабе сардинской армии. Из франко-австрийской войны он вынес убеждение, что «в военном деле скорее волевым, чем умовым, на первом месте стоит человек с его нравственной энергией».

С 1860 г. Драгомиров работал профессором тактики при Военной академии, затем получил звание полковника и был назначен начальником штаба 2-й гренадерской дивизии с оставлением на профессорской работе в Академии (1864). В этот период он высказал весьма ценные взгляды о значении фортификации, которая, по его мнению, должна стать общим достоянием пехоты в связи с ростом артиллерийского и ружейного огня.

В этот же период он начал борьбу за применение суворовской системы воспитания и обучения войск. Это было время, когда суворовские принципы были забыты: в течение 65 лет никто о них не вспоминал. Драгомиров дал свои комментарии к суворовской «Науке побеждать». Для армии, которая воспитана была Суворовым, писал он в этих комментариях; «неожиданностей не существовало; она не могла быть достигнута врасплох; она, наконец, отличалась духом такого высокого упорства, что в самых отчаянных положениях не только не падала духом, но не допускала мысли, что может не побить врага. Суворов так учил войска, что, по замечанию одного из современников, они в день сражения не встречали ничего нового, и атаковали холодным оружием в деле, как делали это на манёврах»¹.

Но Драгомиров смотрел на суворовскую систему воспитания и обучения войск не как доктринёр, а рассматривал её в развитии и понимал смысл её изменения. Он указывал, что сам «Суворов видоизменял свою систему в зависимости от усовершенствования оружия»².

В 1866 г. Драгомиров написал и издал учебник по тактике, в котором отвёл специальное место «исследованию оснований мирного воспитания и образования войск». «Войска нужно в мирное время учить

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1856—1881. Т. II, стр. 222. СПб. 1881.

² Там же, стр. 242.

только тому, что им придётся делать в военное»¹, — таков был принцип, который, по Драгомирову, нужно положить в основу обучения войск. Мы видим, что в этом вопросе Драгомиров возвращается к старой, суворовской мысли; она, как он сам указывал, была «во время долгого мира забыта, затем опять воскрешена»². Воскресла эта идея благодаря Драгомирову.

Драгомиров отстаивал следующие принципы, которыми необходимо руководствоваться в деле воспитания войск: ставить воспитание выше образования, переходить от анализа к синтезу, т. е. «учить делу по частям, но на этом не останавливаться, а непременно соединять эти части, так как они соединяются при действии против неприятеля»; приучать людей встречать неожиданности быстро, но не суетливо, вести занятия так, чтобы ни один шаг в них не противоречил закону выручки своих; «ознакомить различные роды оружия со взаимными их свойствами»; вести маневры так, чтобы «всякий воин понимал свой манёр», устранить всё, способствующее развитию чувства самосохранения, и тренировать в преодолении чувства опасности; учить показом, а не рассказом. Все эти идеи, по словам Драгомирова, можно свести даже к одной только: «В воспитании и обучении сообразоваться со свойствами воли и ума человека»³.

Таковы драгомировская (а по духу суворовская) система воспитания и обучения войск и основные её требования.

В 1873 г. Драгомиров был назначен командиром 73-й пехотной дивизии, где повёл дело её боевой подготовки в соответствии со своей системой, усовершенствованной во время командования. В воспитанных им частях, свидетельствуют современники, все чины были бодры духом, втянуты в работу, полны энергии и разумного отношения к своему делу; все начальники чувствовали себя на своих местах, твёрдо понимали и знали своё дело. Драгомиров систематически приучал себя сам к самообладанию и спокойствию под пулями, для чего становился около мишеней и приказывал обстреливать их лучшими стрелками. Это происходило в присутствии солдат и командиров, чем воспитывались воля и выдержка всей дивизии.

Во главе своей дивизии Драгомиров участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Здесь он принял первое боевое крещение. Под его командованием войска совершили блестящую по своей организации, результатам и значению переправу через Дунай у Зимницы — Сястово. Драгомиров с волнением ждал этой операции, считая, что она явится проверкой его системы обучения войск. В письме от 12 июня 1877 г. он писал своим друзьям: «Пишу накануне великого для меня дня (перед переправой и боем. — С. Д.), где окажется;

что стоит моя система воспитания и обучения солдат и стоим ли мы оба, т. е. я и моя система, чего-нибудь». Система полностью оправдала себя. За успешную операцию Драгомиров был награждён орденом.

В этих боях он был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Известный генерал русской армии Скобелев писал тогда ему: «Поправляйся, возвращайся в верующую в тебя армию». За отличие в обороне Шипки Драгомиров был произведён в генералы.

В 1878 г. Драгомиров был назначен начальником Академии генерального штаба. На этом посту он проработал 11 лет. Учтившиеся в Академии офицеры русской армии свидетельствуют об образцовом порядке, строжайшей дисциплине и совершенной системе обучения, которая была установлена там генералом Драгомировым.

В 1889 г. генерал Драгомиров был назначен командующим войсками Киевского военного округа, что он широко использовал для насаждения своей системы обучения и воспитания войск. Строгий и требовательный начальник, он проявлял в то же время большую заботу к нуждам солдат. Драгомиров был ярким врагом палочной системы обучения и рукоприкладства, господствовавшей тогда в русской армии. Он ревниво оберегал солдат от произвола реакционных офицеров. Для того чтобы вконец пресечь эти позорные для русской армии явления, он издал особый приказ по войскам Киевского военного округа. Этот приказ, начинавшийся словами «В некоторых частях дерутся...», произвёл большое впечатление в армии.

Драгомиров был сторонником боевого товарищества между офицерами, но на принципиально здоровой основе, за товарищество, лишённое местнического эгоизма и ложного понятия «о чести мундра», о «репутации части». Подлинная честь офицера русской армии, по его мнению, заключается в преданности родине, в готовности защищать её, в чувстве воинского долга, в искренней любви к военному делу, к своей части, в готовности безропотно переносить все тяготы военной службы, наконец, в чувстве взаимной выручки, в добросовестном исполнении своих обязанностей и в безупречной правдивости во всём. Честь русского воина Драгомиров связывал с честью боевого знамени, придавая ему большое значение. Он говорил, что воинские части — батальоны и полки — нуждаются в вещественных знаках, служащих осязательным свидетельством внутреннего единения людей. Именно знамя и есть это свидетельство: «В порядочной части всё может умереть для войсковой жизни; одно остаётся неизменным и вечным, насколько вечны создания человека: дух и знамя — его вещественный представитель. Часть, в бою сохранившая знамя, сохранила свою честь неприкосновенную, несмотря на самые тяжёлые, иногда гибельные положения; часть, потерявшая знамя, — то же, что опозоренный и неотплативший за свой позор человек... такой кусок материя есть святыня — не условная военная святыня».

¹ 14 лет. 1881—1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, стр. 110. СПб. 1896.

² Там же.

³ Там же, стр. 135.

ня только, но святыня в прямом и непосредственном значении этого слова... из всех трофеев это именно тот, который более всего свидетельствует о нравственной победе над врагом»¹.

Нельзя не согласиться с таким глубоким определением чести и значения войскового знамени. Такое значение боевым знаменам придаётся и в Красной Армии.

Драгомиров был требователем к офицерскому составу. Осуществляя свою систему обучения и воспитания войск, он требовал от офицеров частей: общих теоретических знаний современного военного дела, подробного знания теории и техники относящихся к их роду войск, строжайшей дисциплины и порядка в частях, способности ориентироваться в любой обстановке; он требовал также частного почину и решимости принимать на себя ответственность за свои действия и распоряжения, когда обстановка не позволяет ожидать распоряжения свыше; наконец, быть твёрдым в тех основах, на которых зиждется воспитание солдата.

«Воспитание же состоит в развитии и укреплении характера на нравственных основах, в стремлении ввести эти основы, так сказать, в плоть и кровь солдата... тот, кто когда-либо серьёзно занимался воспитанием, знает, что воспитывающий должен сам обладать умом, большим самообладанием, добротой, высокими нравственными воззрениями, что он должен долго трудиться, чтобы в некоторой степени достигнуть цели»².

Офицер, указывал Драгомиров, должен быть внимателен к нуждам своих подчинённых, делить с ними тяготы службы и в обращении никогда не унижать солдата, а тем более не драться, помнить, что солдат — человек. Он должен воспитывать солдат в чувстве взаимной выручки, ибо «в военном деле всё основано на единодушии, товариществе... ввиду этого всё, способствующее развитию товарищества, должно быть поощряемо; всё препятствующее — внимательно устраняемо»³.

Вслед за Суворовым Драгомиров считал, что для воспитания прекрасных боевых качеств русского солдата — отваги, героизма, храбрости — налицо все предпосылки. Они заложены в героизме русского народа, громившего всегда своих врагов, которые покушались на его независимость. Эти качества русского солдата надо развивать воспитанием, и задача его как раз и состоит в том, чтобы «полезные для войны и боя убеждения и действия обратить военному человеку в привычные, и, наоборот, всемерно остерегаться от сообщения

ему навыков бесполезных или вредных при исполнении его великого назначения»⁴.

Командир должен быть строгим и настойчивым, он «воспитывает неуклонность и непрерывность применения раз поставленного, но непременно дельного, целесообразного требования»⁵.

Авторитет у подчинённых командир завоевывает «характером, знанием дела, работливостью о солдате и, наконец, всяческой справедливостью, в том числе и соразмерностью налагаемых взысканий»⁶.

Драгомиров считал, что трусость и дезертирство в рядах русской армии — явления, противные духу русского солдата, поэтому «именно у нас должен быть удержан и распространяем тот принцип, что оставление рядов здоровым человеком, пока борьба не решена, — есть мерзость, которая должна быть поставлена наряду с бегством»⁷.

Наряду с требованием к офицерскому составу Драгомиров предъявлял строго определённые требования и к солдату. Преданность родине до самопожертвования, храбрость, решительность, готовность безропотно переносить все трудности воинской жизни — вот свойства, которые должны характеризовать солдата.

Исключительное значение Драгомиров придавал дисциплине. При этом он указывал, что дисциплина — дело общее и бывает крепка только там, где она действует не только снизу вверх, но и сверху вниз. Основа дисциплины — строжайший порядок в каждой части, а «здоровый внутренний порядок в войсках возможен лишь тогда, когда каждый из начальников знает права и обязанности, когда в войсках будут знать и строго исполнять уставы». Особенно это требуется на войне, где «всякий, от солдата до главнокомандующего, и всякую минуту, находится на своём посту и должен постоянно помнить свою линию командную и свою линию подначальную, т. е. помнить, кого он должен слушаться; кого не смеет слушаться; кому может и кому не имеет права отдавать приказания; другими словами: ни к себе не принимать посторонних и неотвечственных советчиков, ни сам брать на себя таковой роли относительно других. Постоянное памятование и исполнение этого — коренное условие дисциплинировки боя; его можно, а следовательно, и должно привить путём практики в мирное время»⁸.

Драгомиров, следовательно, считал единовластие и полновластие командира основой правильного руководства войсками. Это полновластие, по мысли Драгомирова, не исключает совещаний и советов. Но, созывая их, командир, начальник, ставит себе

¹ Драгомиров М. Разбор романа «Война и мир», стр. 93—94. Киев. 1895.

² 14 лет. 1881—1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, стр. 214.

³ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1856—1881. Т. II, стр. 105—106.

⁴ 14 лет. 1881—1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, стр. 113.

⁵ Там же, стр. 226.

⁶ Там же.

⁷ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1856—1881. Т. II, стр. 131.

⁸ Там же, стр. 77.

целью вовсе не услышать от них решение, а «вдохнуть в них собственную решимость». Таков был совет Кутузова в Филях, Наполеона — после Аспернской неудачи; собрание разрабатывает подробности осуществления мысли командира, «разносит её по всему воинскому организму»¹.

Наряду с разработкой крупных вопросов армейского строительства Драгомиров занимался и так называемыми «мелочами». Он обращал внимание на вопрос о воинских приветствиях, которые, по его мнению, заставляют солдат и офицеров быть всегда подтянутыми, искать глазами начальников и пребывать в постоянной готовности выполнить приказание последних. Он требовал от офицеров отвечать на приветствия солдат и указывал, что «офицер, не отвечающий на сделанную ему честь, показывает этим, что он будто бы менее солдата благососпитан».

Уделял внимание Драгомиров и внешнему виду военнослужащих, их опрятности, форме одежды, — как моментам, характеризующим дисциплинированность. «Наше щегольство, — указывал он, — должно состоять не в новизне обмундирования, а в том, чтобы вид был молодецкий, а одежда хоть и старая, но была бы опрятна и тщательно вычищена. А то идёт, шинель новая, а подмышкою есть просит и нитки висят. То же и с шапкой; и старую можно держать в порядке, и новую можно отделать так, что будет хуже старой»².

Находясь на посту командующего войсками Киевского военного округа (1889—1902), М. И. Драгомиров вёл большую теоретическую, публицистическую и педагогическую работу наряду с выполнением своих прямых, должностных обязанностей. Вместе с тем он живо откликался на все вопросы, интересовавшие тогда армейские круги.

Свою военную карьеру Драгомиров закончил в звании полного генерала от инфантерии и в 1903 г. ушёл в отставку ввиду преклонных лет. Он поселился в своём родовом хуторе под Конотопом, где всецело отдался публицистической и теоретической работе.

И в отставке он продолжал откликаться на все важнейшие события армейской жизни. По поводу каждого крупного события в военных кругах задавался вопрос: «А что скажет об этом Драгомиров?» Помимо незаурядных литературных способностей Михаил Иванович обладал сильным критическим умом, и всякого рода рутинёры боялись его острого слова, как огня. Драгомиров указывал, что в литературе нет генералов и подпоручиков, — здесь все равны. Он всегда отвечал на запросы низовых армейских работников и высказывался в печати по тем вопросам, которые их интересовали.

¹ Драгомиров М. Разбор романа «Война и мир», стр. 44.

² 14 лет. 1881—1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, стр. 319.

После поражения царской армии во время русско-японской войны под Мукденом Драгомиров был вызван в Петербург. В Ставке возникла мысль о назначении его главнокомандующим вместо Куропаткина. Назначение это, по неизвестным нам причинам, не состоялось. Можно предполагать, что Драгомиров сам отказался от поста главнокомандующего, будучи недоволен планом кампании, порядками и практикой управления войсками и т. п. Драгомиров принял участие в совещании при Ставке, проведённом под председательством Николая II, где состоялось решение о назначении на пост главкома Линевица вместо Куропаткина. Самый факт вызова Драгомирова в Ставку и предложение назначить его главкомом свидетельствуют об огромном влиянии Драгомирова в армии. В нём искали спасителя против надвигавшейся военной катастрофы.

М. И. Драгомиров умер 18(31) октября 1905 г., оставив богатое литературное наследие. К числу его трудов относятся следующие работы: Сборник оригинальных и переводных статей 1856—1881 гг. СПб. 1881; «14 лет». 1881—1894. Сборник. СПб. 1896; «Однимнадцать лет». 1895—1905. сборник; «Очерки австро-прусской войны 1866». СПб. 1867; Учебник тактики для военных училищ. Киев. 1906; «Опыт руководства для подготовки частей к бою». 1-я ч., 5 изд.; 2-я ч., 4 изд.; 3-я ч., 3 изд. СПб. 1885—1894; «Подготовка войск в мирное время»; «Солдатская памятка»; «Австро-прусская кампания 1866 г.»; «Военные заметки 1894 г.»; Разбор романа «Война и мир» и др.

Наряду с другими работами особого внимания заслуживает его труд «О высадках в древнейшие и новейшие времена», представляющий собой разбор военно-морских десантов. Для того времени это была единственная работа по данному вопросу. И сейчас ещё она не утратила своего интереса и значения.

II

Генерал русской армии М. И. Драгомиров был человеком большого кругозора и всестороннего образования. Он хорошо знал историю вообще, историю войн и военного искусства в особенности. Ему были известны труды западноевропейских учёных не только по военным вопросам, но и по социально-экономическим, по вопросам естествознания и техники. Хорошо знал он и труды современных ему зарубежных военных деятелей, а также сочинения Гегеля, Клаузевица. Их Драгомиров не только знал, но был в России популяризатором высказанных ими положений. Драгомиров писал, что «изучение труда Клаузевица представляет жизненный интерес именно в наше время», а потому «новый перевод Клаузевица весьма рекомендуем вниманию и размышлению читающей военной публики»³.

³ 14 лет. 1881—1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, стр. 353—354.

Драгомиров правильно подошёл к теории военного дела: она, по его мнению, составляет «совокупность выводов... сделанных из фактов», усвоение которых и составляет опытность, знание. Она (теория) «представляет великие образцы военного творчества для изучения военному человеку... не для того, чтобы им буквально подражать, но для того, чтобы проникаться их духом»¹. Военная теория учит тому, «как нужно вести и организовать войска, дабы они возможно менее поддавались неблагоприятным случайностям»². Драгомиров считал, что военная наука должна больше «опуститься на землю» и внимательно относиться к тем жизненным мелочам, «пренебрежение к коим в нашем деле ведёт к роковым ошибкам на войне»³.

Таким образом, Драгомиров был ярким поборником единства военной теории и практики. От военачальника он требовал глубоких военных знаний, без которых невозможно руководство войсками. «Командование, — подчёркивал он, — должно быть следствием знаний; но оно само по себе не может дать знания»⁴.

Он зло высмеивал горлового своего времени, которые думают, «что военного искусства нет, что подвести вовремя провиант и велеть идти тому направо, тому налево — дело не хитрое, и что быть главнокомандующим можно ничего не зная и ничему не учившись»⁵. Драгомиров со всей силой своего критического ума высмеивает верхогляда в военном деле, который «прочитав, с грехом пополам, с полдесятка Фулей под разными заглавиями и фамилиями», «вообразил, что знает до такой степени глубоко военное дело, что, выйдя на практику, может только других учить, но самому ему учиться нечему»⁶.

Драгомиров, резко осуждая узколобых деятелей, людей замкнутой практики, не желающих вообще затруднять свой мозг теорией военного дела, в то же время подвергал резкой критике и тех людей науки, которые непростом отмахнулись от замечаний и предложений практиков.

Следуя Суворову, всегда придававшему первостепенное значение моральному духу войск, Драгомиров указывал, что в военном деле на первом месте стоит человек с его нравственной энергией. «Успех на войне и в бою, — указывал он, — зависит главнейше от хорошего нравственного состояния войск»⁷. Это основное теоретическое

положение Драгомирова пронизывает всю его систему воспитания и обучения войск. Главная задача военной теории заключается в том, чтобы ответить на вопрос, как развить этот высокий дух в войсках, волю к победе. «Ибо без воли нет и жизни, и науки, которая к ней не приводит, мёртвая наука»⁸. Он совершенно правильно отмечает, что основой крепости духа войск является глубокий патриотизм воинов, проявляющийся в любви к своей родине и в готовности жертвовать собою для её блага. «Там, где человек любит свою родину... любит свою часть, — указывал он, — там он не задумывается жертвовать собою для их блага»⁹.

Крепость духа армии, указывал Драгомиров, является также результатом морального превосходства над противником. Он соглашается с великим русским писателем Л. Н. Толстым, что русские войска победили армию Наполеона главным образом благодаря своему нравственному превосходству. А это в свою очередь объясняется наличием в русских войсках сознания правоты своего дела, понимания справедливости их борьбы против иноземных захватчиков, в которых русский солдат видел своих врагов, ненавидел их.

«Мы согласны, — заметил Драгомиров, — что под Бородином из всех составляющих самую сильную было то патриотическое раздражение, которое заставляло наших видеть во всяком французе личного врага»¹⁰.

Но воспитание чувства любви к родине, военного долга надо дополнить воспитанием физической закалки, способности преодолеть в бою чувство самосохранения. Основываясь на законах психологии, Драгомиров дал теоретически глубокую разработку вопроса о воспитании у солдата и офицера способности жертвовать собою, способности преодолевать в бою инстинкт самосохранения. Для этой цели необходимо в первую очередь рядом систематически и настойчиво проводимых упражнений довести упорство офицера и солдата до возможного, в зависимости от индивидуальных свойств, максимума, учил он. Даже человека, сильно поддающегося страху, можно путём соответствующих упражнений приучить к самообладанию, приучить бороться с чувством самосохранения. Так например занимающийся гимнастикой спрыгнет не задумываясь с такой высоты, с которой не всякий решится прыгнуть без гимнастики; солдат, часто бывавший в бою, выносит боевое впечатление спокойнее чем новичок. «Для человека, — указывал Драгомиров, —

¹ Драгомиров М. Разбор романа «Война и мир», стр. 47.

² Там же, стр. 4.

³ 14 лет. 1881—1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, стр. 39.

⁴ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1856—1881. Т. II, стр. 192.

⁵ Драгомиров М. Разбор романа «Война и мир», стр. 90.

⁶ Там же, стр. 39.

⁷ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1856—1881. Т. II, стр. 222.

⁸ 14 лет. 1881—1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, стр. 43.

⁹ Там же, стр. 113.

¹⁰ Драгомиров М. Разбор романа «Война и мир», стр. 55.

всегда дело было не в мере опасности, а в мере привычки к ней».

Глубоко правильным является положение Драгомирова о связи и взаимозависимости духовного и физического состояния человека и его механических навыков: обученный стрельбе будет при прочих равных условиях спокойнее в бою, чем необученный, обученный бьёт в штыковой схватке штыком и прикладом увереннее необученного, а занимавшийся гимнастикой не задумываясь преодолевает такое препятствие, которое замедлит, а иногда совсем остановит не занимавшегося ею. Из приведённых примеров видно, что из чисто физического акта вытекает как следствие — видоизменение акта духовного. Отсюда значение натренированности тех или иных действий, навыков владения оружием и приёмами боя. Вместе с тем бодрость духа позволяет выдерживать дольше физические испытания и лучше действовать в бою.

Таковы некоторые теоретические положения Драгомирова.

Что касается его педагогических правил и требований, то основные из них: заботиться о поддержании у подчинённого веры в себя самого, вести занятия с солдатом так, чтобы он ясно видел цель всякого действия и приёма; вести обучение в условиях, максимально приближённых к боевой действительности, разнообразить занятия и постановку задач; во всяком занятии добиваться развития у обучаемых инициативы и смекалки; готовить солдат и офицеров так, чтобы для них не было неожиданностей в бою.

Нетрудно увидеть суворовский дух в теории и педагогических требованиях Драгомирова. Педагогическая система его направлена к тому, чтобы воспитать волевого, инициативного, решительного воина; такой воин «понимает свой маневр», способен преодолевать все трудности на пути к достижению поставленной цели и обладает чувством воинского долга, ради которого способен на самоотвержение.

Драгомиров был не простым подражателем суворовского искусства, а воинствующим суворовцем, правильно понявшим существо суворовской системы. Восприняв бессмертные идеи Суворова, он дал им дальнейший ход и тем самым продолжил развитие в нашей стране военной науки, искусства побеждать врагов нашего народа.

М. И. Драгомиров жил и работал в условиях жестокого режима царского самодержавия. Не удивительно поэтому, что многие из его замечательных мыслей и положений не нашли, да и не могли найти своего осуществления в царской армии. Его передовые идеи были чужды реакционной сущности царской армии, а его прогрессивные начинания не встретили сочувствия не только со стороны военного министерства, но и у большинства старших строевых начальников. Только упорство и настойчивость дали возможность Драгомирову применить свою систему воспитания и обучения войск в Киевском военном округе, которым он командовал, а кроме того

и в некоторых других округах, по инициативе отдельных начальников, испытавших на себе влияние Драгомирова. За свои прогрессивные начинания Драгомиров слыл среди реакционного офицерства «красным».

Советский народ и его армия — достойные преемники богатого теоретического фонда и практического опыта Драгомирова, всего его наследства, представляющего большую ценность для нашей страны. Наша советская наука, и в особенности наша военная наука, может и должна черпать из наследства Драгомирова замечательно ценные мысли, зовущие и сегодня к плодотворной работе.

Драгомиров перевёл для себя и для друзей избранные статьи некоторых иностранных авторов и поместил их в сборнике своих произведений. К числу таких статей относится работа одного французского автора о влиянии французской революции на формирование национальной армии Франции периода 1789—1793 годов. В своём примечании Драгомиров солидаризируется с основными положениями автора и сравнивает его работу с «Наукой побеждать» Суворова.

Вот характерная выдержка из этой статьи: «Она (революция. — С. Д.) поставила массы людей в ряды армии, она же доставила и средства предводитель ими... революция провозгласила, что всякий призван сражаться за высшее земное благо: за свободу. Для её защиты она потребовала от человека неслыханных усилий и подвергла его беспримерным испытаниям. Всё, что только человеческая натура способна совершить и претерпеть, революция повелела своему защитнику совершить и претерпеть. Революция же внушила ему убеждение, что жертва его свободна и приносит для собственной выгоды; что, жертвуя собою для родины, он оказывает услугу человечеству. Нужно, провозгласила она, солдату уметь всё делать и во всём себе отказывать: взбираться на горы, спускаться в пропасти, переносить на руках орудия, возить их за лошадей, перебираться вплавь через реки; бивактировать без одежды, делать форсированные марши без обуви и драться впроголодь; вот, сказала она, ремесло солдата. Нужно, чтобы он умел делать всё, чего война может потребовать, чтобы он считал себя обязанным делать всё, чего она потребует, и был убеждён, что годен на всё»¹. То, что Драгомиров перевёл такую статью и включил её в сборник вместе со своими собственными статьями, характеризует и его взгляды.

III

Литература о Драгомирове до крайности бедна. О нём, оставившем такое богатое литературное наследство, почти ничего не написано. Более того: и то немногое, что написано о нём, страдает ошибочными положениями. Лицо и роль этого замечатель-

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1856—1881. Т. II, стр. 22—23.

ного военного мыслителя в некоторых работах прямо-таки извращены. Мы имеем в виду статью справочного характера о Драгомирове, которая помещена в Большой советской энциклопедии, в XXIII томе. Поражают прежде всего бедность фактического материала и бледность характеристики значения наследия Драгомирова, его роли в истории русской армии. Если верить автору этой статьи, то М. И. Драгомиров отрицал военную науку, а в Военной академии он установил такие дисциплину и порядок, какные «отнюдь не отвечали проповедующим им в теории идеям о необходимости возвышения личности военнослужащего»; из той же статьи вытекает, что Драгомиров, исходя из своего положения «война есть дело не столько умовое, сколько волевое», выдвинул реакционную теорию, которая пренебрегала военной техникой, что Драгомиров считал вредными техническими нововведениями в военном деле, и т. п.

Из указанной статьи следует, что Драгомиров возражал против ружей, заряжаемых с казны, против магазинных ружей, против увеличения артиллерии и стрельбы с закрытых позиций, против перископа, телеграфно-телефонной связи — в общем был консерватором и возражал против всяких нововведений в военном деле и т. п. Такая характеристика генерала Драгомирова не правильна. Тем самым подвергается сомнению, возможно ли использовать теоретическое наследство Драгомирова.

Кроме того статья вносит путаницу и в другом отношении: автор приписывает Драгомирову реакционную теорию пренебрежения военной техникой на том основании, что Драгомиров признавал первенствующее значение морального фактора. Правильное понимание исключительно большого значения морального фактора на войне вовсе не исключает, а предполагает и признание роли военной техники (вооружения) как постоянно действующего (наряду с другими) фактора, влияющего на исход той или иной войны.

Вопреки мнению, высказанному в той же статье, Драгомиров вовсе не пренебрегал военной теорией и правильно определял, как мы уже видели, её роль и задачи.

Военная теория, указывает Драгомиров, «утверждает в знании свойств войск и местности; она указывает на образцы творчества в военной области и следовательно облегчает путь тем, кто от природы одарён военными способностями»; «теория военного искусства имеет весьма не шуточное значение, но вместе с тем не даёт человеку успокоиться на мысли, будто он знает всё дело, узнав только часть его. Редештов на то, как созидать Аустерлицы, Фридланды, Ваграмы, швейцарские походы 99 года, — теория военного дела не даёт; но она представляет эти великие образцы

военного творчества для изучения военному человеку»¹. И далее: «Военная теория, наконец, признав влияние мирной подготовки на дух войск, занимается разработкою вопроса о том, каким образом должно вести воспитание и образование войск в мирное время, чтобы не только не подорвать их духа, а, напротив, развить и закалить его в боевом смысле»².

Нельзя не согласиться с тем, что здесь дана правильная трактовка вопроса с указанием на творческий характер военной теории. Здесь заключено и возражение всем тем, кто проповедовал (и проповедует) неизменность принципов в военном деле, всем любителям прямого подражания Наполеону и наполеонам.

Выше уже было показано, как зло, со всей силой своего критического ума Драгомиров высмеивал военных, недооценивавших военную теорию, поверхностно относящихся к ней. Из предыдущего видно также, что Драгомиров был горячим поборником военной теории (военной науки тож), а главное, правильно понимал её сущность, роль и значение, понимал необходимость единства военной теории и практики. Это и было типично для Драгомирова.

Правда, Драгомиров возражал против немедленного введения в русской армии магазинных ружей и другого автоматического оружия, но не потому, что он был против использования их вообще как нововведения, а ввиду их несовершенства. По этому поводу Драгомиров заметил: «Так как в настоящем своём виде магазинки не превосходят хорошее однозарядное оружие, но уступают ему, то принимать их достаточного основания нет»³.

Подчёркивая положительную роль, какую сыграл Драгомиров в развитии русского военного искусства, значение того наследия, которое он нам оставил, мы отнюдь не закрываем глаза на неизбежную ограниченность в постановке им принципиальных вопросов воинского обучения и воспитания. Ясно, что, как царскому генералу, многие положения своей системы ему приходилось приспособлять к требованиям того времени. Но если его система как целое не может быть рекомендована для Красной Армии, то многие из её положений, как мы видели, весьма ценны и для нашего времени.

Хотелось бы поэтому видеть в ближайшее время советское издание полного собрания сочинений М. И. Драгомирова с толковым предисловием и комментариями к ним.

¹ Драгомиров М. И. Разбор романа «Война и мир», стр. 46—47.

² Там же, стр. 113.

³ 14 лет. 1881—1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова, стр. 184.

ПУГАЧЕВСКИЙ АТАМАН ИВАН БЕЛОБОРОДОВ НА УРАЛЕ

М. Мартынов

I

Иван Белобородов, один из подлинных героев восстания Емельяна Пугачёва, стоял во главе движения заводских людей на Урале. Движение это было частью общенационального крестьянского восстания 1773—1774 годов. Восстание, поднятое заводскими людьми во главе с И. Белобородовым, было не случайным, а закономерным явлением, звеном в длительной и тяжёлой борьбе заводских людей против крепостного права на Урале.

Накануне восстания Пугачёва уральская промышленность процветала. Со времени основания «дедушки» уральских заводов — Невьянского завода, — в 1699 г., и по 1780 г. на Урале возникло 159 заводов, в том числе 105 железных и 54 медных. Наибольшее их количество появилось в 50-е годы XVIII в., когда возникло свыше одной четверти всех заводов, в том числе 28 железных и 15 медных. Урал превратился в самый мощный район тяжёлой промышленности крепостной России. Отсюда шли в разные места России пушки, снаряды, якоря, колокола и другие предметы, а также чугун, железо, медь и сталь. Большое количество железа отправлялось за границу, в частности в Англию.

Своим расцветом уральская промышленность была обязана крепостному труду. «Крепостное право служило, — говорит Ленин, — основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»¹. На уральских заводах царил бесчеловечная эксплуатация; каторжные условия работы не раз вынуждали заводских людей к борьбе с феодалами-заводчиками. Заводские люди Урала убегали с заводов в одиночку и группами, избивали приказчиков и заводчиков, отказывались от работы, а иногда с оружием в руках выступали против своих угнетателей.

Иван Белобородов, вышедший из среды приписных к заводам крестьян, был настоящим вождём горнозаводских людей на Урале. Русские люди, работавшие на заводах Урала, — мастеровые, рабочие люди и приписные крестьяне — составляли основное ядро в войске Белобородова.

Движение, возглавлявшееся Иваном Белобородовым, — одна из ярких страниц в истории освободительной борьбы трудящихся масс Урала.

Белобородов в Кунгурском уезде

Восстание Емельяна Пугачёва началось в сентябре 1773 г. на р. Яике (Урал). В ноябре оно уже охватило обширный район с юга на север, от устья р. Яика до верховья р. Осы, левого притока р. Камы, и с востока на запад, от верховья р. Тобола до среднего течения р. Самары, притока Волги. В это время пугачёвские войска осаждали уже Оренбург и Уфу. Восстанием руководил штаб, находившийся под Оренбургом, в слободе Берде, и возглавлявшийся Емельяном Пугачёвым. В декабре Пугачёв создал новый штаб восстания — в Башкирии, под Уфой, в селе Чесноковке, — и поставил во главе его яицкого казака, одного из инициаторов восстания — Зарубина. Приняв на себя пышный титул «графа Чернышёва», Зарубин энергично повёл дело. При нём восстание захватило ряд новых районов, арестованы были десятки тысяч людей.

В начале декабря 1773 г. вспыхнуло восстание среди башкир Гайнинской волости Осиной дороги, поднятое отрядом пугачёвцев, прибывшим из-под Уфы. Отсюда, из района р. Тулы, оно быстро распространилось по Прикамскому краю, захватило и Кунгурский уезд, где в селе Богородском жил канонир в отставке Иван Наумович Белобородов.

1 января 1774 г. в село Богородское приехал крестьянин Данило Бурцев из отряда пугачёвцев, возглавлявшегося Канзафаром Усаевым. Бурцев прочитал на базарной площади жителям села манифест «императора Петра III». Повидимому, это был манифест Пугачёва от 2 декабря 1774 года.

Белобородов вместе с другими жителями села услышал манифест, зовущий к счастью и свободе. Облечённые в форму вполне законного документа, слова манифеста имели для него значение приказа. До Белобородова давно дошли слухи о том, что государь Пётр III, будто бы желавший улучшить положение крепостных, жив и что вместо него погребён какой-то гвардей-

¹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 376.

ский капрал¹. Вместе со всем народом Белобородов встретил манифест ликованием.

Приехав в село, Канзафар остановился в доме Белобородова, который заслужил его доверие. Сельская администрация была частично обновлена пугачёвцами. По предложению Белобородова Канзафар Усаев назначил сотником села Конона Змиева.

По требованию Канзафара крестьяне выставили 25 человек в казацкий отряд. Канзафар присоединил к ним ещё 12 башкир, набранных раньше в селе Бырме на р. Тулве, и назначил сотником нового отряда И. Белобородова. Так началась деятельность Белобородова — одного из сподвижников и помощников Пугачёва в крестьянской войне второй половины XVIII века.

Усаев и Белобородов набрали в приписном к Сергинским заводам селе Алтынном 50 чел. в казаки и прибыли на соседний Нижний Иргинский (он же Шуртанский) завод П. Осокина. Завод был занят пугачёвцами без боя.

Между тем на Иргинский завод из-под Уфы пришёл приказ Белобородову от Зарубина идти на Урал, где в это время под Екатеринбургом начались стихийные выступления заводских людей, башкир и казаков.

Отряд Белобородова сначала принял решение идти по Сылвинской дороге; но екатеринбургские власти узнали об этом и привели Сылвинскую дорогу в боевой порядок: расставили караулы, около Сылвинского завода устроили «лесной завал», превратили завод в крепость.

Белобородов изменил тогда своё решение, тем более что в Ачитской крепости, стоявшей в начале Большой Московской дороги, вспыхнуло восстание, которое закончилось победой пугачёвцев и переходом крепости в их руки. Белобородов двинулся по Большой Московской дороге.

Перед выступлением в поход Белобородов получил от Канзафара Усаева дополнительный отряд, манифест Пугачёва и «наставление» беспощадно бороться с противниками новой власти. Отряд состоял из русских, башкир, татар и менчеряков; в нём было много заводских людей.

На Чусовских заводах

Белобородов быстро прошёл путь от Иргинского завода до Ачитской крепости. После двухдневного пребывания в крепости он двинулся дальше, на Урал. Это было подлинно триумфальное шествие. «Разные крепости и заводы» добровольно сдавались Белобородову².

К середине января его отряд занял последнюю из крепостей, охранявших Большую Московскую дорогу, — Гробовскую.

Дальше путь шёл через заводы прямо на Екатеринбург. Приближение отряда к Екатеринбургу вызвало сильную тревогу в городе.

Екатеринбург (ныне Свердловск) был тогда небольшим, плохо укрепленным городом. В нём насчитывалось 1426 домов, в которых жило 4559 человек. Он был окружён простым земляным валом с глубоким рвом и деревянными рогатками. Напуганный известиями о приближении Белобородова и о волнениях на заводах, офицерский совет Екатеринбурга во главе с полковником Василием Бибиковым на заседании 11 января 1774 г. постановил эвакуировать город и «всем благородным выехать в безопасные места»³.

18 января 1774 г. Белобородов прибыл на Билимбаевский завод графа А. Строганова, находившийся в аренде у придворного ювелира И. Лазарева с братьями. Завод был расположен в 50 верстах от Екатеринбурга. Заводские люди радостно встретили вождя повстанческого отряда, которого они приняли за Пугачёва. «Рассказы о поступках Пугачёва, о его ревности к помещикам и боярам, — сообщает писарь завода Верхоланцев, — везде возмущали народ против начальников». На заводе наступил настоящий праздник. Заводские люди гуляли и пели песни. Вместе с заводскими людьми «пировали» и «добрые» для народа заводские служители; конторские книги и архив, оставшиеся на заводе, тут же вытащили на площадь и сожгли при криках: «Горите, наши долги!»⁴.

Белобородов набрал на заводе 500 чел. в казаки. Таким образом, его отряд состоял уже из 600 человек. В отряде было 5 пушек и 5 пудов пороку.

Через два дня, 20 января, он был уже на соседнем, Нижнем Васильевско-Шайтанском заводе Ширяевых, или «Шайтанке», как обычно называли этот завод. Завод находился в 42 верстах от Екатеринбурга. Это был средний по размерам производства завод, который имел одну домну и 6 молотов. На нём работало 466 чел., большинство из них (293 чел.) было куплено заводчиками; больше половины общего количества заводских людей принадлежало к старообрядцам.

Заводская администрация предусмотрительно остановила завод ещё 7 января 1774 года. Работные люди, узнав о приближении пугачёвского отряда, завольтновались. Капитан Еропольский, отступивший под натиском пугачёвцев с Сергинских заводов на Васильевско-Шайтанские, решил отступить дальше, к деревне Решёты, в 23 вер-

³ Ленинградский исторический архив (ЛИА). Кабинет его величества, д. № 343/1082, л. 162. Донесение полковника Василия Бибикова князю А. А. Вяземскому от 12 января 1774 года.

⁴ Рассказ, записанный со слов одного из участников Пугачёвского бунта — Верхоланцева. «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских». Кн. III, отд. V, стр. 333. М. 1882.

¹ «Пугачёвщина». Т. II, стр. 335. Из следственных материалов и официальной переписки. Показание И. Белобородова от 30 июля 1774 года. М. — Л. 1929.

² Там же, стр. 327.

стах от Екатеринбурга. Заводские люди встретили Белобородова хлебом-солью.

Завод стал главной базой восстания на Среднем Урале. На заводе была построена деревянная крепость. По направлению к Екатеринбургу были расставлены караулы, запрятанные в лесных ямах, прикрытых сверху снегом и хвоей. Находясь на небольшом расстоянии друг от друга, караульные могли одним «криком» передавать известия на завод.

На заводе отряд Белобородова быстро возрос до 3 тыс. человек. С увеличением количества казаков в его войске появились люди, которые стали грабить и разорять население. Белобородов решил положить этому конец и 31 января дал «наставление» своему войску. Он разделил его на три части, различные по национальному составу: на русскую, башкирскую и марийскую сотни. Во главе русской сотни был поставлен С. Варенцов (повидимому, Верхолянцев), башкирской — Егафар Азлаев, а черемисской (марийской) — Оска Оскин. Белобородов требовал, чтобы сотники держали свои команды «во всякой строгости и послушания» и наблюдали, чтобы все «единодушно» «слушали «его императорскому величеству»¹.

Белобородов, преданно борющийся за установление власти «императора Петра III», до сих пор ещё не видел Пугачёва и не получал лично от него никаких указов и манифестов. Между тем он хотел придать вполне законный характер борьбе, направленной на то, чтобы уничтожить крепостное право на Урале. Это побуждало его отправить в Берду, под Оренбург, делегацию, дав ей наказ проведать, «подлинно ли он (Пугачёв. — М. М.) государь». Выборные съездили в Берду и вернулись оттуда убеждённые, что Пугачёв — не самозванец, а «подлинно государь» Пётр III. Они привезли указ, которым Пугачёв жаловал Белобородова высоким званием атамана.

Вестя, полученные из главного пугачёвского штаба, подняли настроение в войске Белобородова, где стали зарождаться сомнения в царском происхождении Пугачёва. Преданное Пугачёву войско Белобородова было, однако, слабо в военно-техническом отношении; оно не имело опытных командиров и страдало от недостатка пушек и пороха.

20 января в деревню Решёты, где находился капитан Еропольский, прибежали с Васильевско-Шайтанского завода трое мастеровых и сообщили капитану «о слабости занимавших оной завод воров»². В тот же день капитан Еропольский решил сделать «небольшой поиск» в сторону Васильевско-Шайтанского завода. В «поиске» участвовала небольшая команда, состоявшая из 110 мастеровых и рабочих людей. В ней

было всего лишь 2 солдата. Команда была хорошо вооружена ружьями и пушками и снабжена достаточным количеством пороха. Пугачёвские караулы быстро заметили приближение команды и немедленно «криком» дали знать о ней на завод. Навстречу команде выступил сам Белобородов с отборной частью своей армии. Встреча произошла недалеко от завода, при дер. Талице. В бою с командой Белобородов сам заводил пушку, «удивив всех нас, — рассказывает Верхолянцев, — искусством своим стрелять из пушек»³. Пугачёвцы разбили команду, взяли в плен до 60 чел. и захватили 8 пушек.

Белобородов не воспользовался, однако, победой и отказался от активных, наступательных действий. Между тем 22 января новая, более многочисленная команда, до 470 чел., в составе 60 солдат и 3 офицеров, сделала новый «поиск» против пугачёвцев. Пугачёвский отряд был крупнее и имел 11 пушек, в то время как у противника было 6; но в нём, кроме Белобородова, не было канониров. Кроме того у пугачёвцев было мало ружей: они были вооружены дубинами, луками, саблями и пиками. Тем не менее пугачёвцы разбили и вторую команду. Правда, победа стояла им многих жертв.

Разбив противника, Белобородов, как и в первом случае, отказался от преследования. Победа, купленная дорогой ценой, не была закреплена.

Успешные действия Белобородова под Екатеринбургом были с радостью встречены на заводах Урала. Влияние пугачёвцев возросло. Заводские люди стали выходить из повиновения начальству и по собственной инициативе передавать заводы в руки пугачёвцев. Брожение захватило и заводы, находившиеся далеко на север от Екатеринбурга. «Заколебались» заводские слободы Алапаевского и Невьянского заводов. Стал оказывать неповиновение Нижнетагильский завод Демидова. Пламя восстания разгоралось и к югу и к юго-востоку от Екатеринбурга, со стороны Исетской провинции. Восстание перекинулось на Каменский и Нязе-Петровский заводы и на слободы Вагаряцкую, Шелкуевскую и другие. Екатеринбург очутился в кольце восставших заводов и слобод. Дороги, идущие из Екатеринбурга на Кунгур, Челябинск и Шадринск, были захвачены повстанцами. Оставалась лишь одна дорога — на Верхотурье. Крестьяне отказывались возить хлеб и сено в Екатеринбург. Цены на предметы первой необходимости в городе резко возросли.

Опыт тяжёлых, хотя и успешных, боёв заставлял Белобородова временно отказаться от похода на Екатеринбург. Ему казалось, что, собрав ещё больше казаков, пушек, снарядов и пороха, он «многочисленством» своей армии сломит сопротивление врага и возьмёт город. Поэтому он решил идти на север от Екатеринбурга, где на реках Чу-

¹ «Пугачёвщина». Т. I. Из архива Пугачёва, стр. 81—82. М. — Л. 1926.

² «Известие об učinяемых поисках над злодеями». ЛИА, д. № 343/1082, л. 160.

³ Рассказ Верхолянцева. «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских». Кн. III, отд. V, стр. 335.

совой, Нейве, Тагиле, Реже и их притоках находилось до 25 заводов. Здесь были расположены Невьянский, Алапаевский, Тагильский, Уткинский и другие заводы. В слободах жило несколько тысяч заводских людей, готовых примкнуть к восстанию.

От Васильевско-Шайтанских заводов Белобородов решил идти на Уткинский завод, откуда шла большая проезжая дорога прямо в центр Нейвотагильского промышленного района. Свой поход он начал в начале февраля, оставив на Шайтанке часть армии.

Ещё за несколько дней до похода Белобородов направил на Уткинский завод отряд численностью до 500 чел., но засевавший на заводе отряд сержанта Курлова отбил нападение пугачёвцев. Неудача, однако, не остановила Белобородова. С войском в количестве до полутора тысячи человек он сам пошёл на Утку Демидова. На помощь Курлову были брошены новые силы с Невьянского, Нижнетагильского и Сылвинского заводов. Его команда выросла до 900 чел. и имела 15 пушек. 11 февраля Белобородов повёл свои войска на штурм завода. Впереди двигались возы с сеном, соломой и берёзовой корой, а под их прикрытием шли пугачёвцы. Заняв Утку Демидова, Белобородов увеличил своё войско ещё на 120 человек.

Между тем положение под Екатеринбургом и Кунгуром резко изменилось. На помощь В. Бибикову были брошены из Сибири воинские части. 11 февраля в Екатеринбург доставили порох.

Одновременно с этим из Казани на помощь В. Бибикову был послан секунд-майор Гагрия. Разбив пугачёвцев под Кунгуром, в селе Ордынском, он шёл на юг к Красноуфимску, где собрались главные пугачёвские силы, действовавшие в Кунгурском уезде. Опасаясь разгрома, пугачёвцы обратились за помощью к Белобородову.

Отряд, оставленный на Шайтанке, получив сведения об увеличении военных сил противника, сначала действовал энергично. В ночь на 11 февраля он напал на деревню Решёты, выгнал оттуда капитана Черепова и преследовал его 7—8 вёрст по направлению к Екатеринбург. Этот удачный «приск» пугачёвцев вызвал переполох в городе. В 12 часов ночи в Екатеринбург «была ударена, — сообщает журнал полковника Василия Бибикова, — тревога и собравшиеся люди разведены с артиллерией в подкрепление городских караулов»¹. Пугачёвцы вновь не закрепились за собой занятых позиций и отступили, показав этим свою слабость. Учитывая это, В. Бибиков 12 февраля 1774 г. дал приказ секунд-майору Фишеру произвести удар по Шайтанке, а капитану Белову — по Ревде. Тогда шайтанцы, чувствуя слабость своих сил, обратились за помощью к Белобородову.

Белобородов не изменил своих намерений и продолжал собирать силы и средства для

борьбы за Екатеринбург. В то же время он решил оказать помощь и шайтанцам и кунгурцам. Он разделил свою армию на три части. Два отряда, каждый по 400 чел., он послал на Шайтанку и Ревду, а до 700 чел. во главе с унтер-шихмейстером Жубринским оставил на Утке Демидова. Одновременно он отправил десять пушек с ядрами и картечью в Кунгурский уезд, а сам с небольшим отрядом пошёл дальше на север. Заняв Сылвинский завод графа Ягужинского, Шайтанский завод С. Яковлева и Илимскую пристань, Белобородов отказался от намерения идти оттуда в Нейвотагильский заводской район. Тревожные вести, полученные из-под Екатеринбурга, звали его обратно на юг. 14 февраля Фишер сделал налёт на Васильевско-Шайтанский завод и сожг там часть построек. Белобородов после ухода Фишера восстановил деятельность этого грозного для врага очага восстания. Явившись на завод с отрядом в 25 чел., он быстро довёл его до 400 человек. Однако он не мог долго оставаться на Шайтанке: известия, полученные им с Утки Демидова, звали его обратно на север.

19 февраля Гагрия нанёс сильное поражение пугачёвцам в Красноуфимске. Затем он пошёл на Утку Демидова, разбил Жубринского и занял Утку. Узнав о разгромах Жубринского на Утке, Белобородов решил взять её вновь. Он быстро построил вокруг завода вал из снега и хвой. Расположив здесь свои силы, он сделал в лесу засеку из срубленных деревьев, вершины которых были обращены в противоположную от завода сторону. Засека должна была защищать Белобородова от команд, которые могли подойти к Гагрия на помощь. Устроенная Белобородовым сеть укреплений, известная под названием «циркумвалации», была рассчитана на длительную осаду завода. Но Гагрия разбил наголову Белобородова при первой же его попытке взять Утку. Часть пугачёвцев бежала на север, на Шайтанский завод Яковлева, где впоследствии и сдалась Гагрия, а часть, во главе с Белобородовым, прошла на юг и, обойдя через Сергинские заводы Екатеринбург, остановилась на Каслинском заводе А. Демидова. Восстание на Чусовских заводах было подавлено. Заводы были восстановлены и вновь стали работать.

На Касли

В районе, расположенном между верхним р. Уфы и р. Пыжмой, к югу от Екатеринбурга, куда направился Иван Белобородов с Чусовских заводов, восстание было в полном разгаре. Одним из крупных очагов восстания была Багаряцкая слобода, в которой находилась «главная походная ставячная» атамана Самсона Максимова. Крупную роль играли в восстании слободы Белослудская и Белоярская, сёла Шелжунское и Уксянское, деревня Першино и заводы Каслинский и Каменский.

Отряд Белобородова быстро прошёл путь от Сергинских заводов и в конце февраля прибыл на Касли.

¹ ЛИА, д. № 343/1082, л. 160. Журнал полковника Василия Бибикова в Екатеринбург. Запись от 11 февраля 1774 года.

Каслинский завод Н. Демидова пользовался славой одного из наиболее революционных заводов на Урале. Приписные крестьяне этого завода, возмущённые «демидовскими тягчайшими работами», волновались ещё в 1759—1760 годах. 3 января 1774 г. на заводе вспыхнуло восстание и завод перешёл на сторону пугачёвцев. Приписные крестьяне, приходившие работать на завод из Исетской провинции, стали немедленно расходиться по домам, разнося всюду вести о вольностях, дарованных народу «императором Петром III». В окрестные сёла рассылались с завода нарочные с «манифестами» Пугачёва. Незадолго перед прибытием Белобородова большим влиянием на Касли пользовался «запрещённый» священник М. Вторых.

Придя на Касли, Белобородов стал во главе восставших. Он привёл заводских людей к присяге и начал строить на заводе крепость. Но вскоре ему пришлось двинуться в Багаряцкую слободу — главный очаг восстания в северовосточной части Исетской провинции, — так как она попала в серьёзное положение. Отправленный 25 февраля из Екатеринбурга секунд-майор Фишер после занятия Каменского завода двинулся 4 марта на атамана Максимова в Багаряцкую слободу.

Уведомлённый об этих событиях, Белобородов немедленно собрался в путь и уже 4 марта 1774 г. прибыл в Багаряцкую слободу. На другой же день, действуя совместно с атаманом Максимовым, Белобородов двинул против отряда Фишера к деревне Рыбниково тысячное войско и несколько пушек. Пугачёвцы одержали победу. Капитан Порецкий, командовавший отрядом Фишера, отступил и скрылся на Каменском заводе.

Ободрённые успехом, пугачёвцы решили вновь захватить завод, который в начале восстания дал им немало пушек и снарядов. Во главе борьбы за завод стал сам Белобородов. Он сумел пробудить в пугачёвцах веру в победу и вызвать необычайный подъём духа. По его распоряжению есаул Янин в одну ночь сделал вокруг завода засеку, а также соорудил и окружил завод валом из хвой и снега. «Циркумвалация» хорошо охранялась. Для её защиты было выставлено на ночь до 300 человек. Однако 5 марта Белобородов был вынужден с пятью казаками вернуться на Касли.

Для Максимова вскоре вновь наступили тяжёлые дни: 8 марта капитан Порецкий разбил его под дер. Рыбниково, а 12 марта секунд-майор Гагрин разбил Белобородова на Касли.

Сохранялась любопытная ведомость о составе 279 повстанцев, захваченных на Касли. Большинство из них (184 чел.) были с Каслинского и соседнего, Кыштымского заводов. Остальные пришли сюда с рек Камы, Сылвы и Чусовой. Здесь были заводские люди с Очерского, Домрянского, Иргинского, Сергинского и Шайтанского за-

водов¹. Белобородову удалось соединить в своём отряде местных заводских людей с заводскими людьми, пришедшими сюда за многие сотни вёрст.

Разбитый на Касли, Белобородов бежал на Саткинский завод Лугинина. Остатки его отряда также двинулись на Сатку.

На Сатке

Белобородов появился на Сатке в то время, когда главнокомандующий по борьбе с пугачёвцами генерал-аншеф А. Бибииков повёл энергичное наступление на главные штабы восстания — на Берду, под Оренбургом, и на Чесноковку, под Уфой. 22 марта 1774 г. князь Голицын разгромил Емельяна Пугачёва под крепостью Татищевой и освободил Оренбург. Пугачёв бежал на уральские заводы — сначала на Вознесенский, а затем на Белорецкий. 24 марта подполковник И. Михельсон разбил Зарубина под Уфой, у деревни Зубовки. Зарубин бежал в Табынук и там был арестован.

В то же время усилилась агитация против Пугачёва. Везде рассылались правительственные манифесты, объявлявшие Емельяна Пугачёва самозванцем и предававшие его анафеме. За поимку его была назначена большая награда — 10 тыс. рублей.

Но Белобородов оставался верным делу, которое несло свободу и счастье заводским людям.

Саткинский завод А. Лугинина, находившийся на середине пути между Оренбургом и Екатеринбургом, вдали от районов, куда были направлены правительственные войска, представлял собою удобную базу восстания, тем более что завод мог дать Белобородову много чугуна, железа, меди и вместе с тем и людей.

Основанный в 1758 г., Саткинский завод был одним из наиболее крупных заводов Южного Урала. Оборудование его состояло из двух домен, девяти молотов и двух печей. За период с 1769 по 1773 г. завод давал от 153 тыс. до 184 тыс. пудов чугуна и от 802 до 2046 пудов меди ежегодно. На заводе работало 1829 крепостных — мастеровых и рабочих людей.

Завод перешёл на сторону Пугачёва ещё 6 декабря 1773 года. Это время во главе завода стоял И. Кузнецов. Впоследствии он был назначен Пугачёвым «главным предводителем российского и азиатского войска», действовавшего под Кунгуром. Затем во главе завода стал атаман Костромин, а после него — Белобородов.

Прибыв на Сатку, Белобородов стал собирать отряд. В него вошли старые, испытанные его товарищи по Среднему Уралу, прибывшие с Касли, заводские люди Сатки и других заводов, а также башкиры и мещераки. Его ближайшими помощниками

¹ Московский исторический архив (МИА). Древнехранилище. Государственный архив. VI разр., д. № 467. ч. X, л. 3.

были, как и раньше, мецерьятский старшина Бахтияр Канкаев, есаул Егафар Азлаев и сотник Верхоланцев.

Белобородов сначала не предполагал превратить Сатку в опорную базу восстания. Он отправился в Кунгурский уезд, где сохранялись ещё остатки кунгурской армии с башкирским полковником Ишмень Иткуловым во главе, и хотел поднять там восстание. Вслед за ним в деревню Нижнее Киче приехал с Катав-Ивановского завода станичный атаман, который хотел склонить Белобородова к отпадению от Пугачёва. Но Белобородов остался верен своему «императору». Он расценил действия атамана как измену и повесил его.

9 апреля Белобородов получил от Пугачёва указ, которым ему поручалось набрать в корпус «его величества» «многотысячное число человек» из русских, башкир и марийцев (черемисов) и отправить их в армию Пугачёва. Приказ «императора» заставил Белобородова вернуться на Сатку и развернуть кипучую деятельность.

Он послал в Кунгурский уезд мецерьятского старшину Бахтияра Канкаева, дав ему «наставление» набирать людей в казаки и вести их на Сатку. Такое же «наставление» было дано и Козьме Коновалову. В то же время сам Белобородов производил набор на Сатке и на других ближайших заводах и в деревнях. Ему помогали Егафар Азлаев и, повидимому, Салават Юлаев со своим отцом Юлаем. Деятельность атаманов в Кунгурском крае дала слабые результаты, но зато сам Белобородов набрал 450 человек. Кроме того к нему пришло с Касли 250 человек. Образовался отряд в 700 чел., имевший в своём распоряжении 6 пушек.

Вблизи Сатки в башкирских волостях энергично действовал популярный в Башкирии пугачёвский атаман Салават Юлаев. Он просил Белобородова оказать ему помощь. Прежде чем идти на соединение с Пугачёвым, Белобородов решил помочь Салавату. Он был радушно принят на Симском заводе, но соединиться с Салаватом, действовавшим вдалеке от завода, ему не удалось, так как он получил новый приказ Пугачёва, звавшего его скорее идти ему навстречу.

Покинув Симский завод, он пошёл через Сатку на Чебаркуль к Пугачёву. На Сатке он вынужден был остановиться, так как наступившая распутица мешала ему двигаться дальше. Между тем подполковник Михельсон 27 апреля перешёл р. Уфу у села Богородского и шёл на Салавата к Симскому заводу. Опасаясь встречи с козницей Михельсона, Салават вновь обратился к Белобородову за помощью. Решив помочь Салавату, Белобородов прибыл для этой цели на Катав-Ивановский завод, но дальше двинуться не смог. Сюда к нему прислан был новый гонец от Пугачёва — илецкий казак, есаул Иван Шибаетов, который привёз указ с требованием спешно идти на Магнитную крепость.

Белобородов подчинился приказу и двинулся в путь. Но перед этим он арестовал и отправил в цепи к Пугачёву его гонца

Шибаетова за грабёж, учинённый им на Златоустинском заводе. Дорогой Белобородов получил ещё несколько указов от Пугачёва, звавшего его к себе.

6 мая Пугачёв занял Магнитную крепость, и тогда же «стройно», с «развёрнутыми знамёнами» подошёл к крепости и отряд Белобородова. Пугачёвцы приняли было его издали за неприятеля: настолько поразил их воинский вид отряда. Когда недоразумение выяснилось, Пугачёв «подъехал к своим палаткам, поднял знамя и ждал «дружины». «Мы, — вспоминает Верхоланцев, — преклонили перед ним свои самоделковые знамёна»¹.

После вступления отряда в Магнитную крепость яички казаки арестовали Белобородова, отобрали у него оружие и вместе с Шибаетовым представили на суд Пугачёва. Белобородов обвинялся Шибаетовым в государственной измене и в насилии над курьером «его императорского величества».

Пугачёв простил «изменника». Белобородов радостный вышел из палатки, говоря всем, что Пугачёв есть подлинный государь император.

С Урала на Волгу

8 мая Пугачёв пошёл из Магнитной крепости на север, по направлению к Троицкой крепости. В этом походе Белобородов играл крупную роль, выступая иногда в роли агитатора, а иногда в качестве командующего всей армией Пугачёва. Подойдя к Карагайской крепости, Пугачёв отправил Белобородова «уговаривать» коменданта сдать крепость без боя. Белобородов, глубоко веривший в подлинность царского происхождения Пугачёва, успешно выполнил обязанность «уговорщика». Комендант открыл ворота крепости. Крепость была сожжена, а порох и пушки взяты в армию Пугачёва. Были преданы огню и другие крепости на Верхнеяицкой линии.

По мере продвижения к Троицкой крепости армия Пугачёва росла — она увеличилась до 10 тыс. человек. Во время похода командование армией перешло к Белобородову, замещавшему раненого в Магнитной крепости Пугачёва. 20 мая армия Пугачёва взяла Троицкую крепость, а 21 мая генерал-поручик Декалонг дал под крепостью бой Пугачёву. Пугачёв не принимал участия в сражении. «Во всё время Пугачёв, — пишет А. С. Пушкин, — лежал в своей палатке, жестоко страдая от раны, полученной им под Магнитною. Действиями распоряжался Белобородов»².

Армия Пугачёва была разбита Декалонгом и потеряла 4 тыс. убитыми и 28 орудий. Остатки пугачёвской армии вместе с Пугачёвым, Белобородовым и другими атаманами скрылись по направлению к Кун-

¹ Даль В. «Рассказ Верхоланцева о Пугачёве». «Русская беседа» за 1860 год. Т. IV, стр. 65.

² А. С. Пушкин «История Пугачёва», стр. 684. Соч. под ред. Б. Томашевского. Л. 1936.

древинской крепости. Дорогой армия снова окрепла и пополнилась новыми силами. Под Челябинском с Белобородовым соединился отряд Михаила Разина, действовавший здесь с января 1774 года.

Вблизи Кундравинской крепости пугачёвцы были разбиты, но затем собрали новое войско и соединились с отрядом Салавата Юлаева. На реках Ая и Миассе, а также на Сатке пугачёвцы три раза бились с полковником Михельсоном. Бои были тяжёлыми. Они не дали положительных результатов ни для той, ни для другой стороны. «Ни Михельсон его (Пугачёва. — М. М.) не разбил, ни он, Емельян, — показывал на следствии Пугачёв, — Михельсону вреда не сделал»¹. Тем не менее бои так изнурили Михельсона, что он был вынужден уйти в Уфу и тем самым открыл Пугачёву путь на Каму и Волгу.

Пугачёв быстро пошёл по свободной дороге на Каму. Белобородов стал одним из ближайших сподвижников Пугачёва.

11 июня отряд Белобородова численностью в 3 тыс. чел. подошёл к Красноуфимску и вступил в бой с командой подполковника Попова. В команде было до 800 чел. и 4 орудия. Белобородов заставил Попова отступить и преследовал на расстоянии 30 вёрст, держа его под непрерывным огнём. Потеряв много людей, Попов возвратился в Кунгур. Его изумили смелость и стойкость, с какими сражались воины из отряда Белобородова. «Пороху же у них, — писал Попов об отряде Белобородова Шербатову, — столь довольно было, что у убитых сыскивалось в подушках патронов по 15 и притом в особливых мешочках по полфунту пороху»².

Имя Белобородова стало легендарным среди народных масс Кунгурского уезда. «Государь, — рассказывал приписной крестьянин С. Котельников, — взяв уже в своё владение Оренбург, Уфу, Новотроицкую и Чебаркульскую крепость, под Москву отправил для покорения сто полков. Под Кунгур идёт с полковником Белобородовым двадцать полков»³.

18 июня 1774 г. Пугачёв подошёл к гор. Осе и потребовал его сдачи. Гарнизон Осы, состоявший из 1100 чел. и имевший 13 орудий, отказался сдаться и решил защищаться. Пугачёвцы пошли на штурм крепости. Штурм был отбит, и пугачёвцы понесли большие потери. Тогда Пугачёв, не желая стоять долго под Осой, собрал своих атаманов на совет. На совете Белобородов, ссылаясь на свой опыт на Уткинском заводе, предложил «навить несколько

возов сена, соломы, бересты и, подвигая их фронтом, под их прикрытием подойти к крепости как можно ближе, зажечь их и броситься на штурм»⁴.

Предложение Белобородова было принято. 20 июля пугачёвцы пошли на новый штурм крепости. Впереди двигались возы с соломой и сеном, а под их прикрытием шли к стенам крепости пугачёвцы. Они стреляли из пушек, ружей и луков и ждали лишь приказа, чтобы броситься на штурм крепости. Осаждённые сначала отвечали. Среди штурмовавших оказались раненные, но они не покинули поля боя и продолжали идти вперёд. Белобородов принимал горячее участие в бое. «Муж мой, Белобородов, — рассказывает жена Белобородова Ненила, — особливую ревность имел и был ранен в ногу»⁵. Вскоре на помощь осаждавшим пришли жители крепости, которые подняли восстание, обезоружили солдат и, зазвонив в колокола отбой, открыли ворота и вывели солдат навстречу пугачёвцам.

Во время похода Пугачёва по р. Каме сотник Белобородова Бахтияр Канкаев оказал существенную помощь пугачёвской армии: он набирал людей в армию Пугачёва, охранял перевозки и вёл наблюдение за действиями правительственных войск.

11 июля 1774 г. Пугачёв во главе 10-тысячной армии подошёл к Казани. Город был со всех сторон обнесён рогатками и имел 5 батарей. Прежде чем начать штурм города, Пугачёв и Белобородов с небольшой свитой осмотрели городские укрепления и убедились в возможности прорваться в тыл врага. На другой день был собран военный совет. На совете Пугачёв разделил своё войско на четыре части, дав одну из них Белобородову. Последнему было поручено захватить одно из наиболее важных городских укреплений, расположенных около Сибирской дороги.

Белобородов энергично взялся за дело. При штурме укреплений была вновь применена не раз испытанная им тактика. Вперёд были двинуты возы с сеном, а между ними тащили пушки и шла пехота. Сено было зажжено. «Погода, — рассказывает Верхоланцев, — предвещала нам счастливый успех. Ветер дул прямо на неприятеля. Завязалась резня страшная. Густой дым пошёл прямо на город и наши сбил с вала сопротивлявшихся»⁶. Отряд Белобородова захватил пушки, прорвался за рогатки и зашёл в тыл неприятелю. Во время штурма помощник Белобородова Мишаев шёл впереди отряда, а Белобородов сзади него, «принуждая, — по его словам, — свою команду к наибольшему поражению».

Смелый и искусный вождь восстания, Белобородов был в то же время осторожным и предусмотрительным командиром.

¹ Мартынов М. «Восстание Емельяна Пугачёва», стр. 161—162. Сборник документов. Огиз. Л. 1935.

² ЛИА, д. № 343/082, л. 442. Копия с рапорта подполковника Попова кн. Шербатову. См. также Дубровян Н. «Пугачёв и его сообщники». Т. III, стр. 55. СПб. 1884.

³ «Пугачёвщина». Т. II, стр. 347. М. — Л. 1929.

⁴ Дубровян Н. Указ. соч., стр. 68.

⁵ МИА. Древнехранилище. Государственный архив. VI разр., д. № 429. Показание Ненилы Белобородовой.

⁶ Рассказ Верхоланцева о пугачёвском бунте. «Пермские губернские ведомости» за 1864 г., № 2.

Когда Михельсон со своей конницей приблизился к Казани, Белобородов заранее подготовил поле сражения: сжёг находившиеся на Арском поле кирпичные сараи, так как они, по его словам, могли во время битвы сделать им «помешательство».

Под Казанью Пугачёв был разбит и бежал вместе с небольшой группой своих приверженцев к Кокшайскому перевозу, где переправился через Волгу и скоро поднял восстание в Поволжье.

Во время боёв под Казанью Белобородов был отрезан от главных пугачёвских сил и разбит. Захватив семью, он три дня скрывался в лесах. Затем он, назвавшись Иваном Шеклевым, явился к правительственным властям в Казань, но был опознан и арестован.

Враги должны были признать глубокую преданность и усердие, с какими Белобородов служил Пугачёву. В обвинительном заключении, составленном казанской секретной комиссией, Белобородов обвиняется в том, что «он служил ему (Пугачёву) с отменным усердием... приводил к присяге к самозванцу верных рабов его императорского величества... рассылал повсюду лже-составленные манифесты... брал порох на заводах и сражался неоднократно с верными войсками, ревностно исполнял повеления злодея, не видя его самого»¹.

30 июля Белобородов был допрошен казанской секретной комиссией во главе с генерал-майором П. С. Потёмкиным, а 13 августа по сентенции этой комиссии получил предварительное наказание в 100 ударов кнутом. Затем он был отправлен на суд в Москву и там «при великих тысячах зрителей» казнён 5 сентября 1774 года².

Иван Белобородов был смелым, мужественным борцом против крепостного права, умелым организатором и незаурядным полководцем. Действуя в тяжёлых условиях, среди разбросанных вдали друг от друга заводов, крепостей и сёл, Белобородов быстро сумел создать большое войско, наводившее страх на врагов. Когда он терпел поражение в одном месте, он умел, сохранив основное ядро своего войска, быстро воссоздавать свои военные силы.

Больше чем кто-либо из пугачёвских атаманов Иван Белобородов понимал значение дисциплины и поддерживал её, действуя и силой убеждения и мерами при-

нудительного характера. Белобородов сумел обучить свой отряд военному строю. Отряд его совершал длительные и трудные переходы. Во время восстания Белобородов прошёл со своим отрядом свыше 2500 километров.

Очень важно отметить, что отряд Белобородова как на Каслинском, так и на Саткинском заводах на одну треть состоял из пришлых заводских людей. Они за сотни вёрст уходили из родных мест для того, чтобы примкнуть к движению. Вместе с Белобородовым они действовали то на Среднем, то на Южном Урале, то в Прыкамье, как бы стремясь прорвать локальные рамки восстания, превратив его в общенациональное движение за крестьянские интересы.

Тем не менее борьба Ивана Белобородова и его войска страдала теми же недостатками, какие были характерны для вождей крестьянской войны XVIII века. Он был «царистом». Страстное желание свергнуть режим феодалов-крепостников на Урале и создать новую, свободную жизнь он, как и другие атаманы пугачёвской армии, облёл в навязную монархическую форму. Он считал себя верноподданным императора Петра III и был глубоко уверен в том, что император Пётр III выполняет заветные желания русского народа. Белобородов выступал, «против помещиков, но за «хорошего царя»³.

Местные интересы иногда сильно захватывали Белобородова, дробили его силы и отрывали его от общей национальной крестьянской борьбы. Он оставался прикованным к Екатеринбург так же, как Пугачёв, к Оренбургу, как Зарубян к Уфе.

Недостатки, свойственные Белобородову, не случайны. В XVIII в., в эпоху расцвета феодально-крепостного права в России, ещё не было пролетариата. Ни мастеровые, ни рабочие люди, не говоря уже о приписных крестьянах, не были наёмными рабочими, лично свободными и лишёнными средств производства. Капиталистические отношения лишь зарождались. Между тем только рабочий класс, возглавив крестьянские восстания, мог бы уничтожить локальность, ограниченность и другие отрицательные стороны крестьянских восстаний и тем самым повести крестьянство к победе. «Крестьянские восстания могут, — говорит товарищ Сталин, — привести к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»⁴.

¹ Жижка М. «Атаманы Пугачёва». «История в средней школе» за 1935 г., № 6, стр. 75.

² Лебедев П. «Графы Никита и Пётр Павиных», стр. 334. СПб. 1863.

³ И. Сталин. «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9. Госполитиздат. М. 1938.

⁴ Там же.

СЛАВЯНСКОЕ ЦАРСТВО САМО

(К критике известий «Хроники Фредегара»)

Проф. Н. Грацианский

Царством (или государством) Само принято называть первое по времени крупное объединение западных и части южных славян, сложившееся в первой половине VII в. в процессе борьбы их с аvaraми и окрепшее в борьбе с франками. К сожалению, о царстве Само сохранились очень скудные данные, которые, в сущности, почти целиком сводятся к известиям так называемой «Хроники Фредегара», возникшей в VII в. в Галлии. Это типичная всемирная хроника раннего средневековья, составленная разными, неизвестными нам лицами и доведённая до 642 года. Третий и последний по времени составитель «Хроники», по-видимому, жил и писал в Австразии и близко стоял ко двору австразийских майордомов. Около 658 г. он подверг «Хронику» новой обработке и вставил в неё целый ряд добавлений, в частности всё то, что касается Само¹.

Естественно, что в центре внимания «Хроники» лежит история Галлии и франков; о славянах упоминается лишь мимоходом, в связи с событиями франкской истории. Известия «Хроники Фредегара», написанной на плохом (самом «варварском») латинском языке, очень своеобразны и нуждаются в тщательной критике. Отдельные критические замечания о тех местах «Хроники» (в четвёртой её книге), где речь идёт о славянах, делались почти исключительно в связи с вопросом о происхождении Само; систематического разбора всех этих известий в целом, насколько нам известно, не давалось. Настоящая статья является попыткой восполнить этот пробел и на основании анализа известий Фредегара в целом установить некоторые твёрдые данные о царстве Само².

Военный союз славянских племён, возглавляемый Само, в первую очередь был направлен против аварского яга. Известно,

¹ См. сводку критических изысканий о «Хронике Фредегара» у Wattenbach'a «Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter». 7 Aufl. Bd. I, S. 114—118.

² Некоторые современные слависты склонны полностью принимать на веру сообщения «Хроники Фредегара» о Само. См. например, Niederle, Lubor «Manuel de l'antiquité slave». T. I. (1923), p. 73; t. II (1926), p. 19. Тем более вопрос требует специального обследования.

что тюркокая орда аваров пришла на Дунай из причерноморских степей около половины VI века. Первоначально авары осели в Добрудже, а затем, по уходе лангобардов в Италию, продвинулись в Паннонию, которая и стала центром обширного аварского царства. Авары утвердили свою власть и западнее — в Богемии, через территорию которой проходили в Тюрингию. На юге они продвинулись до Адриатического моря, овладели Истрией и Далмацией и распространяли свою власть на значительную часть Балканского полуострова, угрожая даже Константинополю. Многие славянские племена придунайских областей и Балканского полуострова подчинились аварам, платили им дань и участвовали в их походах. В 20-х годах VII в., когда сила аваров ослабела, славянские и другие подчинённые им племена стали широким фронтом поднимать против них восстания. В процессе этих восстаний и возникло обширное царство Само.

В 48-й главе IV книги «Хроники Фредегара»³ о начале государства Само и правлении этого вождя славян сообщается следующее: «В лето 40-е правления Хлотаря человек, именем Само, по происхождению франк из города Санса, прибыл для торговли в сопровождении многих купцов к славянам, именуемым виниды. Славяне тогда начали поднимать восстания против аваров, именуемых гуннами, и царя их хагана. Виниды издавна были befulci гуннов, и когда гунны воевали с каким-нибудь народом, гунны со всем своим войском стояли перед лагерем, виниды же сражались; если (виниды) побеждали, тогда гунны подходили для захвата добычи; если же побеждали винидов, то они, опираясь на помощь гуннов, вновь собирались с силами. Потому именовали их гунны befulci⁴, что, образуя

³ Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici. I. IV, c. 48, MG. SS. rerum merovingicarum. T. II, p. 144—145.

⁴ Befulcus, по Дюканжу, — bubucus, т. е. волонас, пастух. Фредегар, пытаясь осмыслить термин befulci, как видим, понимает его не как bubulci. Вполне вероятно предположение, что термин befulci не латинский, а взятый с греческого и славянизированный термин buyolici (от buyolu — буйвол) и означает, собственно, погонщиков буйволов (с этими животными авары впервые познакомили Западную Европу). Фре-

в ходе битвы двойной отряд, они шли впереди гуннов. Приходя ежегодно на зимовку к славянам, гунны жён славянских и дочерей брали на ложе. Помимо других утеснений, славяне платили гуннам дань. Сыновья гуннов, коих породили они от жён и дочерей славянских, не желая в конце концов терпеть злобу и утеснения гуннов, отказались им подчиняться и, как я уже сказал выше, стали поднимать против них восстания. Когда винады выступили против гуннов войзой, купец Само, о котором я упомянул выше, пошёл с их войском. Там проявил он удивительную доблесть в боях с гуннами, и огромное множество их было поражено мечом винадов. Цена доблести Само, винады выбрали его своим царём, и он счастливо правил ими в течение 35 лет. Много дали сражений гуннам в его правление винады и благодаря его советам и доблести всегда одерживали над ними победы. Само взял 12 жён из племени винадов, от которых имел 22 сыновей и 15 дочерей».

Как видим, по Фредегару, франкский купец Само оказал огромную услугу славянам в деле освобождения их от аварского ига, которое в «Хронике» изображается самыми мрачными красками: авары будто бы гнали славян на войну и пользовались плодами их побед; авары систематически насиловали славянских женщин во время своих зимовок в славянских селениях. Известия «Хроника» об этих насилиях аваров над славянскими женщинами особенно пришлись по сердцу современным немецким фашистам, которые видят в них подтверждение своих измышлений о «спорче» азарами славянской расы, первоначально будто бы приближавшейся к «благородной» северной расе. Известия «Хроника» Фредегара привлекаются также фашистами для доказательства их излюбленного положения, которое гласит, что славяне, будучи сами неспособны к созданию какой-либо государственной организации, получали всегда эту организацию со стороны, в данном случае от франкского купца Само. Вопрос об аваро-славянских отношениях, таким образом, приобретает в настоящее время актуально-политическое значение, и тем более приведённый отрывок из Фредегара заслуживает детального критического разбора.

Прежде всего о зимовках аваров среди славян, связанных будто бы с систематическими насилиями их над славянскими женщинами. Как раз известия об этих зимовках являются наименее достоверными из всего приведённого отрывка Фредегара. Мы хорошо знаем, что, властвуя над покорёнными осёдлыми (славянскими и неславянскими) племенами, кочевники-авары не смешивались с ними и не жили среди покорённого населения ни в летнее, ни в зимнее время. Нуждаясь в твёрдых базах для поддержания своей власти в покорённых

странах, они опирались на своеобразные обширные крепости — так называемые хринги, — в которых прятали свою добычу и зимовали со своими многочисленными стадами. Огромный аварский хринг в Паннонии, занимавший всю территорию между Дунаем и Тиссой и вмещавший множество аварских ставовищ, хорошо известен из позднейшего описания монаха Сан-Галленского, руководствовавшегося при этом описанием рассказом одного из участников походов против аваров при Карле Великом — Адальберта¹. Хринг был защищён девятью концентрическими валами. Валы были устроены из дубовых, буковых и сосновых брёвен, поставленных в два ряда, «так что от края до края было двадцать футов ширины и столько же высоты; середина же вся была заполнена каменными глыбами и вязкой глиной, а поверхность валов покрыта цельным дёрном. Вблизи валов сажали кустарник, который... будучи подрезан и распластан, даёт щипу из побегов и листьев. Между этими валами расположены были деревни и дворы на расстоянии человеческого голоса. Напротив строений в этих недоступных валах были устроены очень большие и неширокие ворота; через них выходили на грабежи ближние и дальние. Второе кольцо, построенное так же, как и первое, имело до третьего ширину в 20 германских или 40 итальянских миль; и так до девятого кольца, хотя сами кольца всякий раз значительно сокращались. А от кольца до кольца посёлки и жилища были так распределены, что условные трубные звуки слышны были повсюду». Из этого описания видно, что аварские хринги были не простыми временными убежищами на время войны, а были приспособлены для длительного жительство в них, очевидно в зимнее время. Зимовка аваров с их многочисленными стадами среди славянских селений, вообще невозможная с хозяйственной точки зрения, была бы к тому же настоящим безумием со стороны этих кочевников, так как подвергала бы их опасности полного уничтожения. С аварами в любую минуту могло бы случиться то же, что случилось с изгнанными из Паннонии и получившими разрешение осесть на зимовья в Баварии болгарами. По известию той же «Хроника Фредегара», «когда, рассеянные по домам баваров, они расположились на зимовья, Дагоберт (король), по совету франков, приказал баварам, чтобы каждый в одну (условленную) ночь убил болгара с жёнами и детьми его». Это и было выполнено, причём из 9 тысяч расквартированных в Баварии болгар лишь 700 успели спастись к соседним славянам².

Дошедшие до нас известия об аварских хрингах относятся ко второй половине VIII в., но нет сомнения, что авары издавна строили на покорённой ими территории такие убежища и в них зимовали. По крайней мере, родственные аварам болгары тот-

дегар мог переименовать термин *buvolici* в латинский *befulci* и понять его как *bifulci* (от *fulcio* — поддерживать) — получающие двойную поддержку (от аваров).

¹ Mon. Sangallensis. Gesta Caroli. II. I. Jaffé. IV, p. 667—668.

² *Fredegarii Chron.* I. IV. c. 72. MG. SS. rerum merovingicarum. II, p. 157.

час же по приходе на Дунай стали устраивать хринги, структура которых вскрыта раскопками одного такого хринга близ Шумлы, произведёнными Русским археологическим обществом в Константинополе¹.

Не оправдывается историческими известиями и та часть рассказа Фредегара, которая повествует о своеобразной (подневольной) роли славян в аварских войнах. Известия византийских писателей VI—VII вв. об аваро-славянских набегах на территорию Балканского полуострова совершенно определённо говорят о том, что славяне заинтересованы были в этих набегах не менее аваров и что они всегда играли активную, а не пассивную роль в них, т. е. действовали вовсе не по принуждению и не для выгоды аваров. В походах против византийцев славяне действуют всегда скорее как союзники, а не как подчинённые аваров, и во всяком случае ни в одном из византийских известий не выступает *in concreto* тот военный строй, о котором сообщает «Хроника Фредегара». Возьмём для примера то место из «Сказаний о чудесах св. Дмитрия Солунского», где говорится о реальных событиях, связанных с осадой Солуни славянами и аварами в начале VII века. После неудачной попытки славян взять город штурмом с моря и с суши они, согласно «Сказанию», отправили послов к аварскому хагану, предлагая совместно взять Солунь и разделить добычу.

«Названный аварский хаган согласился охотно исполнить их просьбу и, собрав все подчинённые ему варварские племена вместе со всеми славянами и болгарам и бесчисленными народами, через два года с многочисленным войском пошёл к нашему городу. И, вооружив избранных всадников, он послал их вперёд самым кратким путём, приказав неожиданно напасть на город и, выведя или перебив его гарнизон, ждать хагана с собранным им войском и с различными видами военных орудий, назначенных для погибели нашего отечества. С этим планом и в таком порядке устремились вооружённые варвары. Неожиданно в пятом часу закованные в железо всадники набросились со всех сторон, а городские жители, не подозревая опасности и занимаясь на посевах уборкой хлеба, одни были убиты, другие захвачены в плен вместе со стадами скота и орудиями для обработки полей». Далее рассказывается, что жители Солуни смело стали отражать нападение варваров, а недостаток припасов пополнялся чудесным образом. После 33-дневной осады «варвары должны были со стыдом оставить город, ограничившись сожжением храмов вне города и разрушением домов в предместьях»².

Как видим, авары, явившиеся к Солуни «с подчинёнными им варварами», среди которых первое место занимали славяне, не выставили при нападении на город в пер-

вую линию этих славян, чтобы потом воспользоваться плодами их усилий, а сами первыми двинулись в бой, чтобы лично завоевать победу («закованные в железо всадники» — это, конечно, авары). В действиях аваров и славян на Балканах очень отчётливо выступает союз конного и пешего войска, дававший ощутительные выгоды обоим союзникам. Возможно, что авары, подобно тому, как это делали несколько позднее болгары, выставляли перед своим конным войском пешеходов из лука, которые и начинали битву в открытом поле. Возможно, что именно эта практика дала повод составителю «Хроники Фредегара» так своеобразно охарактеризовать взаимоотношения славян и аваров в военное время.

Что же остаётся в конце концов от рассказа Фредегара о характере аварского ига над славянами? Конечно, это иго было, но об истинном его характере автор «Хроники» осведомлён был плохо и сообщает о нём с чужих слов, по слухам, причём и сам, возможно, преувеличивает эти слухи, чтобы подчеркнуть особую заслугу «франка» Само в освобождении славян от невыносимого для них аварского ига. Конечно, случаи насилия аваров над славянами вроде тех, о которых говорит хронист, могли быть, но вообще сообщение его явно носит характер легенды. В этом отношении оно похоже на сообщение нашего русского летописца о том, как «примучили» авары (обры) дулебов, запрягая в свои повозки по три, по четыре и по пять жён шулебожских³. Русский летописец, без сомнения, руководствовался народными сказаниями о старинном аварском иге, каковые сказания к его времени (XII в.) приняли явно легендарный характер. Народная легенда, отразившаяся в «Повести временных лет», преобразила и самый физический тип авара (обра), превративши обрия в великана («быша бо обре телом велицы»). В действительности раскопки аварских погребений определённо показали, что авары по своему физическому типу не представляли ничего исключительного и были, подобно своим соотечественникам гуннам, людьми среднего роста⁴. Просто обры выступают в народных сказаниях как своего рода коллективный великан, поразивший воображение современников и потомков своею подвижностью и организованностью. Вопрос о том, как далеко простиралась власть аваров над славянами, — вопрос спорный. Известно, что даже дунайские славяне не все признавали их власть. Об этом свидетельствует записанный у Менандра рассказ о гордом ответе князя дакийских славян Лаврита на предложение послов хана Баяна покориться аварам. «Мы более привыкли завоевывать чужие земли, нежели позволять завоевывать наши», — так будто бы заявил Лаврита. «Пока мы способны отражаться и носить

«История Византийской империи». Т. I, стр. 612—613.

³ Шахматов А. «Повесть временных лет». Т. I, стр. II. Пгр. 1916.

⁴ См. Tibor Horvath. Die avarischen Gräberfelder von Ullö und Kiskörös-Archaeologia Hungarica, XIX. Budapest. 1935.

¹ См. Успенский Ф. «История Византийской империи». Т. I, стр. 777 и сл.

² Acta SS., octobris, t. IV. Miracula, 166. 169, 177, 180. Цит. по Ф. Успенскому —

мечи, мы спокойны за наши владения». И так как послы держали оскорбительные речи, славяне не побоялись лишить их жизни¹. С некоторыми славянскими племенами авары заключали или стремились заключить союзные договоры. Об этом, между прочим, свидетельствует известие Теофилакта о трёх славянских послых «с грании западного океана» (т. е., очевидно, с Балтийского моря), захваченных императором Мавриkiem в 591 г., во время его похода во Фракию. Послы эти будто были отправлены к аварскому хану в ответ на его предложение вступить со славянами в союзные отношения².

Надо полагать, что более всего аварское иго ощущалось славянами Паннонии; менее его чувствовали славяне побережья Адриатики и Балканского полуострова. У нас нет ни исторических, ни археологических данных, которые свидетельствовали бы о проживании аваров и об устройстве ими хингов даже в Богемии и Моравии³. Все подчинённые аварам славяне, без сомнения, сохраняли своё внутреннее устройство и своих вождей, так как авары жили изолированно от покорённых народов и могли лишь наезжать к ним за обором дани и для требования других следуемых им повинностей. Византийские писатели свидетельствуют о том, что вожди балканских славян, подчинённых аварам, иногда самостоятельно совершали походы во владения империи. Надо подчеркнуть, что власть аваров до известной степени играла по отношению к дунайским славянам такую же роль, какую сыграла несколько позднее на Балканах власть болгар, т. е. объединяла славян и способствовала их экспансии к югу. Всеми славистами признаётся, что продвижение славян к Адриатике и их распространение на Балканах в значительной мере облегчены были аварами.

Прежде чем обратиться к разбору известия «Хроники Фредегара» о франкском происхождении Само, приведём рассказ этой «Хроники» о столкновении Само с франкским королём Дагобертом. В 68-й главе IV книги «Хроники»⁴ читаем следующее: «В этом году⁵ славяне, именуемые виниды, убили в царстве Само большое множество франкских купцов и разграбили имущество их. Из-за этого началась распря между Дагобертом и Само, царём славянским. Дагоберт отправил к Само посланца Сихария, требуя, чтобы дал справедливое удовлетворение за купцов, которых убили его люди, и за незаконный захват их имущества. Так как Само не хотел видеть Сихария и не разрешал предстать перед лицом его, Сихарий нарядился в славянскую одежду и (в таком виде) явился пе-

ред лицом Само вместе с людьми его. Всё, что было поручено (королём), он объявил ему. Но по обычаю язычников и гордости их ни в чём Само не дал удовлетворения за проступки людей своих. Он только обещал учредить разбирательство тех и других обвинений, возникших между сторонами, дабы взаимно получили по справедливости. Сихарий, как неразумный посол, говорил Само неподобающие слова, на которые не был уполномочен. Именно (он говорил), что Само и народ царства его должны подчиниться (*deberint servitium*) Дагоберту. Само в ответ осторожно сказал: «И земля, которою мы владеем, и сами мы все будем Дагобертовы, если он решит держать с нами дружбу». А Сихарий сказал: «Невозможно, чтобы рабы божии имели дружбу с собаками». Само же возразил: «Если вы — божьи рабы, а мы божьи собаки, то, так как вы постоянно действуете вопреки его повелениям, нам дано разрешение кусать и терзать вас». И вынул от себя Само Сихария. Когда тот довёл об этом до сведения Дагоберта, Дагоберт немедленно отдал приказ двинуть со всего королевства Австразии войско против Само и винидов. Войско пошло на винидов тремя отрядами; при этом и лангобарды двинулись на славян, нанятые Дагобертом. Славяне тоже повсеместно готовились к бою, и войско алеманов, предводимое Хлодбертом герцогом, на той территории, на которую оно вышло, одержало победу. Одержали победу также и лангобарды. И алеманы и лангобарды захватили при этом большое число славян пленниками. Австразийцы же, окружив крепость Вогатисбург, где за стенами укрылось множество сил винидов, бились с ними три дня. Многие там из войска Дагоберта погибли от меча, прочие же бежали и, покинув палатки со всем имуществом, какое имели, вернулись восвояси. Много раз после того виниды врывались в Тюрингию и другие области королевства франков, опустошая их. Даже и Дерван, герцог племени сербов, которые тоже были славянами, но издавна подчинялись королевству франков, передался со своими (людьми) царству Само. Победа же, которую одержали виниды над франками, не столько завоёвана была отчагою славян, сколько изменою австразийцев, так как они обвиняли Дагоберта в том, что, гневаясь на них, он постоянно налагает руку на их имущество».

Приведённый отрывок из «Хроники Фредегара» заслуживает гораздо большего доверия, нежели первый, хотя и в него вкраплены подробности явно анекдотического характера. Выступающая в данном случае анекдотическая тенденция, надо полагать, церковного происхождения и явно носит поучительный характер: франки-христиане заслужили «терзания» от «неверных собак» — славян — вследствие своей греховности — вот что хотел выразить, между прочим, в рассказе о столкновении Само с Дагобертом неизвестный автор хроники. В рассказе этом, однако, содержится много важных и интересных данных. Прежде всего в нём подчёркивается как очевидный

¹ Excerpta e Menandri Historia, p. 405—407. Bonn.

² Theophilactos, VI, 2.

³ См. Niederle L. «Manuel de l'antiquité slave». T. I, p. 73.

⁴ MG. SS regum merovingicarum. II, p. 154.

⁵ Речь идёт о десятом годе правления Дагоберта, т. е. 631 или 632.

и вполне естественный факт язычество, и притом закоренелое язычество, Само. В данном случае хронист совершенно забывает то, что сказано им раньше о франкском происхождении Само. В самом деле, Само — франк из Санского округа — не мог быть язычником, так как франки Галлии давно уже были христианами. А между тем то обстоятельство, что Само — язычник, повторяем, представляется хронисту вполне естественным обстоятельством, в котором он решительно не видит ничего особенного. Само — язычник и враг христиан-франков — придерживается славянских обычаев до того, что он не допускает к себе даже послов в чужеземной одежде. Это, конечно, не франк: это природный славянский вождь, действующий так, как и подобает ему действовать — в строго языческом и чисто славянском духе. Именно таковым и считает его позднейшая традиция, записанная в так называемом «*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*» («Обращение баваров и хорутан»), возникшем около 870 г. в Баварии. В этой своеобразной исторической справке о правах зальцбургской церкви в славянских странах, составленной в противовес стремлениям моравских князей организовать у себя с помощью византийских миссионеров самостоятельную славянскую церковь, читаем следующее: «Во времена славного короля франков Дагоберта славянин некий, именем Само, проживавший у хорутан, был вождём этого племени»¹.

Дальше в «*Conversio*» коротко сказано, что «Само велел перебить проходивших купцов Дагоберта и отнял у них королевское имущество, вследствие чего Дагоберт воюет с Само и победил его»².

Из современных славистов Нидерле полностью принимает известие «Хроники Фредегара» о франкском происхождении Само³. Однако ещё Шафарик высказал сомнения о франкском происхождении Само, отметив, что самое имя его славянское — сокращённое от Самослав. Палацкий и наш отечественный историк Ф. Успенский тоже подчёркивали, вопреки известиям «Хроники Фредегара», славянское происхождение Само⁴. Ф. Успенский склонен был думать вслед за Палацким, что Само мог происходить из края славян-велетов, подчинивших-

ся франкам; не желая признавать власть последних, Само эмигрировал к чехам⁵. Заметим, что это последнее мнение основано на излишнем доверии к известию «Хроники Фредегара» о том, что сербы «издавна подчинялись королевству франков». В действительности ни полабские сербы, ни другие племена полабских славян никогда до времени Карла Великого не подчинялись франкам.

Подчеркнём особенно то, что Само явился, по Фредегару, «для торговли в сопровождении многих купцов», т. е. во главе целого организованного отряда. Правильно было отмечено, что «купцы, приходившие из чужих стран, были вместе с тем и воинами и нередко в военное время предводительствовали целым войском»⁶. Нигде не видно, что Само и его сотоварищи явились в качестве изгнанников и скитальцев, хотя прибытие их из области полабских славян вполне возможно. Само и его товарищи, надо думать, подобны тем варяжским дружинам, которые издавна проходили, торгуя и сражаясь, по великим рекам, впадающим в Балтийское море, и позднее проложили известный торговый путь «из варяг в греки». Возможно, что Само поднялся по Лаббе или Одре в Богемию, к чехам. Возможно и то, что он уже и раньше ходил в Богемию и был хорошо известен богемским славянам, которые, может быть, специально обращались к нему за помощью в борьбе с аvaraми. В таком случае прибытие Само с дружиной в Богемию было событием отнюдь не случайным.

Поводом к столкновению Само с Дагобертом, надо думать, действительно были убийство и ограбление франкских купцов, вызванные какими-то неизвестными нам причинами. Об этом происшествии, как мы видели, свидетельствует не только «Хроника Фредегара», но и «*Conversio Carantanorum*». Причиной столкновения франков с славянами явилось стремление могущественного Дагоберта, сумевшего обуздать франкских магнатов и восстановить гегемонию франков за Рейном, распространить также свою власть и на соседние славянские племена. Образование по соседству с его государством сильного военного союза славян, очевидно, встревожило Дагоберта и его приближённых. При шаткости власти франков за Рейном возглавляемый Само союз казался опасным для могущества Меровингов, и король решил покончить с этим новым политическим образованием одним ударом. Мы имеем все основания доверять «Хронике Фредегара», когда она сообщает, что Дагоберт не только двинул против Само австралийцев и алеманов, но подговорил к походу также лангобардов Италии. Мы уже видели, что, по сообщению «Хроники», войско Дагоберта, имевшее некоторый успех на второстепенных театрах военных действий, потерпело решительное поражение на главном театре — у славянской крепости Вогатисбург, местоположение которой определить с достоверно-

¹ «*Conversio*», с. 4. MG. SS. T. XI, p. 7.

² *Ibidem*. Qui venientes negotiatores Dagoberti regis interficere iussit et regia exspoliavit pecunia. Quod dum conperit Dagobertus rex, misit exercitum suum, et damnum quod ei idem Samo fecit vindicare iussit. Sicuti fecerunt qui ob eo missi sunt et regis servitio subdiderunt illos.

³ Niederle L. «*Manuel de l'antiquité slave*». T. II, p. 19. Известие хрониста о многожёнстве Само Нидерле приводит в доказательство того, что полигамия существовала не только у славян, но и у франков.

⁴ Успенский Ф. «Первые славянские монархии на северозападе», стр. 13. СПб. 1872.

⁵ Там же, примечание 2.

⁶ Там же.

стью, к сожалению, не удалось. При своей определённой симпатии к франкам хронист всё же не смог умолчать об этом крупном поражении, хотя он и пытается объяснить его не доблестью славян, а изменой австразийских магнатов, недовольных внутренней политикой Дагоберта.

Данные «Хроники Фредегара» о походе Дагоберта против славян позволяют сделать заключения о границах территории государства Само, которые нигде, к сожалению, прямо не указаны. Славяне, против которых непосредственно могли выступить австразийцы, несомненно, были богемскими (чешскими) славянами. Правда, австразийцы могли также непосредственно выступить (совместно с тюрингами) против полабских сербов, но «Хроника Фредегара» определённо говорит, что сербы присоединились к государству Само лишь после поражения, нанесённого австразийцам; автор «Хроники» считает (хотя и несправедливо), что до похода Дагоберта сербы подчинялись франкам, следовательно, возможность похода против них исключается. Ядром государства Само, куда были направлены главные силы Дагоберта, была Богемия (Чехия), как это и принято думать, и Вогатисбург, несомненно, находился где-то в Богемии. Алеманы и лангобарды могли непосредственно выступить лишь против хорутан, живших в верховьях Дравы и Савы. Следовательно, эта территория тоже входила в состав государства Само, и недаром традиция, отражённая в «*Conversio Sarantaporum*», повествует, что Само «проживал у хорутан и был вождём этого племени»¹. Простиралась ли территория государства Само дальше в Паннонию, неизвестно. Попытка некоторых учёных доказать, что ядром государства Само была именно словенская Паннония, а не Богемия², плохо согласуется с данными о направлении основного удара войска Дагоберта; всё же, надо думать, в Богемии, а не в Паннонии был центр военного союза, возглавляемого Само. С другой стороны, совершенно неприемлема попытка заменить чтение слова *Langobardi* у Фредегара чтением *Vaigovarii* (баварцы)³. Лангобарды упоминаются в «Хронике Фредегара» в качестве участников похода Дагоберта неоднократно, и выступление их против соседних хорутан вполне естественно.

Мы видели, что к союзу славянских племён, организованному Само, после победы его над Дагобертом примкнули также полабские сербы. Таким образом, можно установить, что в государство Само входили славянские племена Богемии (и, повидимому, также Моравии), словенцы Хорутании и, может быть, всей Паннонии

и полабские сербы. Подчинялись ли Само другие славянские племена, мы не знаем. Возможно, что его власть простиралась за Дунай, хотя это мало вероятно, так как здесь был центр аварского ханства. Балканские славяне самостоятельно вели борьбу против аваров и почти одновременно свергли их вг. Решающую роль в деле объединения балканских славян в процессе борьбы их с аварами сыграла, как известно, хорваты и сербы⁴.

В исторической литературе неоднократно отмечалось, что большую роль в ослаблении аварской мощи сыграла неудачная осада аварями Константинополя в 626 г.⁵; поражение аваров под Константинополем привело в движение всех подвластных аварскому хану славян (а также болгар), вызвало восстание против них на Балканах и усилило позицию Само среди словенцев и в Богемии. Государство Само, таким образом, — не единственный союз славянских племён, образовавшийся в процессе борьбы их с аварами. К сожалению, об одновременных союзах балканских славян мы ничего почти не знаем.

Правление Само у славян, по Фредегару, началось около 623 г. и продолжалось 35 лет, т. е. приблизительно до 658 года. По видимому, за всё время своего правления Само воевал на два фронта — против аваров и против франков. О борьбе с аварами в «Хронике» никаких подробностей не сообщается; о продолжавшейся борьбе с франками говорится, что «в десятый год царствования Дагоберта», т. е. в 632 или 633 г., славянское войско вторглось в Тюрингию. Дагоберт из города Меца «прибыл в Майнц, предполагая перейти Рейн и имея с собой отряд избранных храбрых мужей из Нейстрии и Бургундии с герцогами и графами»⁶. Очевидно, поход Дагоберта не имел никакого успеха, так как дальнейших известий о нём не содержится. «Хроника» повествует, что саксы направили в это время послов к Дагоберту, предлагая защищать границы франкского государства от славян на условии освобождения их от старой дани Меровингам в размере 500 коров в год. Король принял предложение саксов, и они скрепили своё обещание клятвами⁷. Однако по известию «Хроники», «из этого обещания мало что вышло»; единственным результатом договора было лишь то, что саксы освободились от дани⁸.

Очевидно, авторитет Меровингов на восточной границе сильно упал вследствие успехов славян, перешедших в энергичное наступление, и Дагоберт, вынужденный перейти к обороне, оказался в крайне затруднительном положении. Пользуясь этим затруднительным положением франкского

¹ «*Conversio*», с. 4. MG. SS. T. XI, p. 7.

² См. Zeuss «*Die Deutschen und die Nachbarstämme*» (München). 1837. S. 737. Anmerkungen. Ср. Dvornik «*Les slaves. Byzance et Rome au IX-e siècle*», p. 6. n. 3. Paris. 1926.

³ Zeuss. Op. cit., S. 637. Anmerkungen.

⁴ См. об этом Dvornik. Op. cit. p. 6—8. Ср. Niederle L. «*Manuel*». T. I, p. 88.

⁵ См. Niederle «*Manuel*». T. I, p. 65.

⁶ Fregedgar. I. IV, c. 74. MG. SS. rerum merovingicarum. II, p. 158.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

короля, саксы фактически уничтожили его гегемонию над ними. В следующем, одиннадцатом году правления Дагоберта (633 или 634) виинды, по сообщению «Хроники», «сильно свирепствовали по повелению Само и, часто переходя свои границы, совершали вторжения в Тюрингию и другие области, опустошая царство франков». Тогда Дагоберт, созвавши совещание магнатов, постановил дать Австразии особое управление в целях повышения её обороноспособности в борьбе со славянами¹. В Тюрингии, которая больше всего подвергалась славянским набегам, был поставлен герцог Радольф², который, однако, вскоре перестал признавать власть франков и поднял против них открытое восстание. В 641 г. он разбил войско сына Дагоберта — короля Австразии Сигиберта — и, «превознесённый гордынею, почитая себя в Тюрингии королём», держал дружбу со славянами царства Само³. Это, очевидно, надо понимать в том смысле, что герцог самостоятельно заключил мирный договор с Само, урегулировавший славяно-тюрингские отношения. В дальнейшем о славяно-франкских отношениях при Само сведений в «Хронике» не имеется.

Союз славянских племён, возглавляемый Само, при господстве родовых отношений и отсутствии крепкой внутренней связи между отдельными кровными объединениями славян мог быть только временным союзом, вызванным условиями напряжённой борьбы с враждебными соседями, и поэтому со смертью Само распался. Однако государство Само при своём сравнительно кратковременном существовании сыграло огромную роль в истории части южных и, особенно, западных славян: оно освободило их от аварского ига, открыло путь к экспансии славян за Салу, в Тюрингию, и югозападнее — во Франконию, к Майну. Поселения славян в этих местностях, отмеченные известиями VIII в., прямо связаны с победами Само. Славяне, объединённые Само, не только проявили свойственную им воинственность, но и обнаружили выдающиеся организаторские способности, благодаря которым они сумели нанести сокрушительные удары аварам и соединённым силами германских племён, возглавляемых франками. Время Само навеки останется блестящей страницей в истории многовековой борьбы славян за свою самостоятельность и независимость.

В заключение несколько слов о славяно-аварских отношениях после распада государства Само. Паннонские славяне продолжали борьбу с аварами и по смерти Само; возможно, что часть их снова под-

чинилась власти хагана. Другая часть, воюя с аварами, обратилась за помощью к соседним баварам и призвала их верховную власть, хотя продолжала управляться собственными князьями⁴. Известно, что при Карле Великом паннонские славяне оказали франкам энергичную поддержку в борьбе с аварами и один из хорутанских князей — Войломир — принимал деятельное участие в захвате и разорении аварского кринга за Дунаем⁵. После побед Карла Великого славянский элемент в Паннонии стал усиливаться переселением сюда моравов и словаков, и славяне стали сильно теснить остатки аваров, принявших крещение и признавших свою зависимость от франков. Не будучи в силах противостоять славянам, авары неоднократно просили франков защитить их от славянских нападений⁶. В 811 г. Карл Великий послал даже войско в Паннонию, «дабы положить конец распрям гуннов с славянами»⁷. В том же году представители аваров и паннонских славян приглашены были к императору в Ахен; очевидно, для примирения их⁸. В 822 г. снова упоминаются послы от «проживающих в Паннонии аваров», явившиеся к императору (Людовику Благочестивому) с дарами и, очевидно, с новыми жалобами⁹. В последний раз авары упоминаются в «Conversio Carantanorum», составленном, как уже было сказано выше, около 870 года. В главе III «Conversio» читаем такую краткую историческую справку: «Гуны, изгнавши римлян, готов и гешидов из Нижней Паннонии, завладели той страной, но затем франки и бавары совместно с хорутами одолели их, сокрушивши непрерывными войнами. Тех же, кои обратились в (истинную) веру и согласились принять крещение, сделали королевскими данниками. И землю, коею владеют остатки их, они продолжают удерживать, уплачивая дани королю до настоящего дня»¹⁰. Это — последнее известие об аварах, которые в дальнейшем, надо полагать, слились с осевидами на Среднем Дунае мадьярами. Ко времени составления нашей «Повести временных лет» исчезли всякие следы когда-то могущественных аваров, и вполне понятно то, что говорит о них составитель «Повести», живший в XII в.: «бог потреби я, и помроша вси, и не оста ся ни един обрин, и есть прятча в Руси и до сего днѣ: погыбоша акы обри, их же вѣсть ни племѣне, ни наследька»¹¹.

⁴ Conversio Carantanorum, с. 4. MG. SS. T. XI, p. 7.

⁵ Annales regni Francorum ad a. 796.

⁶ Ibidem, ad a. 805.

⁷ Ibidem, ad a. 811.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem, ad a. 822.

¹⁰ MG. SS. T. XI, p. 6.

¹¹ Шахматов А. «Повесть временных лет». Т. I, стр. 11; II пр. 1916.

¹ Fredegar. IV, с. 75, p. 158—159.

² Ibidem, с. 77, p. 159.

³ Fredegar, I. IV, с. 87, p. 164—165.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ

Проф. С. Архангельский

Английская революция 40—50-х годов XVII в. началась в то время, когда большая часть западноевропейских государств была втянута в Тридцатилетнюю войну. Ареной военных действий была Священная Римская империя германской нации, названная *monstro simile corpus* — чудовищеподобным телом.

Два крупных события определили направление английской внешней политики в 50-е годы XVII в.: Вестфальский мир, заключённый европейскими дипломатами в 1648 г., и падение монархии Стюартов в Англии в 1649 г., завершившееся казнью короля Карла I и установлением республики.

Вестфальский мир, создавший новую политическую карту Центральной Европы, усиливший политическое дробление Германии, укреплял положение Франции на западе и Швеции на севере. Голландия получала признание как самостоятельная держава. Но Вестфальский мир не означал полного прекращения войны в Европе: Франция и Испания продолжали военные действия. Вместе с тем обе эти монархии переживали глубокий внутренний кризис. Во Франции он выразился в движении Фронды. В Испании происходило большое вооружённое восстание в Каталонии, стремившейся освободиться от власти испанских Габсбургов: Испания в 1640 г. потеряла Португалию, отколовшуюся от Испании и признавшую власть Браганцкой династии.

Обе великие монархии — Франция и Испания — стремились ослабить друг друга, поддерживая начавшиеся восстания: Испания поддерживала Фронду, а Франция — Каталонию. В Северовосточной Европе международные отношения складывались на основе борьбы против чрезмерно усилившейся Швеции и её стремления сделать новые присоединения за счёт прибалтийских территорий Польши, Бранденбурга, Дании.

Таким образом, Вестфальский мир не только не прекращал военного состязания в Западной Европе, но приводил к новым международным противоречиям. Политика английской республики в значительной степени определялась этими уже сложившимися отношениями европейских держав друг к другу, в еще большей степени она определялась торгово-колониальными интересами Англии.

Новым фактором во взаимоотношениях Англии с другими государствами являлась английская революция, возбуждавшая особенно враждебное к себе отношение в наиболее могущественных старых монархиях Европы.

Мазарини писал французскому посланнику в Лондоне Гриньону: «Их величества и весь двор оплакивали бы смерть короля Великобритании слезами крови, если бы такие были»¹. В Польше королевский двор валожил на себя траур. В Соединённых провинциях появились волновавшие общественное мнение печатные произведения: одни — в защиту короля, другие — в защиту нового правительства Англии. Несмотря на отрицательное отношение к казни короля со стороны правящих кругов иностранных государств посланники Франции, Испании, Португалии и других держав оставались в Лондоне, но в то же время поддерживались дипломатические сношения и с сыном казнённого короля — Карлом II.

Карл II подобно своему отцу рассылал к иностранным дворам королевских представителей для защиты своих династических интересов, резко отличных от интересов английской республики. В Соединённых провинциях дипломатия Карла II стремилась укрепить союз, заключённый Карлом I²: в Мадриде Коттингтон и Гайд, посланники Карла II, выступали посредниками в деле примирения Франции и Испании. Королевская дипломатия стремилась примирить две монархии, находившиеся в войне, — французскую и испанскую, — чтобы с их помощью добиться восстановления третьей — английской; в борьбе за реставрацию она сплачивала наиболее реакционные силы Европы. В Рим был направлен Роберт Мейль с целью договориться о денежной субсидии, необходимой для возвращения Стюартам утраченной короны. В случае согласия папы ему обещали в будущем благоприятное отношение к католикам в Англии.

Всё же королевской дипломатии не удалось изолировать английскую республику. Одно правительство за другим стали признавать английскую республику и вступать с ней в нормальные дипломатические сношения. Первый шаг в этом направлении сделала Испания. Посланник Карденья получил

¹ «Lettres de Mazarini». III, p. 1092.

² «Venetian Calendar». Vol. XXVIII, p. 93.

приказание от своего короля вручить английскому парламенту верительные грамоты. Правительство Соединённых провинций также вступило в дипломатические сношения с английской республикой, с которой её связывали форма государственной власти и религия, но разобщала торговая конкуренция.

Осторожнее и изворотливее политики этих государств была политика Мазарини, стремившегося завязать переговоры об урегулировании экономических вопросов и отложить признание республики *de jure*. Но государственные советники Англии отклонили эту попытку Мазарини и в то же время повёл переговоры с представителями Фронды.

Почему республика Англии получила признание как правомочное государство? Чтобы понять это, надо иметь в виду, что английская республика унаследовала от королевского правительства Англии мощный экономический и военный аппарат в виде монопольных торговых компаний, а также большого торгового и военного флота. Республика ещё больше усилилась после победы Кромвеля над Ирландией и Шотландией, которые были присоединены к Англии. Между тем ни о каком едином фронте борьбы держав с английской республикой не могло быть и речи при тех противоречиях, которые характеризовали международные отношения в Европе в 50-е годы XVII века.

При этих условиях дипломатия английской республики получила возможность добиться больших успехов и заложить основы будущей Британской империи. Она усилила своё влияние в Западной Европе в тот момент, когда европейское равновесие было нарушено в пользу Франции, воскресив традиции елизаветинской эпохи и ликвидировав наследство первых Стюартов.

I

Английский парламент отправил в Голландию посольство, в состав которого входили такие выдающиеся политические деятели, как Стрикленд, Оливер Сен Джон и Зсорло — секретарь Оливера Кромвеля. Когда послы в сопровождении большой свиты, в 250 человек, торжественно въезжали в Гаагу, улицы которой были полны народом, сторонники Оранских встретили англичан криками: «Царевийцы!», «Палачи!», «Прихвостни Кромвеля!»¹. Начавшиеся переговоры, в которых английские дипломаты выдвигали идею полного объединения Англии и Соединённых провинций, не увенчались успехом. По словам Зсорло, целью англичан был «союз и объединение с голландцами в постоянную лигу для охраны интересов каждой из стран»; о голландцах же он заметил: «Их цель — не столько союз, сколько выгоды в торговле и мореплавании»². Переговоры прекратились, и вскоре со стороны Англии последовали акты, на-

правленные во вред голландской торговле.

3 октября 1650 г. был опубликован акт, воспретивший торговлю с Вест-Индией и Виргинией, где поднялось восстание против английской республики; этот акт был, в сущности, направлен и против голландской торговли, которая там широко распространилась³. За этим последовал акт 9 октября 1651 г., называвшийся актом «для увеличения флота и поощрения мореплавания английской нации». Это известный навигационный акт, больно ударивший по торговле Голландии с Англией. В конце декабря 1651 г. в Лондон прибыло голландское посольство, и переговоры возобновились; уже в марте 1652 г. венецианский посланник в Лондоне мог сообщить дожу и сенату Венеции, что голландцы подписали соглашение с Англией на 6 месяцев, однако постоянные морские нападения заставляют думать, что это перемирие только служит к тому, чтобы выиграть время для окончательной подготовки сил, за чем позднее следует открытое объявление войны.

Переговоры продолжались в течение апреля и мая; но уже в начале июня произошло первое столкновение на море английского флота под командой Блэка с голландским, которым командовал Тромп. В Англии была снаряжена эскадра из 20 лучших тяжёлых и хорошо вооружённых кораблей, захватившая 16 голландских кораблей, нагружённых товарами. Английское правительство отдало приказ захватывать все голландские корабли, приближавшиеся к портам Шотландии и Ирландии. Это вызвало большую тревогу в Соединённых провинциях среди собственников кораблей⁴.

Военные операции происходили не только на морях, омывающих Англию и Голландию, но и на Средиземном море, где голландцы стремились прервать левантскую торговлю Англии, в проливах, связывающих Балтику с Немецким морем, в Индийском океане. Всюду воюющие страны стремились нанести урон торговле противника. В доках Темзы кипела напряжённая работа по постройке новых военных кораблей, вооружённых большим количеством пушек.

Если в начале войны перевес в морской войне имела Голландия, то решающие морские сражения выиграли всё же англичане. Переговоры о мире начались в то время, когда война была в полном разгаре. Первой на путь переговоров стала Голландия. В Англии сторонником мирных переговоров выступил Оливер Кромвель. Тотчас после роспуска Долгого парламента он отправил гонца в Гаагу с заверением, что он и вся армия — за прекращение кровопролития, за мир и дружбу⁵. Переговоры затянулись почти на год и кончились только в апреле 1654 года. Мир был необходим для обеих воюющих сторон из-за обострения внутренних противоречий: в Англии и в Соединённых провинциях усиливалась оппозиция против существующих правительств; кроме то-

¹ Edmundson «Anglo Dutch Rivalry», p. 150.

² «English Historical Review», XXI; Thurloe, «A review of the severall negotiations».

³ «Venetian Calendar», XXVIII, p. 216.

⁴ Ibidem, p. 253.

⁵ Ibidem, XXIX, p. 68.

го обе страны стояли накануне новых международных осложнений.

Переговоры о мире проходили с большими трениями. Английские дипломаты снова выдвинули проект слияния в одно государство Англии и Соединённых провинций; последние должны иметь своего представителя в английском государственном совете, а Англия — в государственном совете в Гааге¹. Предложение было отклонено, так как голландцы опасались, что Голландия окажется поглощённой Англией. Но голландцы должны были примириться с навигационным актом, подрывавшим их торговлю с Англией. Мирный договор предусматривал рассмотрение жалоб и определение убытков, какие понесла каждая сторона с 1611 г. до 18 мая 1652 г. в Ост-Индии, Гренландии, Московии, Бразилии или в каких-либо других местах².

В то же время молодая английская республика имела вооружённый конфликт с Португалией, отделившейся от Испании в 1640 г. и вступившей с ней в длительную (до 1665 г.), напряжённую войну за политическую независимость. Причина вооружённого конфликта английской республики с только что восстановленным португальским королевством лежала в событиях английской революции. В мае 1648 г. часть английского флота, состоявшая из корабля второго ранга, 5 кораблей третьего и четвертого рангов и 3 небольших галер, перешла на сторону короля. Во главе этой эскадры стал роялистский командир Руперт. Он вырвался из Килселе, где его блокировал республиканский флот, и направился в Лиссабон. Но, в то время как Руперт, дружественно принятый королём Иоанном IV, пополнял свои запасы, многочисленный республиканский флот под командой Блэка начал блокаду эскадры Руперта, создавая серьёзные неудобства для торговли Португалии. Блэк потребовал от Иоанна IV выдачи трёх захваченных Рупертом английских кораблей. Получив отказ, он объявил (июль 1650 г.) войну Португалии от имени республики³. Блэк был уполномочен Долгим парламентом применять все средства для захвата восставших кораблей, укрывшихся в портах Португалии⁴.

Мирный договор, заключённый между Англией и Португалией в 1654 г., обеспечивал английским купцам свободную торговлю «на суше, на пресной воде и на море», свободный въезд и выезд, покупку и продажу товаров в любом количестве при тех же льготах, которыми пользовались сами португальцы. Англичане получили право свободной торговли на пространстве от Португалии до Бразилии и других владений португальского короля. Договор предусматривал возвращение англичанам всех кораблей и товаров, захваченных принцем Рупертом и находившихся во владениях Порту-

галии. Действие договора должно было продолжаться всегда, и никакие другие договоры, действующие или будущие, не могли его нарушить⁵. Договор был заключён в трудное для Португалии время. Часть её бразильских владений была захвачена голландской Вестиндской компанией. Начавшееся в 1645 г. восстание португальцев в Бразилии против господства голландцев, объединённых в Вестиндскую компанию, затянулось и только в 1654 г. увенчалось успехом⁶.

Большую выгоду из этого отвоевания Бразилии у голландской Вестиндской компании извлекла Англия, договорившаяся в 1654 г. с Португалией о свободе торговли там для англичан. Договор 1654 г., выгоды стороны которого для Англии справедливо подчеркнул Кромвель, можно считать прообразом Метуэнского договора 1703 г., открывшего дальнейшие выгоды для английской торговли в португальских владениях и включившего Португалию в орбиту английской колониальной политики.

II

В истории англо-французских отношений период от 1649 до 1655 г. отмечен переходом от состояния необъявленной войны к миру и к совместным военным действиям против Испании, а вместе с тем переходом английской республики от дипломатических переговоров с двумя правительствами Франции — королевским и фронтёрским — всецело на сторону королевской Франции (Фронда в этот момент уже клонилась к своему концу, и дело Кондэ было проиграно).

Обострение отношений между Францией и Англией наступило с того времени, как палата общин в августе 1649 г., узнав о запрете ввоза во Францию шерстяных и шелковых тканей английского происхождения, ответила на это запретом ввоза в Англию французских вин, а также шерстяных и шелковых тканей, изготовленных во Франции⁷.

В 1650 г. обе стороны вели открытые враждебные действия на море друг против друга. Английский флот захватывал французские корабли, он появился в Средиземном море для конвоирования торговых судов; французы наложивли секвестр на английские товары в Ла Рошелли⁸. Современникам казалось, что когда Англия освободится от шотландской опасности, а Франция заключит договор с Испанией, то начнётся подлинная война между Англией и Францией.

Когда начался новый этап в развитии французской Фронды и руководящая роль перешла к принцу Кондэ, объявившему открытую войну королевскому правительству

⁵ Dumont. Op. cit. VI, p. II, 82—85.

⁶ Zimmerman «Die kolonial Politik Portugals und Spaniens», S. 146—150.

⁷ «Journals of the House of Commons», VI, p. 285.

⁸ «Venetian Calendar», XXVIII, p. 146; 153.

¹ «Venetian Calendar», XXIX, p. III.

² Dumont «Corps diplomatique du droit des gens». VI, p. II, 77.

³ «Venetian Calendar», XXVIII, p. 153.

⁴ «Thurloe papers», I, p. 143.

Франции и действовавшему в союзе с Испанией, то в октябре 1651 г. он отправил своего представителя де Ривьера в Англию. Принятый Кромвелем, де Ривьера просил 100 тыс. ф. ст., 6 тыс. пехотинцев и 12 тыс. всадников. Кромвель отнёсся к этому заявлению иронически. Он сказал, что сам бы пришёл с 40 тыс. пехотинцев и 12 тыс. всадников для ведения войны, взяв их на свой счёт, если бы принц Кондэ поручился довести Францию до того состояния, в котором теперь находится Англия¹.

Но и королевская Франция направила в марте 1651 г. в Англию своего представителя Жентилло для выяснения вопроса о признании английской республики и возвращении захваченных французских кораблей². Жентилло успеха не имел, так как английское правительство хотело прежде всего получить компенсацию за захваченные на Средиземном море корабли. Кроме того Жентилло не имел надлежащих верительных грамот. Военные действия, как и дипломатические переговоры сторон, продолжались.

Сменивший де Ривьера сеньёр де ла Баррьер продолжал добиваться союза между Кондэ и английским правительством. Он предлагал договор, по которому Англия должна была получить право свободной торговли с Гасконью и французскими территориями, подвластными Кондэ.

В конце 1652 г. наступил некоторый поворот к лучшему в отношениях между английской республикой и королевской Францией. Мазарини, отправивший в Лондон нового посла Бордо, считал, что следует умиротворить английский парламент и предупредить агрессивные действия англичан: предпринятые в союзе с испанцами, эти действия могли бы серьёзно нарушить интересы королевской Франции³. Прибывший в самом конце 1652 г. в Лондон посол Бордо заявил, что дружественным отношением Англии и Франции не может мешать различие формы государственного строя, что народы обеих стран связаны торговыми отношениями, а захват под Дюнкерком французских кораблей — результат испанской интриги⁴.

Невзирая на улучшение дипломатических отношений флоты обеих держав продолжали вести каперские операции. Кромвель объяснял масштабные действия английского флота желанием иметь компенсацию за товары и корабли, которые были захвачены французами во время гражданской войны. Английские корабли подходили к берегам Нормандии, причиняя беспокойство жителям и центральному правительству, охотились за французскими кораблями в Средиземном море, нападали на берега Канады, высаживали на эти берега отряды с целью захвата страны, что сильно тревожило парижских коммерсантов, пристрастных к канадскому рынку⁵. Английское правительство продол-

жало вести переговоры с представителями французской Фронды. В июне 1653 г. последний оплот Фронды во Франции, город Бордо, был осаждён королевской армией. Прибывшие в Англию представители города Бордо (один — от знати, один — от парламента и два — от народа) были приняты государственным советом и имели секретные совещания с Кромвелем. Однако реальной помощи они не получили, если не считать разрешения на покупку 10 кораблей, захваченных у голландцев⁶.

Когда Фронда во Франции была уже ликвидирована королевским правительством, представители принца Кондэ всё ещё продолжали искать поддержки у Кромвеля, считая, что в его интересах продлить во Франции смуту. Но союз английской республики с французской Фрондой, с городом Бордо и принцем Кондэ стал не мыслим после полного разгрома этих оппозиционных французскому абсолютизму сил. Союз с королевской Францией, помимо экономических выгод, сулил и политические — удаление из Франции Стюартов, добивавшихся своей реставрации и друживших с враждебными Англии силами, и укрепление авторитета английской республики через официальное признание её Францией, завоевавшей гегемонию в Западной Европе.

Прокламмированный 20 ноября 1655 г. торговый договор с Францией предусматривал прекращение враждебных действий между договаривающимися сторонами; население Англии, Шотландии и Ирландии получало право продавать свои изделия, шёлковые и шерстяные, во Франции, а французское население могло продавать вина во всех портах республики. Особые комиссары должны были в течение пяти месяцев со времени ратификации договора расследовать все дела о захвате добычи на море с 1640 г.; спорные вопросы разрешались через арбитраж города Гамбурга⁷. Были выработаны особые, секретные статьи, имевшие военно-политический характер. О них сообщает венецианский резидент в Англии Джаварина. В этих статьях содержались обязательства взаимной финансовой и военной поддержки, осуществления наступательного и оборонительного союза, осуществления религиозной свободы для англичан, проживающих во Франции⁸.

III

Англо-испанские отношения в период 1649—1655 гг. отличались непрочностью связей и нарастающим взаимной подозрительности и враждебности. Уже вскоре после признания Испанией английской республики, отъезда из Мадрида посланников Карла II и торжественного приёма Кардены английским парламентом на дипломатическом горизонте появились тучи. Испания была встревожена тем, что Англия начала переговоры с Португалией, не обращая никакого внимания на мнение Мадрида.

¹ «Venetian Calendar», XXVIII, p. 202.

² Ibidem, p. 176.

³ Ibidem, p. 317.

⁴ «Venetian Calendar», XXIX, p. 18.

⁵ Ibidem, p. 276, 282, 286.

⁶ Ibidem, XXIX, p. 76, 80.

⁷ «Venetian Calendar», XXX, p. 151.

⁸ Ibidem, XXXI, p. 50.

На представление испанского правительства о дружественном приёме португальского посланника английские дипломаты ответили, что в Англии оказывают добрый приём всем, кто ищет дружбы, что английская республика готова, если нужно, выступить мирным посредником между Испанией и Португалией¹.

Когда в 1652 г. началась англо-голландская война, испанская дипломатия старалась обострить вражду между двумя недавно созданными республиками; однако ход военно-морских операций привёл к совершенно неожиданным результатам. Англичане однажды захватили испанские корабли с серебром, в другой раз — корабли, гружёные шерстью, что едва не привело к разрыву отношений между Испанией и Англией. Инцидент был улажен тем, что захваченный груз был поделён между английской республикой и испанскими купцами, но вскоре появилось новое обстоятельство, вызвавшее взаимную настороженность и связанное с прибытием в Лондон французского посла Бордо. Всё это побуждало Карденю в переговорах с Кромвелем выдвигать проект договора между Англией и Испанией. Написанный рукой Зсорло проект этого договора сохранился в его бумагах. Он предусматривал установление мирных и дружественных отношений между договаривавшимися державами во всех частях мира; освобождение от действия инквизиции английских купцов в Испании; право преимущественной покупки шерсти англичанами в Испании; ввоз в Англию испанского золота и серебра². Но Кромвель был противником договора с Испанией, он всё более склонялся к заключению договора с Францией, и, чем ближе подходил этот момент, тем более натянутыми становились отношения Англии и Испании.

Летом 1654 г. английские купцы, имевшие долговые обязательства испанской короны, предъявили свои претензии и потребовали выдачи им каперских свидетельств, разрешающих захват на море испанской собственности. Кромвель, ранее откладываявший это дело, написал гневное письмо испанскому послу с требованием удовлетворения и с намёком, что в случае отказа правительство предоставит обиженной стороне взять силой то, что она просила³.

В то же время началось снаряжение большой эскадры адмирала Пенна, назначение которой держалось в глубокой тайне. Уже в октябре 1654 г. в Лондоне ходили слухи, что эта экспедиция готовится для захвата Кубы и Эспаньолы (Гаити). Испанская дипломатия делала последние усилия, чтобы избежать разрыва: в мае в Лондон направились маркиз Сан-Стефано, представитель принца Конде, — с целью убедить английское правительство в выгодах нападения на Францию — и маркиз Лейдем, посланник эрцгерцога, правителя испанских Нидерландов, — чтобы отклонить Кромвеля от напа-

дения на Вест-Индию. Кромвель выдвинул три условия для сохранения добрососедских отношений с Испанией: 1) обеспечение религиозной свободы для английских подданных во владениях Испании; 2) разрешение им вести там свободную торговлю; 3) уплата англичанам долгов, давно лежащих на испанской короне. Между тем события в Вест-Индии стали развёртываться своим порядком. Флотилия Пенна произвела высадку в Эспаньоле. Пенн пытался захватить важный порт Сен-Доминго, но был отбит со значительными потерями. Тогда он направил свои усилия на соседний, слабо защищённый остров Ямайку. В Европе также стали заметны приготовления к войне. Эскадра Блэка из Средиземного моря через Гибралтар направилась к Кадиксу с целью прервать морские связи Испании с Вест-Индией.

В ожидании войны многие англичане ночью покинули Малагу, Кадикс, Севилью и были приняты на борт английских кораблей. Карденя сообщил в Мадрид, что в Лондоне нельзя оставаться, сохраняя достоинство испанской короны. 1 октября 1655 г. в Лондоне стало известно, что во всех владениях Испании было наложено эмбарго на корабли и товары англичан⁴. Так началась война с Испанией, которая была, по выражению Кромвеля, «естественным врагом Англии». Цель войны он ясно формулировал в письме к генерал-майору Фортескому в Ямайке: «Мы намерены, и это много обсуждалось среди нас, бороться с испанцами за господство над всеми морями»⁵.

Вступление Англии в войну против Испании обратило мадридский двор в центр объединения всех враждебных английской республике сил. Зашевелились Стюарты. Королю Англии Карлу II испанское правительство отдало в качестве резиденции город Брюгге, были ассигнованы средства как для него самого, так и для его малого двора. В августе 1656 г. там была получена ратификация испанским правительством договора с Карлом II⁶.

Для активного участия в войне Карл II начал формирование двух ирландских, одного английского и одного шотландского полков. Он подготовлял вооружённое вторжение в Англию, рассчитывая на поддержку своих сторонников в стране. Располагая некоторым флотом, Карл II мог направить свою поддержку в Ирландию. Генрих Кромвель сообщал Зсорло 30 января 1656 г., что ирландцы становятся высокомерными в ожидании чего-то из-за границы; их духовенство очень активно подготавливает народ к новым выступлениям⁷.

Позднее, в 1659 г., Карл II обещал принцу Конде королевство Ирландию, если последний окажет ему помощь войсками для

¹ «Venetian Calendar», XXX, p. 116.

² Carlyle. «Cromwell's letters and speeches», IX, p. 131.

³ «Venetian Calendar», XXX, p. 200, 251.

⁴ «Thurloe papers», IV, p. 482.

¹ «Venetian Calendar», XXVIII, p. 292.

² «Thurloe papers», I, p. 705.

³ «Venetian Calendar», XXIX, p. 236.

установления его власти в Англии. Он подписал два договора во Фландрии — с эрцгерцогом Леопольдом и Дон Жуаном Австрийским, — в которых обещал возвратить Испании владения, захваченные парламентом и Кромвелем¹. Таким образом, англо-испанская война могла привести Англию к самому худшему виду реставрации — к реставрации при помощи иностранных военных сил. Англо-испанская война оживила надежды Соединённых провинций — торгового соперника Англии, располагавшего большим флотом и помогавшего Испании.

Наконец, испанский посол в Германии Пеннарандо в октябре 1657 г. настаивал на том, чтобы король Леопольд I открыто со всеми войсками стал на сторону Испании; но Леопольд I не мог сделать этого, так как был связан шведскими, польскими и турецкими делами².

Военные операции, предпринятые Англией, начались с блокады английским флотом берегов Испании. Её цели были точно формулированы Кромвелем: разрушить торговлю Испании, прерывая её сообщения на морских путях, лишить возможности подвозить материалы для кораблестроения и другие товары, объявленные контрабандой, прервать связи Испании с Фландрией. В свою очередь, английский флот должен был охранять торговлю Англии с Португалией и в Гибралтаре.

Другой театр военных действий был у берегов Фландрии, где английский флот блокировал Остенде и Дюнкерк. Во Фландрии была высажена экспедиционная армия для осады Дюнкерка, действовавшая совместно с французскими войсками. В битве за Дюнкерк, напоминавшей битву гражданской войны, встретились два английских войска; полки, набранные Кромвелем, борлись и победили англо-ирландские войска под начальством герцога Йоркского. Дюнкерк и другой город Фландрии — Мардик — капитулировали. Англия приобрела два пункта опоры на берегах Западной Европы. Испания была совершенно обесцелена. Её торговля с Индией была прервана. Даже тогда, когда английский флот снял блокаду, очень немногие испанские купцы рисковали посылать товары на Восток. Третий театр военных действий был в Вест-Индии, где с помощью английской эскадры у Испании были отняты важные владения, в том числе остров Ямайка. Удержание его требовало посылки туда значительных подкреплений в виде войска и гражданского населения³.

Во время войны необходимо было установить постоянный и тесный контакт между английским и французским правительствами. Кромвель отправил в 1656 г. во Францию в качестве посланника своего племянника Локкарта, которому была вручена особая инструкция⁴. Он стал командующим ан-

глийской экспедиционной армией и губернатором Дюнкерка и одновременно с этим полномочным послом Кромвеля во Франции⁵. Когда весной 1659 г. начались секретные переговоры между Францией и Испанией о мирном договоре, Локкарт из Дюнкерка направился в Париж, чтобы лучше наблюдать за действиями Мазарини. Он был участником Пиренейской конференции, в результате которой был заключён мир, названный Пиренейским. Одновременно с этим прекратились военные действия между Испанией и Англией. Но в то время как в результате Пиренейского мира Франция сделалась самой сильной державой Западной Европы, Англия после войны с Испанией сохранила лишь одно прочное завоевание — остров Ямайку; Мардик отходил к Франции по Пиренейскому миру, а Дюнкерк был продан Франции в 1662 г. Карлом II, когда был оставлен задуманный Кромвелем план образования большой европейской лиги для защиты протестантства.

IV.

Политические отношения Англия с двумя северными державами — Швецией и Данией, — враждебно настроенными друг к другу, определялись планом Кромвеля создать большую протестантскую лигу из европейских держав для ослабления испанских и австрийских Габсбургов (последние возглавляли империтю), тесно связанных с католической церковью. Этот план стал отчётливо выступать у английских дипломатов в разгар войны с Испанией, которая всё ещё представляла сильный оплот политической реакции и католицизма. В эту лигу английская дипломатия стремилась вовлечь и Францию, пользуясь её враждебностью к обоим ветвям Габсбургского дома, опасением их объединения и её стремлением вырвать у них руководящую роль в европейских делах.

Англия имела большие торговые интересы на Балтийском море: Лондон был тесно связан с Данцигом, откуда шли хлеб и лесные материалы. По поводу начавшейся между Данией и Швецией войны Кромвель в парламентской речи 25 января 1658 г. говорил: «Если они нас выметут из Балтийского моря и сделаются его господами, где тогда будет наша торговля, где будете вы брать материалы для вашего кораблестроения?»⁶.

Указания на важность для английских кораблей свободного прохода через Зунд встречаются неоднократно в донесениях венецианских послов, проживавших в Лондоне. Торговлю с портами Дании, Швеции, Германии, Польши поддерживала восточная Английская компания (Eastland company), основанная в 1579 году. Тысячи англичан в сотни английских кораблей принимали участие в ловле сельдей, которые сбывались в шведских портах; там же англичане продавали соль и каменный уголь⁷. Но в

¹ «Venetian Calendar», XXXII, p. 23.

² Ibidem, XXXI, p. 121. Леопольд был выбран императором в июле 1658 года.

³ Ibidem, XXX, p. 224, 228, 277.

⁴ «English historical Review», XXI, 1906.

⁵ «Venetian Calendar», XXXI, 197.

⁶ Carlyle «Cromwell's letters and speeches», X, p. 334.

⁷ «Thurloe papers», I, p. 227.

торговле на Балтийском море были заинтересованы и Соединённые провинции. С Балтикой была связана тогда большая часть голландского флота. Отсюда понятно стремление и Англии и Соединённых провинций установить тесный контакт со скандинавскими государствами. Англо-голландская война сопровождалась сближением Англии с Швецией и Соединённых провинций с Данией. Дания, формально оставаясь нейтральной, фактически участвовала в войне на стороне голландцев: её эскадра вместе с голландской блокировала флотилию английских угольщиков в Ньюкасле¹. Дания оказывала помощь не только флотом, который был пополнен новыми кораблями, но и пехотой. В поисках противовеса Дании английская дипломатия добилась того, что Швеция, с которой Дания постоянно соперничала, пошла на тесное сближение с Англией. Это сближение диктовалось обоюдными интересами, так как Швеция нуждалась в поддержке Англии в то время, когда её усиление во время Тридцатилетней войны вызывало недружелюбное к ней отношение соседних держав. 15 января 1644 г. Мазарини писал: «Хорошо известно, что секретно составили лигу Дания, Польша и Москва, чтобы напасть на Швецию»².

После заключения Вестфальского мира Швеция искала силы, которые могли бы стать противовесом империи Габсбургов в Центральной Европе и поддержать её в споре из-за Померании с Бранденбургом. В связи с этими соображениями шведская королева Христина прислала письмо правительству английской республики, составленное в очень любезных выражениях и подписанное: «Ваш добрый друг Христина» («Votre bonne amie Christina»)». Направленный в Швецию в качестве чрезвычайного посла, Уайтлок, юрист и автор известных мемуаров об английской революции, сторонник Кромвеля, добился заключения договора со Швецией в Упсале 11 апреля 1654 года. Гарантируя свободную торговлю обоим договаривающимся сторонам, договор содержал в себе статью (II), предусматривавшую взаимную помощь в борьбе с махинациями и заговорами врагов: «Ни одного из мятежников или изменников, кто замышляет против государства другого, в свои владения не принимать, не допускать и тем менее давать им совет или помощь или поддержку»³.

Через пять месяцев (15 сентября 1654 г.) был заключён договор между Фредрихом III, королём Дании, и Оливером Кромвелем, протектором республики Англии. К этому времени кончилась англо-голландская война, и заключение договора с Данией, посланный которой прибыл в Лондон вместе с голландским посольством, было вполне естественно. Англия и Дания обязывались не оказывать никакой поддержки врагам

договаривающихся сторон и открыть свободную торговлю между собой. Кроме того они должны были ликвидировать спор из-за захвата датчанами английских кораблей и товаров в Балтике. Дания согласилась уплатить за них установленную арбитрами сумму; при этом 10 тыс. ф. ст. она вносила единовременно⁴. Заключение ряда договоров в 1654 г. (с Голландией, Швецией, Данией, Португалией), сближение с Францией — всё это являлось для Англии, руководимой Кромвелем, подготовкой к осуществлению главной цели её внешней политики — к борьбе с Испанией и к созданию лиги протестантских государств на севере.

Рост могущества Швеции и её сближение с Англией тревожили руководителей политики Соединённых провинций. Они направили посольства в Бранденбург, Данию и Швецию; было подготовлено 50 военных кораблей для обеспечения свободного мореплавания в Балтике; между тем шведский король Карл X увеличил торговые пошлины. Дания являлась давнишним врагом Швеции. Естественно, что Данию стремились использовать враждебные Швеции и Англии силы: Австрия, Испания, Соединённые провинции, лишившийся престола английский король. «Союз Англии и Швеции занимает все северные государства, — пишет 29 января 1656 г. венецианский посол в Германии. — Если они сумеют установить своё господство на море, они будут арбитрами большей части мира»⁵. В противовес им и тому объединению держав, которое ими подготовлялось, действовала дипломатия обеих ветвей Габсбургов — испанской и австрийской. Тот же посол доносил, что испанцы в особенности настойчиво предлагали Дании союз для борьбы против Англии. Незадолго до объявления войны Швеции Данией последнюю посетил посол императора. Дания начала военные действия против Швеции в 1657 г.: она захватила в Балтийском море несколько кораблей, принадлежавших шведским купцам. Англия стремилась в это время к двум ближайшим целям: 1) ослабить фронт борьбы против Швеции, а для этого отклонить от участия в войне Данию и Москву и вместе с тем восстановить мир между Данией и Швецией, с которыми она была связана договором о торговле и дружбе; 2) направить силы этих протестантских держав против Польши, Габсбургов, католицизма. Политика Соединённых провинций также имела в виду примирение скандинавских держав, но во имя коммерческих целей.

По инициативе Англии в Любеке был собран конгресс полномочных представителей Швеции и Дании для установления перемирия, а в марте 1658 г. между ними был заключён Роскильдский договор. По этому договору Швеция добилась от Дании весьма существенных уступок: провинции Галленд, Блекинг, Шовен, которые господствовали над половиной Зунда, город и порт Друсен, замок Багауз и остров Борнгольм

¹ «Venetian Calendar», XXIX, p. 55.

² «Lettres de Mazarini», I, XC, p. 630.

³ «Venetian Calendar», XXVIII, p. 274.

⁴ Dumont «Corps diplomatique du droit des gens», VI, p. II, 80.

⁵ «Venetian Calendar», XXIX, p. 210.

⁶ Ibidem, XXX, p. 171.

переходили от Дании к Швеции; Дания выплачивала Швеции миллион талеров и обязалась содержать у себя на службе 4 тыс. чел. пехоты и конницы и 10 военных кораблей. Кроме того Дания предоставляла для шведской армии квартиры до мая. Голштейнскому герцогу, зятю шведского короля, передавалось много датских городов и округов¹. Но когда Дания не согласилась запретить Зунд для иностранных кораблей, чтобы не нарушать торговых интересов своих союзников — голландцев, — Карл X быстро возобновил военные действия против Дании. Перерыв между первой и второй датско-шведской войнами продолжался всего около четырёх месяцев. Англия и Голландия послали свои эскадры в Зунд. Шведы обещали Англии Зунд и замок Кроненбург, расположенный около пролива. «Это не очень неправдоподобно, поскольку кажется бесспорным, что они не пошли бы на этот шаг без выгоды, особенно в то время, когда они могли надеяться на другую выгоду, если их флот выйдет навстречу испанскому золотому флоту»².

Мир между Данией и Швецией был заключён 6 июня 1660 г. в Копенгагене. Цель Англии, Франции и Соединённых провинций, имевших большие торговые интересы в Балтике, была достигнута: северные проливы стали свободны для прохода торговых кораблей.

V

Когда началась английская революция и был создан Долгий парламент, торговые и политические связи между Англией и Москвой не претерпели изменений. В 1645 г. в Англию был послан Герасим Семёнович Дохтуров с официальным известием о смерти царя Михаила и о вступлении на престол Алексея Михайловича. Он пробыл в Лондоне с 27 ноября 1645 г. по 23 июня 1646 года. Пребывание Дохтурова в Лондоне совпало с периодом, когда в ходе гражданской войны наметился окончательный поворот в пользу парламента; король стал, в сущности, пленником шотландцев, передавших его, как известно, за приличное вознаграждение парламенту. Дохтуров имел поручение лично видеть короля Карла I и вручить ему грамоту от царя Алексея Михайловича, но «бояре» парламента сообщили ему, что они уже четыре года состоят в войне со своим королём, который находится в областях, оставшихся ему верными.

Как видно из письма к царю Алексею Михайловичу от имени лордов и общин, путешествие Г. С. Дохтурова к английскому королю считалось делом опасным, и поэтому парламент решил удержать его в Лондоне под своей защитой. В Лондоне жили послы и посланники от других иностранных государей, а также купцы, торговавшие с Московским государством. Из Лондона один раз в году отправлялся караван судов в

Московское государство³. Всё это побудило Дохтурова остаться в Лондоне. 13 июня 1646 г. Дохтуров был принят палатами парламента, и спикер передал ему письмо московскому царю.

Дипломатические связи с Москвой намечались в парламентском письме в двух формах. Для переговоров об укреплении торговли между обоими государствами был выдвинут мистер Спенсер Бреттон. Кроме того парламент выражал намерение направить посла к царю для поднесения ему поздравлений, как только прекратятся «эти наши раздоры»⁴.

В то время как парламент делал первые, не совсем твёрдые шаги, чтобы наладить дипломатические связи с Москвой, минуя короля, последний направил в Москву своего посла Люка Найтингала с письмом, в котором король обращался к царю с просьбой дать разрешение на закупку в его государстве до 300 тыс. четвертей хлеба. Не имея денег, Карл I предлагал заплатить за хлеб английским сукном. Послу дали возможность купить лишь 30 тыс. четвертей хлеба⁵.

В сентябре 1648 г., когда король был уже на положении пленника парламента, в Москву вторично приехал Найтингал с новым письмом от короля — о присылке 300 тыс. четвертей хлеба. Наличие двух враждебных политических группировок в Англии, раскол, вносимый ими в деятельность английской дипломатии, интриги и борьба лиц, принадлежавших к различным политическим ориентациям, — всё это содействовало подрыву того положения, которое занимали английская торговля в Москве и её главный организатор — Московская компания. Политический авторитет Англии был ещё более подорван в правящих кругах Москвы известием о казни короля Карла I.

С конца 30-х годов XVII в. русские купцы стали представлять челобитья о ликвидации привилегий в торговле, которыми пользовались иностранцы. В январе 1638 г. купцы просили не допускать иностранцев к торговле внутри России, оставивши торг только в Архангельске⁶. На земском соборе 1649 г. были снова поданы челобитные. В одной из них московское и провинциальное дворянство просило, чтобы торговля с иностранцами велась только в Архангельске, чтобы в Москву и другие города иностранцы не ездили, так как московские гости и торговые люди во всяких торгах и промыслах от иностранцев разорялись. Другая челобитная, более пространная, содержала много жалоб на «английских немцев», которые отбили торговлю у русских людей, покупали русские товары для перепродажи иностранцам, продавали грамоты на льгот-

³ «Journals of the House of Lords», VIII, p. 339.

⁴ Ibidem.

⁵ Lubimenco «Les relations commerciales et politiques de la Russie avec de l'Angleterre», p. 208.

⁶ Бантыш-Каменский. Соч. Т. I, стр. 111.

¹ «Venetian Calendar», XXXI, p. 177—178.

² Ibidem, p. 268.

ную торговлю другим иностранцам, привозившим плохие товары, некоторые товары скрывали¹.

Всё это привело к тому, что Алексей Михайлович отменил все привилегии английских купцов. Им было предоставлено право заниматься торговлей только в Архангельске наряду с другими иностранцами. Указу об отмене привилегий английских купцов предшествовал указ 1646 г., отменявший освобождение их от торговых пошлин. Так, в два приёма, были разрушены старинные привилегии Московской компании, существовавшей с эпохи Ивана Грозного.

Принц Карл, будущий король Англии Карл II, продолжал держаться политики своего отца и посылал время от времени своих представителей в Москву. Уже в начале 1649 г. в Москву прибыли его представители — Генри Кроа и полковник Демонд — с поручением купить 40 тыс. четвертей хлеба. Карл II просил продать хлеб по обычной цене и дать распоряжение воеводам не чинить препятствий к его вывозу. Послы были отпущены с обещанием, что их просьба будет удовлетворена. В 1650 г. в Москве появился посол Карла II лорд Джон Кульпепер с официальным уведомлением о смерти Карла I, об изгнании его наследника и с просьбой дать взаймы 100 тыс. руб., чтобы иметь возможность наказать виновных.

В 1655 и 1656 гг. Карл II присылал рекомендательные грамоты о военных специалистах, желавших поступить на службу к московскому правительству. Между тем Московская компания, узнав о ликвидации привилегий в торговле английских купцов с Москвой, начала хлопотать о посылке письма московскому царю от имени парламента². Но дело это откладывалось, так как комитет по иностранным делам был занят другими важными вопросами. Только в 1654 г. в Москву был направлен в качестве посланника Придо, который повёз с собой письмо от лорда-протектора Алексея Михайловичу. Пробыв в Московском государстве от августа 1654 г. до сентября 1655 г. и получив ответ от московского царя, он вернулся в Англию. В коллекции бумаг Зсорло сохранилась переписка Придо, связанная с его московской дипломатической миссией³.

Какие политические цели ставило английское правительство миссии Придо, направляя его летом 1654 г. в Москву? Чтобы ответить на этот вопрос, надо учесть международную обстановку в 1654 г., в особенности на севере Европы. В 1654 г. Англия добилась больших успехов в международной политике: она закончила войну с Соединёнными провинциями, заставила их подчиниться действию навигационного ак-

та; был заключён мирный договор с Португалией, весьма выгодный для английской торговли и открывавший португальские порты для охоты за испанскими кораблями; были заключены договоры с двумя северными державами — Швецией и Данией. Особенно важна была для Англии её дружественная связь с Швецией. Улажнение торговых и политических отношений с Москвой усиливало бы позицию Англии на севере и продолжало бы цепь внешнеполитических успехов правительства Кромвеля, ставшего в это время уже лордом-протектором.

Надо обратить внимание ещё на одно обстоятельство. Польша, ослабленная восстанием казаков под руководством Богдана Хмельницкого, была накануне войны с Москвой с того момента, как Богдан Хмельницкий в Переяславле 6 января 1654 г. перешёл в подданство к Москве. 11 мая в Москве был издан манифест о войне с Польшей.

В то самое время, как Придо находился в Москве, в Лондон прибыл польский чрезвычайный посол М. де Бай, чтобы просить о диверсии против Москвы. На приёме у лорда-протектора он жаловался на насильственное и враждебное действие Москвы против владений и земель польского короля. Но Кромвель этот призыв к поддержке отклонил, указав, что польский король подверг грабежу многих английских и шотландских купцов, живших в его государстве.

Придо покинул Москву, получив от московских дипломатов уклончиво вежливый ответ по вопросу о возобновлении привилегий Московской компании. Однако миссия Придо не ограничивалась отстаиванием торговых интересов английских купцов: она была тесно связана с международной политикой Англии, которая определялась близостью Англии к группировке протестантских держав. Вопрос о польской войне был, несомненно, основным политическим вопросом, интересовавшим английскую дипломатию в 1654—1655 годах.

Через два года после отъезда Придо из Москвы туда был направлен в качестве английского посланника мистер Ричард Бредшо, родственник председателя судебного трибунала, осудившего на казнь Карла I, и президента государственного совета республики. В 1650 г. он был назначен резидентом в Гамбург. Через этот город шёл сбыт шерстяных изделий, и отсюда же поступала политическая информация о событиях в Восточной и Северовосточной Европе. Он получил инструкцию, состоявшую из 12 пунктов⁴. Перед Бредшо на первом плане стояла задача способствовать установлению мира между Швецией и Москвой, вступившими в войну с 1656 года. Бредшо должен был доказать Москве выгоду установления мирных отношений с Швецией. Эти выгоды заключались в возможности вести торговлю на Балтийском море, в безопасности северных и западных границ государ-

¹ Сборник князя Хилкова, стр. 238.

² «Calendar of State papers». D. S. 1649—1650, p. 488.

³ Архангельский С. «Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой». «Исторические записки» № 5. Изд. Академии наук СССР.

⁴ «Thurloe papers». VI, p. 278.

ства, в обеспеченности от насилия или нововведений в вере, так как «протестантский король не насилует совесть, как это делает польский король». В конце инструкции (§ 11) говорилось о необходимости представить московскому государю, что народ английской республики должен быть восстановлен в том привилегированном положении, в котором он находился прежде; владельцам необходимо вернуть их дома, из которых они были изгнаны, а кредиторам — их долги.

Дипломатическая миссия Бредшо продолжалась от 25 мая 1657 г. до середины марта 1658 года. Политическая обстановка на северо-востоке Европы существенно изменилась. Разгром Польши Карлом X вызвал образование коалиции против Швеции; в эту коалицию вступили Дания, Польша, Москва и Габсбурги, возглавлявшие империю. В это же время в Югозападной Европе шла война Англия и Франции против Испании. Англия стремилась придти на помощь своей союзнице Швеции, а для этого надо было ослабить враждебную Швеции коалицию, отделить от неё Москву и Данию.

Бредшо не был допущен в Москву; предлогом для этого явилась неясность в его верительных грамотах — отсутствие титулов «самодержца» и «господина востока, запада и севера». В своих письмах на родину Бредшо отмечает, что в Москве шла борьба двух группировок по вопросу о войне с Швецией: царь Алексей, оскорблённый поляками на недавнем сейме, склонялся к миру; патриарх Никон и канцлер были против такого направления политики.

Дипломатия объединившихся против Швеции стран выдвигала идею общего мира в противовес сепаратным соглашениям, кото-

рых добивались Швеция и поддерживавшая её Англия. В феврале 1658 г. между Данией и Швецией был заключён мир, в декабре 1658 г. последовало перемирие между Москвой и Швецией (в Валлиссарах). Это обстоятельство отметил Жаворина 14 июня 1658 г.:

«Правительство радуется примирению этих государств и надеется в будущем видеть объединёнными и выполняющими планы, которые они замыслили для разрушения католицизма, который тревожит и грозит повсюду»¹.

Эти слова не сбылись. Когда Швеция слишком усилилась, английская политика изменилась. 21 мая 1659 г. Англия, Франция и Голландия подписали договор о том, чтобы обязать государей и королей северных стран заключить мир, так как война между Швецией и Данией в это время возобновилась. Договаривающиеся стороны не забыли и свои коммерческие цели: их корабли должны были быть свободны от всяких новых пошлин в Зунде и Бельте. Мир между Данией и Швецией 6 июня 1660 г., однако, подтверждал ограничения для плавания иностранных флотилий на Балтике и оговаривал свободное, беспрепятственное плавание шведских кораблей.

Широкая, настойчивая, целеустремлённая политика Кромвеля сплачивала наиболее прогрессивные силы Западной Европы и противопоставляла их силам реакции. Возвращаясь к традициям века королевы Елизаветы, политика Кромвеля проводилась на более широкой основе.

¹ «Venetian Calendar», XXXI, p. 212.

БОРЬБА ПАРТИЗАН ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

В. Ашурков и Ф. Титкин

В середине октября 1941 г., когда германские оккупанты вторглись на территорию Тульской области, там начали создаваться первые отряды партизан для борьбы против ненавистных захватчиков.

В начале военных действий в пределах области создано 30 партизанских отрядов и групп, численностью до 800 человек. Количество их быстро росло; к середине ноября было уже 300 отрядов и групп, насчитывавших до 2 тыс. человек.

В партизанские шли массами рабочие тульских заводов — прежде всего оружейники и патронники, — служащие, учащаяся молодежь, колхозники. Огромную роль в создании партизанских отрядов играли коммунисты и комсомольцы. Они показывали пример бесстрашия и героического презрения к смерти во имя блага любимой родины. Основным ядром отрядов оказались рабочие и служащие, которые уже обучались военному делу в рядах народного ополчения, в истребительных батальонах, в организациях Осоавиахима, и некоторые партизаны времён гражданской войны. Местные партийные комитеты, обком ВКП(б) и лично секретарь обкома тов. Жаворонков всеми мерами помогали трудящимся области организовать борьбу против оккупантов.

Партизанские отряды действовали во всех районах Тульской области, временно занятых врагом. С первых же дней партизаны поставили своей задачей внезапными нападениями создать панику в тылу врага, разрушать дороги и связь, уничтожать живую силу и технику, вести постоянную разведку. Особенно успешно действовали партизаны в Черепетском, Дубевском, Одоевском, Болховском и Щёкинском районах.

В Черепетском и Болховском районах с исключительным героизмом боролся против немцев отряд под названием «Передовой», состоявший сначала из 23, а потом всего из 10 человек. Боевой комиссар тов. М. и командир отряда тов. Т. показали пример беззаветной преданности родине и личного мужества, вдохновляя бойцов-партизан на замечательные подвиги.

Отряд тов. Т. был грозой оккупантов. Он действовал на важнейшей для против-

ника железнодорожной магистрали — Лихвин — Козельск — Сухиничи; партизаны нарушали сообщение, срывали подвоз боеприпасов, вооружения, продовольствия и живой силы, причиняли врагу большие потери. В середине декабря, разобрав железнодорожную линию близ станции Мыжбор, отряд пустил под откос воинский эшелон противника и уничтожил много немецких солдат и офицеров.

При отступлении немцев из города Лихвина командир Т. и комиссар М. приняли смелое решение — взорвать железнодорожное полотно близ станции Мыжбор, чтобы помешать немцам вывезти ценные грузы. В организации взрыва вместе с ними участвовали партизаны их группы — тт. О., Д., И. и М. (М. партизанил ещё во время гражданской войны). Тов. О. заложил мину, но вначале взрыва не произошло, тогда тов. О. несмотря на опасность подполз к мине и сам произвёл взрыв. В воздух взлетели рельсы, шпалы и стрелки. Тов. О. получил серьёзное ранение. Но результаты смелого предприятия были блестящи. Противник вынужден был оставить в районе Лихвин — Мыжбор 3 паровоза, более 350 вагонов. В захваченных эшелонах оказались богатые трофеи: 130 грузовых автомашин, более 100 велосипедов, много автоматического оружия, продовольствия и т. п.

С исключительной смелостью действовал отряд тов. Т. в момент отхода немцев из Лихвина. Ночью 25 декабря комиссар тов. М. пробрался в город и, явившись в городскую управу, объявил немецким ставленникам от имени советской власти приказ: до прихода Красной Армии не допускать мародёрства, учесть все продовольственные запасы, для беспрепятственного движения регулярных советских частей восстановить мост через Оку. Перепуганные предатели не осмелились ослушаться комиссара. Несмотря на то что немцы не были ещё выбиты из окраин города, приказ был выполнен. 26 декабря Красная Армия вступила в Лихвин. До начала работы районных учреждений в городе поддерживали порядок партизаны.

В Тульском, Одоевском, Черепетском и Белёвском районах действовал партизанский отряд тов. Е. Отряд держался вблизи

основных коммуникаций противника на шоссе Чернь—Плавск—Щёкино и Белёв—Лихвин—Перемышль и вывел из строя немало автомашин и обозов противника, уничтожил более 50 солдат и офицеров. В ночь на 10 декабря была организована засада на дороге Шевелёвка—Угрюмы. Партизаны подпустили на близкое расстояние обоз противника—40 подвод в сопровождении 150 немцев—и забросали его гранатами. Около застрявших в снегу подвод столпилось до 40 немцев. 14 партизан смело вступили в неравный бой. Уничтожив до 20 фашистов, они скрылись без всяких потерь. Растерявшиеся немцы даже не успели открыть огонь.

23 декабря тот же отряд тов. Е. захватил экипаж подбитого фашистского самолёта «Хейнкель-III». Матёрые фашистские стервятники, награждённые железными крестами, только накануне успели прилететь из Праги и сразу же, на первом своём полёте, попали в руки партизан вместе с важными документами.

Партизаны в совершенстве овладели техникой минирования; применяя её, они систематически уничтожали автотранспорт и живую силу противника. В первой половине декабря партизанская группа тт. Б. и М. минировала дороги буквально на глазах у противника. Партизанская группа тов. А. минировала дорогу у села Покровское, взорвала танк противника и большой немецкий обоз. Минная война партизан стоила немцам больших потерь.

В конце декабря немцы стали подвозить через станцию Узловая новые воинские части, орудия и боеприпасы. На станции скопилось четыре вражеских эшелона. Едва успел уйти первый эшелон, как партизаны устроили крушение. Было уничтожено ценное военное имущество и много немцев. Оставшиеся эшелоны не могли двинуться на фронт, где наши части уже промили врага. Подробности этого замечательного акта и имена совершивших его героев-партизан остались, к сожалению, неизвестны.

В партизанском движении наряду с мужчинами участвовали женщины и девушки. Комсомолка Шура Г. участвовала в ледом налёте отряда тов. Т. на колонну автомашин, двигавшуюся по шоссе Перемышль—Лихвин, в организации крушения вражеских поездов (в том числе и в известном взрыве близ станции Мыжбор). Бесстрашный боец тов. Шура Г. была и заботливой медицинской сестрой, много раз с опасностью для жизни помогавшей раненым товарищам—партизанам. Партизанка П. действовала вместе с другими женщинами в селе Верхняя Вырка, Белёвского района. Женщины уничтожили 5 немецких офицеров. В деревне Ясная Поляна местная учительница-коммунистка уничтожила остановившихся на ночлег двух немецких солдат.

Советские женщины по заслугам платят фашистским бандитам за их зверства, насилия и издевательства.

В тульских партизанских отрядах было много молодёжи. Многие из юных

партизан совершили замечательные подвиги и стали настоящими героями.

Ученик лихвинской школы 16-летний комсомолец Шура Чекалин, как только на территории Черепетского района появились немцы, ушёл в партизанский отряд. Стойко и мужественно перенося все трудности партизанской жизни, Чекалин с исключительной смелостью и мастерством ходил в разведку и всякий раз добывал ценные сведения, оружие и боеприпасы для отряда. Он проявлял замечательное самообладание при неожиданных встречах с врагом. Однажды Шуру с двумя партизанками настигли 9 фашистов. Они приняли неравный бой и, уничтожив восьмерых фашистов, благополучно вернулись. Шура был любимцем отряда, прекрасным товарищем. Ему обязаны были партизаны возможностью слушать родную Москву: в лесной землянке партизан он соорудил прекрасный радиоприёмник.

Другой юный партизан, Шура Г., три раза ходил в опасную разведку. В конце ноября 1941 г., когда он, выполнив боевое задание, возвращался в Тулу, его схватили немецкие солдаты и отобрали у него верхнюю одежду. Шура Г. побежал в лес предупредить партизан о появлении немцев. По дороге он встретил 7 красноармейцев, вернулся и вместе с ними уничтожил бандитов. Шура Г. неоднократно участвовал в смелых налётах на врага. В декабре с группой партизан он забросал гранатами пулемётную тачанку противника. Однажды, когда наш снайпер убил немецкого офицера, Шура Г., рискуя жизнью, подполз до открытому полю к убитому, взял у него важные документы и автомат и благополучно вернулся к своим.

Даже попав к врагу, партизаны боролись до последней возможности и смело встречали смерть, непоколебимо уверенные в нашей победе. Выданный предателями, юный герой Александр Чекалин решил не сдаваться живым, а уничтожить врагов и погибнуть. Однако брошенная им в окруживших его немцев граната не взорвалась. Озверевшие бандиты захватили его. Никакие пытки не сломили отважного партизана. На другой день на площади в городе Лихвине немцы казнили Чекалина. Перед казнью он обратился к собравшемуся немцам народу с замечательными словами: «Нас много—всех не перевешают. Победа будет за нами»—и запел «Интернационал». Озлобленные немцы повесили на тело героя доску с надписью: «Повешен как заядлый партизан, так будет с каждым»—и не разрешили хоронить его. Чекалин бесстрашно отдал за родину свою молодую жизнь. Навсегда сохранится память об этом юноше, показавшем врагу силу пламенного советского патриотизма, стойкость и душевную силу молодого поколения, новых людей, сталинских питомцев¹.

¹ Из выступления тов. Шкирятова при награждении тульских партизан. См. газ. «Коммунар» № 50 от 1 марта 1942 года.

Выданные предателями в Тарусе партизаны А. и Ш. решили бороться до конца. Их уже вели на расстрел. Но тов. А. с возгласом: «Большевики никогда не сдаются!» — бросился на сопровождавшего их офицера, а тов. Ш. — на солдата. В неравной борьбе двух смельчаков с хорошо вооружёнными фашистами тов. А. удалось убить офицера и уйти к своим, а тов. Ш. погиб.

Пленных партизан тт. Н. и С. немцы заставляли обслуживать обоз в качестве возчиков. Подложив заранее припрятанные мины под повозки, партизаны воспользовались замешательством немцев при взрыве и скрылись.

При самых, казалось бы, безвыходных обстоятельствах тульские партизаны сохраняли мужество, находчивость и присутствие духа.

Тульские партизаны активно помогали наступающим частям Красной Армии громить врага и отвоёвывать у него советскую территорию. В последних числах ноября, когда шли бои на территории Беломутовского лесничества, партизанский отряд Ленинского района зашёл в тыл немцам, вызвал панику и угнал 3 немецкие автомашины с боеприпасами, тем самым оказав помощь нашим наступающим частям.

20 декабря одна из групп партизанского отряда тов. Е. совместно с частями Красной Армии вела бои за станцию Васильевская и деревню Агеево. На следующий день партизаны этого же отряда, окружив село Болотское, вынудили бежать оттуда немецких автоматчиков. Поддерживая связь с наступающими красноармейскими частями, отряд тов. Е. затем освободил от немцев деревни Катиню, Ленинское, Скомнатово, Сидорово, Кошкино.

Когда красноармейские части вели наступление на село Руднево, Венёвского района, им активно помогала партизанская группа тов. К., минировав пути отступающего противника. Как только стали взрываться мины, немцы поняли, что отступление отрезано, и начали поспешно уничтожать свой транспорт.

В боях под Одоевом партизаны группы тов. Ц., по заданию штаба дивизии, минировали дорогу. Немцы не смогли вывезти транспорт — подоспевшие красноармейские части овладели городом и получили богатые трофеи.

Действуя вместе с Красной Армией, партизаны проникали в занятые врагом города и подготавливали там его разгром. В конце декабря, во время боёв за Калугу, партизаны группы тов. К. проникли в город, минировали некоторые улицы, уничтожили засевшего на чердаке фашистского автоматчика и забросали гранатами миномётную батарею, посеяв панику в рядах врага.

И в тех случаях, когда партизаны сражались вместе с частями Красной Армии, наша молодёжь также проявляла замечательный героизм. 19—20 декабря, в дни боёв за Крапивну, один фашистский офи-

цер вёл губительный пулемётный огонь по нашим наступающим бойцам. Юные патриоты Д. и З. выследили эту огневую точку врага и, взяв ранее припрятанные выстрелы, в упор расстреляли весь пулемётный расчёт. Забрав офицерскую сумку с документами и полковым фашистским знаменем, они доставили его нашим частям.

Во время наступления гвардейских частей генерала Белова на Сталиногорск 12 юных патриотов — рабочих одного из сталиногорских предприятий во главе с тт. С. и В. — совершили смелый налёт на расположенный в городе немецкий штаб. Немцы решили, что их обошли, бросили оружие, штабные документы, 17 машин с продовольствием и боеприпасами и поспешно отступили.

Партизаны не только непосредственно участвовали в боевых операциях, но также вели систематическую разведку, имевшую особенное значение для наступающих красноармейских частей. Добытые при этом ценные сведения значительно облегчали боевые действия наших частей. Подчас партизаны добывали сведения, когда это казалось почти невозможным. На Болховском участке фронта в течение месяца не было точных сведений о противнике. Партизаны под руководством комиссара отряда тов. К. подобрались к блиндажам противника и бесшумно захватили одного из троих немцев, направлявшихся в сторону расположения партизан. Пленный оказался офицером технических войск, и командование получило от него весьма ценные сведения.

Как бы трудны ни были задания, партизаны выполняли их с неизменным успехом, по несколько раз переходя через линию фронта. Так, беспартийный рабочий-оружейщик тов. Г. 4 раза ходил в тыл противника и всегда приносил ценные сведения. Комсомолец тов. В. ходил в тыл врага 3 раза, в короткий срок разведал до 30 населённых пунктов и добыл ряд сведений о воинских частях и штабах противника.

Представление о размерах и характере проделанной партизанами разведывательной работы дают следующие данные: установлено расположение 961 огневой точки противника, 698 мест скопления его войск, 398 расположений мотомехчастей и обозов, 215 местонахождений штабов. Эти цифры наглядно свидетельствуют о том, какую огромную помощь Красной Армии оказали партизаны-разведчики.

Исключительные успехи наших партизан в борьбе с немецкими захватчиками стали возможны прежде всего потому, что «партизанское движение народно, политически тесно связано со всеми трудящимися Советского Союза»¹.

Несмотря на угрозы и зверства немцев население постоянно поддерживало партизан, вместе с ними отстаивало родину и свободу, в случае надобности без колебаний жертвуя жизнью. 62-летнего колхозника

¹ М. И. Калинин «О партизанской борьбе». См. «Известия» от 16 мая 1942 года.

из села Лишняг, Серебрянопрудского района, Иванова немцы заставили показывать им дорогу в село Подхожее. Иванов завёл немцев в глухой лес, где их 30 автомашин завязли в глубоком овраге. Фашисты расстреляли Иванова, но выйти из леса не могли, и большая часть их заблудилась и замёрзла. Славный советский патриот повторил бессмертный подвиг Ивана Сусанина.

Многие советские граждане оказывали активную помощь партизанским отрядам. Так, колхозник Н., участвуя в действиях партизан в немецком тылу, захватил вражеского шпиона-сигнальщика. Сельская учительница М. снабжала партизан продовольствием и медикаментами, добывала для них сведения, скрывала у себя на квартире и делилась с ними последним куском. Жена красноармейца Е. также укрывала партизан в своём доме несмотря на неоднократные обыски.

Население активно помогало бойцам Красной Армии, попавшим во вражеское окружение, выбраться оттуда. Та же М. вывела из окружения до тысячи бойцов и командиров. Престарелый колхозник села Супруты, Крапивенского района, И. вывел из окружения до 300 человек. Однажды в середине ноября он один привёл в Тулу 35 человек, среди них 20 командиров-артиллеристов. В одном сельсовете действовал тимуровский отряд молодёжи во главе с председателем сельсовета комсомолкой С. Молодёжь снабжала бойцов одеждой и пищей, десятки километров провожала их по тылам до соединения с нашими войсками.

Партизаны при поддержке и сочувствии населения не только вели жестокую борьбу с захватчиками, но и выполняли огромную организующую работу, были представителями советской власти во временно захваченных районах. Можно без преувеличения сказать, что благодаря партизанам связь населения этих районов с великой родиной не прерывалась ни на минуту.

Партизаны непрерывно осведомляли население о том, что делается в нашей стране. В оккупированных районах партизаны распространяли до 20 тысяч советских листовок. «Вести с советской родины» и другие сообщения Советского Информбюро, воззвания к населению — все эти документы давали правдивое изложение событий, рассказывали о разгроме оккупантов под Ростовом, Тихвином, Москвой, вселяли надежду на близкое освобождение.

Некоторые отряды сами выпускали листовки к населению. В Одоевском районе распространялось воззвание партизан отряда тов. Е. Сообщая о победах наших войск, партизаны писали: «Уничтожайте врага, где бы он ни появлялся, не давайте врагу грабить народное достояние, бейте, колите, жгите фашистов и их приспешников».

В некоторых районах партизаны, среди которых было немало коммунистов, вели большую пропагандистскую работу среди

населения. В деревне Кондоуровка, Узловского района, партизаны показали крестьянам, как прятать от немцев своё и колхозное имущество; в деревне Торбеевка читали листовки о разгроме немцев под Ростовом; в деревне Россошь провели беседу о речи товарища Сталина 7 ноября 1941 года. Историческая речь великого вождя вдохновила массы на дальнейшую борьбу с лютым врагом, внушила уверенность в нашей победе.

Действуя как представители советской власти, партизаны бережно охраняли нашу социалистическую и колхозную собственность. Своими внезапными налётами они не раз предотвращали поджог сёл и деревень отступающими фашистами, отбивали у них обоз и скот, возвращали населению награбленное фашистами имущество.

Трогательны были встречи партизан с жителями освобождённых сёл и деревень. «Нас тащили в дома и чем только могли угощали; старушки плакали и целовали бойцов, их одежду, благодарили за освобождение, рассказывали, как их грабили немцы при отступлении, не стеснялись брать даже спички и детские игрушки», — рассказывает в своём дневнике командир партизанского отряда тов. Е.

При содействии населения партизаны уничтожали предателей и пособников фашистов, восстанавливали работу сельских советов, правлений колхозов, охраняли революционный порядок и вели разъяснительную работу.

Тульские партизаны боролись против врага не только в пределах своей области; они оказывали братскую помощь и трудящимся соседних областей. Партизанский отряд тов. Т. успешно действовал в Козельском районе, Смоленской области, отряд тов. П. «За родину» — в Хвостовическом районе, Орловской области.

Враги жестоко мстили мирному населению, подозревая всех в помощи партизанам. Рассчитывая запугать население, немцы творили неистовые зверства. Председателя колхоза Морозова (деревня Протасово, Дубенского района) после жестоких пыток закопали до половины живым в землю. В городе Одоеве неизвестного мужчину повесили на крючок за подбородок и обрели на мучительную смерть. В деревне Лужное, Дубенского района, в сёлах Сулаково, Щёкинского района, Прудное, Тульского района, и многих других немцы сгоняли в сарай десятки мужчин, а затем сжигали. В Черепетском районе была расстреляны 30 работников лесничества.

Всё это не запугало наших советских людей, напротив — только усилило их ненависть, только укрепило в сознании масс необходимость, не считаясь ни с какими жертвами, бороться до конца, до полного уничтожения фашистских бандитов.

Говоря в целом о партизанском движении в Тульской области, можно с полным основанием применить к партизанам суворовские слова: «Врага бьют не числом, а умением». Действуя небольшими группами, постоянно меняя своё местопребывание, тульские партизаны беспрестанно изматывали врага, не давая ему ни минуты покоя. Обычно партизаны действовали внезапным налётом, преимущественно ночью, и проявляли необычайную смелость и находчивость. Партизан-разведчик Р., пробравшись в расположение противника, включил провод в линию связи немецкого штаба. Планы врага стали известны, и наши части успешно провели важную боевую операцию.

В Дубенском районе партизанский отряд взорвал 4 немецких танка; около Ясной Поляны были сожжены партизанами 3 танка. В конце ноября партизан Д. с товарищами уничтожил приземлившийся пикирующей немецкой бомбардировщик.

Действия тульских партизан сыграли важную роль в общем ходе боёв на тульском участке фронта. За всё время боевых действий тульские партизаны истребили 1600 фашистов, среди них 100 офицеров, пустили под откос 2 военных эшелона, уничтожили 1 самолёт, 15 танков, 150 автомашин с горючим, боеприпасами и пехотой, 100 повозок, 45 мотоциклов, 6 орудий, 19 пулемётов, 18 километров телеграфного кабеля и др. Захвачено 3 паровоза и 350 вагонов с многочисленными трофеями.

Успешная деятельность тульских партизан помогала Красной Армии громить врага на тульском направлении и получала высокую оценку военного командования. В приказе по войскам Н-ской армии 19 декабря 1941 г. её командующий генерал-лейтенант Болдин объявлял: «В борьбе с фашистскими захватчиками на территории Тульской области партизанскими отрядами

и диверсионными группами проделана огромная работа, облегчившая частям Красной Армии выполнение задач по разгрому фашистских варваров, прорвавшихся к Туле и пытавшихся создать угрозу красной столице — Москве».

В одной из передовых «Правда» писала: «Большую активность проявили тульские партизаны в борьбе с оккупантами под Тулой. Они помогали частям Красной Армии отстоять Тулу и отбросить врага от города — кузницы советского оружия».

О боевых действиях тульских партизан не раз сообщало Советское Информбюро.

Успехи тульских партизан в борьбе против немецких захватчиков дали основание Тульскому комитету обороны 28 января 1942 г. написать товарищу Сталину: «За успешное выполнение боевых заданий и проявленные при этом героизм и отвагу просим Вас, товарищ Сталин, войти с ходатайством в правительство о представлении партизан и разведчиков Тульской области к правительственным наградам — орденам и медалям Союза ССР».

По представлению товарища Сталина 4 февраля 1942 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном присвоении Чекалину звания Героя Советского Союза и награждении орденами и медалями тульских партизан, проявивших особую доблесть и мужество в борьбе против немецких захватчиков. Высокие награды правительства получали 59 партизан.

Тов. М. от лица всех награждённых тульских партизан заверил партию и правительство, что они будут «держатъ своё оружие в полной боевой готовности и при первой же необходимости снова неудержимой лавиной обрушатся на врага».

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАНТОВ В 1918 ГОДУ

С. Сутоцкий

Первым врагом, нападшим извне на молодую Советскую республику, был германский империализм. 18 февраля 1918 г. кайзеровская Германия бросила свои вооружённые полчища в наступление на Советскую страну. Враг устремился на Украину и в Белоруссию, рвался к Петрограду. Немцам удалось захватить значительную часть нашей территории, подойти к Нарве и Пскову.

Советское правительство и большевистская партия объявили социалистическое отечество в опасности. В те грозные дни вся работа советской печати была подчинена одной задаче — организовать отпор немецким оккупантам. Газеты, листовки и плакаты звали советский народ к разгрому врага, посягнувшего на завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

22(9) февраля 1918 г. со страниц «Правды» прозвучал горячий призыв к питерским пролетариям и революционным солдатам: «Рабочие и солдаты! Разбойному набегу немецких белогвардейцев двинем навстречу революционные отряды рабочей и крестьянской Красной Армии! Рабочие Петрограда, солдаты! Передовые борцы, поднимайтесь на защиту революционной столицы... К оружию!»

На первой странице «Правда» поместила декрет-воззвание Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности», автором которого был В. И. Ленин. «Германский милитаризм, — говорилось в воззвании, — хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. Социалистическая Республика Советов находится в величайшей опасности... Священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита Республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии»¹.

Непоколебимой верой в победу звучат заключительные слова ленинского воззвания, ставшие лозунгом момента: «Социалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое отечество!»

На призыв партии и правительства откликнулись миллионы. Страна готовилась к отпору. Усиленно формировались части Красной Армии. Вооружённые отряды рабочих уходили на фронт. «К оружию, товарищи!» — этот лозунг не сходил со страниц советской печати. Газеты публикуют статьи Ленина и Сталина, призывающие советский народ подняться на отечественную войну против иноземных захватчиков,

со всей серьёзностью отнестись к задачам обороны страны.

«Было бы величайшей наивностью, даже преступлением легкомысленное отношение к данной, настоящей, упорной, кровавой войне, — писал Владимир Ильич в статье «На деловую почву», опубликованной 1 марта 1918 г. в «Правде». — Войну надо вести по-настоящему, или её совсем не вести. Середины тут быть не может. Раз нам германские империалисты её навязывают, наша священная обязанность трезво оценить наше положение, учесть силы, проверить хозяйственный механизм. Всё это должно делаться со скоростью военного времени, ибо всякое промедление в нашем теперешнем положении поистине «смерти подобно». Ганнибал у ворот, — об этом мы не должны забывать ни на минуту»².

Каждое слово этой ленинской статьи звучит как военный приказ. Предельно сжатая, она даёт точные директивы, отвечает на все основные вопросы о том, как перестроить хозяйственный механизм Советской страны на военный лад.

14 марта 1918 г. «Известия» опубликовали статью товарища Сталина «Украинский узел». Анализируя события того периода — отказ германских властей вести мирные переговоры с правительством Украинской советской республики и наступление немецких войск, — товарищ Сталин показал в этой статье, что «австро-германское нашествие имеет своей целью не только получение хлеба, но и, главным образом, — свержение советской власти на Украине и восстановление старого буржуазного режима». Немцы, писал товарищ Сталин, «не только хотят выкачать из Украины миллионы пудов хлеба, но пытаются ещё обесправить украинских рабочих и крестьян, отобрав у них кровью добытую власть и передав её помещикам и капиталистам. Империалисты Австрии и Германии несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского, — таков смысл нашествия с Запада»³.

Особое значение этой статьи товарища Сталина состояло в том, что она привлекала внимание советского народа к решающему тогда фронту борьбы с немецкими захватчиками — Украине, где завязывался «основной узел всей международной современности, — узел рабочей революции, начатой в России, и империалистской контрреволюции, идущей с Запада»⁴.

¹ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 304.

² И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 40. Партиздат ЦК КП(б)У, 1936.

³ Там же, стр. 41.

⁴ См. В. И. Ленин «Из эпохи гражданской войны», стр. 29—30. Партиздат. М. 1934.

Советская печать — «Правда», «Известия ВЦИК», петроградская «Красная газета», киевский «Коммунист», екатеринославская «Звезда», «Донецкий пролетарий», «Уральский рабочий» и многие другие газеты — широко пропагандировала в массах указания Ленина и Сталина, звала на всенародную отечественную войну, против германских захватчиков.

В связи с опубликованием ленинского воззвания газета «Уральский рабочий» обращалась ко всем трудящимся-уральцам: «Станьте солдатами рабоче-крестьянской революции, готовыми умереть по первому её зову! Немедленно за дело! Наша, рабоче-крестьянская армия должна стать народной армией и весь вооружённый народ должен встать на защиту своих прав и интересов... Отступления быть не может, отступления нет. Вперед! — беспощадная борьба и победа или смерть»¹.

Московский «Социал-демократ» призвал трудящихся Москвы «сплотиться вокруг Советской власти для отпора врагам внешним и внутренним, для организации вооружённой силы, способной этот отпор дать»². «К оружию, товарищи! — звала газета. — Все на фронт, все на борьбу с захватчиками!»

В эти дни во всей советской прессе были напечатаны резолюции и воззвания многочисленных собраний и митингов, где обсуждалось, как организовать отпор немецким полчищам. Не только население районов, которым непосредственно угрожала опасность германской оккупации, но вся страна — весь советский народ выражал готовность встать на защиту родины и до последней капли крови сражаться с врагом.

«Известия Пермского губисполкома Советов» в номере от 6 марта (21 февраля) 1918 г. опубликовали резолюцию многолюдного митинга, состоявшегося в Перми: «Империалистическая клика с кастовым офицерством и обнаглевшими юнкерами Германии подняла свой продажный меч на русскую революцию, хочет её задушить... Мы, граждане г. Перми, собравшиеся сегодня на митинг, перед лицом всего мира заявляем этим насильникам и их продажным наймитам, что мы встанем под великое знамя Красной Армии и умрём, если понадобится».

С первых дней борьбы советского народа против немецких оккупантов Ленин и Сталин указывали, что успех в этой борьбе может быть достигнут только при условии, если мы создадим регулярную Красную Армию, крепкий, организованный тыл.

На этих задачах сосредоточила тогда внимание и советская печать.

Обращаясь к рабочим, к трудовой бедноте города и деревни, «Правда» писала:

¹ «Уральский рабочий» № 31 от 24 (11) февраля 1918 года.

² «Социал-демократ» № 32 от 24 (11) февраля 1918 года.

«Только создав крепкую Красную Армию вы удержите свою победу... Вступайте в Красную Армию — в армию народной революции»³. Из номера в номер в «Правде» и других газетах печатались статьи и заметки о ходе формирования Красной Армии, распоряжения военных властей, оперативные сводки «На фронте социалистической обороны». Центральные и местные организации в феврале — марте 1918 г. выпустили большое количество массовых агитационных изданий — листовок, брошюр, плакатов — о создании Красной Армии. По далеко не полным данным, тираж этих изданий только в центре за полтора месяца достиг 2,5 млн. экземпляров.

Следует особо отметить, что в этот период вышло большое количество изданий на национальных языках. Под руководством Народного комиссариата по делам национальностей, во главе которого стоял товарищ Сталин, было издано множество листовок на белорусском, эстонском, украинском, литовском, латышском, татарском, башкирском, польском, еврейском и других языках. Эти листовки-воззвания разъясняли народам очередные задачи, призывали стать на защиту социалистического отечества, вступать в ряды Красной Армии.

Большое значение имели первые военные газеты — «Солдатская правда» и «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», впоследствии выходящая под названием «Красная Армия».

Оценивая состояние первых отрядов советских войск, сформированных в дни германского наступления, Ленин писал: «Красная Армия — безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный. Для того, чтобы её сделать пушечным мясом для германских орудий, её необходимо обучить, дисциплинировать»⁴.

Это указание Владимира Ильича стало определяющим для газеты «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот». Эта военная газета воспитывала в советских воинах глубокую преданность родине, помогала повышению политической сознательности, укрепляла строжайшую воинскую дисциплину. Газета показывала, какими качествами должен обладать тот, кто носит высокое звание бойца Красной Армии. Так, в газете «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» была напечатана священная клятва защитников социалистического отечества — обязательство петроградских красноармейцев. «Вступая в семью Рабоче-Крестьянской Красной Армии добровольно и сознательно, — говорится в этом замечательном документе, проникнутом подлинным пафосом и патриотизмом. — принимаю на себя долю тяжкой и святой борьбы угнетённого и обездоленного наро-

³ «Правда» от 1 марта 1918 года.

⁴ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 305.

да, даю обещание перед братьями по оружию, перед всем трудящимся народом и перед революционной совестью своей — достойно, без измены, без страха и колебаний бороться за великое дело, которому отдала свою жизнь лучшие дети рабочей и крестьянской семьи, за дело победы Советской власти и торжества социализма. Обязуюсь... точно, без отступлений исполнять все обязанности красноармейца. Ясно сознаю, что получивший оружие из рук народной власти берёт на себя великие обязанности и несёт огромную ответственность. Ясно сознаю и твёрдо помню, что не исполнивший своих обязанностей член РККА карается суровым судом революционной власти и навсегда изгоняется из среды вооружённых защитников рабочей революции»¹.

Кроме центральных красноармейских газет во время борьбы против германских интервентов стали выходить военные газеты во многих советских республиках и военных округах, фронтовые газеты («Красная Армия» — на Украине, «Московская газета Красной Армии», «Вестник 1 революционной армии Западного фронта» и др.), а также газеты отдельных воинских частей и соединений. Выходили также красноармейские газеты на национальных языках.

Красноармейская печать росла и закалялась в боях вместе с Красной Армией. Она была деятельной участницей первой отечественной войны советских народов против германских империалистов, вела к борьбе, учила побеждать. Один из организаторов и руководителей вооружённых сил Советской страны, М. В. Фрунзе, отмечал впоследствии, что «важное место в строительстве нашей армии всё время занимала и теперь занимает красноармейская печать»².

В первые дни борьбы с немецкими захватчиками Ленин писал в «Правде»: «Для ведения войны по-настоящему необходимым крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены»³.

Печать понесла в массы этот ленинский призыв: укрепить тыл, обеспечить Красную Армию всем необходимым, увеличить выпуск продукции для фронта, дать больше хлеба, продуктов питания, обмундирования и снаряжения, наладить работу транспорта, неустанно готовить для армии боевые резервы. Газеты и многочисленные листовки разъясняли, что разгром врага равно зависит от беззаветной борьбы на фронтах и от самоотверженной работы в тылу: на

фабриках и заводах, в шахтах, на транспорте, в сельском хозяйстве.

«Все в ряды Красной Армии, все на защиту революции, — писала газета Уральского областного совета. — Те же, кто остаётся у станков, увеличьте производительность своего труда!»⁴.

«Донецкий пролетарий» обращал внимание на необходимость мобилизовать «силы на планомерную организацию продовольствия, на улучшение транспорта». Эта же газета обращалась к крестьянам: «Крестьяне должны понять, что каждый посланный ими лишний фунт хлеба увеличит возможность сильного противодействия наступающему неприятелю, усилит шансы нашей победы»⁵.

В начале марта 1918 г. Ленин указал в цитированной нами выше статье, что самая важная задача тыла — обеспечить армию вооружением и боеприпасами. «Всё оружие и снаряды, — писал Ленин, — должны быть взяты под учёт, должно быть немедленно возобновлено производство нового оружия и снарядов»⁶.

Местная печать в тылу, особенно в основных промышленных центрах, пропагандировала указания Ленина, вела большую массовую работу. Результаты не замедлили сказаться. Через несколько дней после появления цитируемой нами статьи Владимира Ильича «Уральский рабочий» напечатал один из первых откликов — телеграмму общего собрания рабочих завода Мотовилихи Совнаркому. «Революционная Мотовилиха последними известиями поставлена на ноги, — говорилось в этой телеграмме. — На заводе будут спешно возобновлены работы по окончанию начатых орудий и снарядов»⁷.

Подобных примеров, свидетельствующих о значении печати как важнейшего средства связи партии с массами, можно привести множество. И на фронте и в тылу печать играла роль боевого агитатора, пропагандиста и организатора, мобилизующего советский народ на разгром германских интервентов.

Оценивая роль большевистской печати в период гражданской войны, товарищ Сталин указывал, что без посредства печати партия не могла бы привести в движение десятки и сотни тысяч трудящихся масс, т. е. сделать то, что в конечном итоге обеспечило нашу победу. «Гражданская война в разгаре, — писал товарищ Сталин, — партия отбивается от врагов, одерживая ряд блестящих успехов, партия призывает через печать рабочих и крестьян отстоять социалистическое отечество, десятки, сотни тысяч трудящихся масс откликаются на

⁴ «Известия Уральского областного совета» № 30 от 2 марта (17 февраля) 1918 года.

⁵ «Донецкий пролетарий» № 88 от 6 марта и № 98 от 20 марта 1918 года.

⁶ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 305.

⁷ «Уральский рабочий» № 38 (135) от 5 марта (20 февраля) 1918 года.

¹ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 50 от 31(18) марта 1918 года.

² М. Фрунзе. Соч. Т. III, стр. 156. Госиздат. М. — Л. 1927.

³ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 304.

зов партии сотнями резолюций и идут на фронт, не щадя своей жизни»¹.

В данном случае товарищ Сталин имел в виду более поздний период гражданской войны, однако и в памятные месяцы 1918 г. партия при посредстве печати приводила в движение десятки и сотни тысяч трудящихся масс, поднимала их на борьбу, указывала им путь к достижению победы.

Уже в первые дни своего наступления немцы испытали на себе силу и мощь советского народа, его молодой армии. Знаменитые бои на петроградском направлении под Псковом и Нарвой сбили с немцев былую спесь, заставили их серьезно усомниться в возможности «одним ударом» покончить с Советской страной. Но, остановленные под Петроградом, немцы не прекратили войны и несмотря на заключение мирного договора между Германией и Советской Россией тайно и явно стремились изолировать, ослабить и погубить Советскую страну. Войска германского империализма вторглись на Украину и в Белоруссию, немцы хозяйничали на Псковщине и в Прибалтике, в Закавказье и в Крыму.

«Правда», «Известия ВЦИК» и другие центральные газеты систематически освещали положение в оккупированных немцами советских областях, борьбу народа против германских захватчиков.

Через немецкие кордоны обращалась советская печать к трудящимся оккупированных областей, к отважным партизанам Украины и Белоруссии, к латвийским стрелкам и морякам-черноморцам, самоотверженно сражавшимся в тылу врага — на крымской земле. Каждое проявление освободительной борьбы в оккупированных областях находило живой отклик на страницах центральной советской печати. Когда на Украине вспыхнула массовая забастовка железнодорожников (июль 1918 г.), «Известия ВЦИК» приветствовали братьев-украинцев и заверяли их, что все трудящиеся Советской страны готовы поддержать их борьбу. «С затаённым дыханием следим мы за вашей борьбой, — говорилось в этом обращении. — Пусть ошестивались германские штыки, пусть Лизогубы и Скоропадские вытаскивают из архива истории заплесневелые царские законы — помните, товарищи, что весь российский пролетариат душой и телом с вами»².

Печать укрепляла узы братства и солидарности советского народа, создавала одну из важнейших предпосылок успешной борьбы и достижения победы. Газеты выступили организаторами помощи населению оккупированных областей, борющемуся с своими угнетателями.

7 августа 1918 г. «Петроградская правда» опубликовала воззвание ко всем рабочим Петрограда «Поддерживайте украин-

ских борцов» В воззвании рассказывалось о героической и успешной борьбе украинских железнодорожников против германских захватчиков, об их стойкости и решимости добиться победы. «На Украине всё задумано, всё затоптано сапогом германской военщины, — писала газета. — Но и в подполье под градом преследований делают своё революционное дело наши украинские братья. У них нет денег, у них не хватает средств для поддержки бастующих. Кто должен, кто должен прийти им на помощь? Мы, их братья по борьбе, — российский пролетариат, и в первую очередь передовой отряд рабочих России — революционный пролетариат Петрограда.. Дело украинских рабочих есть наше кровное дело. Их победа будет нашей победой, их поражение — нашим поражением. На помощь пролетариям Украины! Несите свои гроши на общее дело, рабочие Питера!.. Да здравствует красная Украина!»³.

Работа советской печати не прошла бесследно: братская поддержка и материальная помощь всех трудящихся Советской страны помогли народам оккупированных областей усилить борьбу с врагом, подготовить почву для окончательного разгрома и изгнания захватчиков.

Когда на Украине был получен номер «Известий ВЦИК» с воззванием Всероссийского центрального совета профессиональных союзов к рабочим России о помощи бастующим украинским железнодорожникам, одесский центральный стачечный комитет выпустил листовку-бюллетень, где говорилось: «Этот призыв наших российских братьев должен наполнить наши сердца великой радостью и придать нам новые силы для продолжения нашей тяжёлой борьбы... Нашим ответом на эту братскую помощь должно быть усиление нашей стойкости, укрепление наших позиций для борьбы»⁴.

Ворвавшись на советскую территорию, германские оккупанты начали устанавливать здесь свой «порядок» — режим насилия и грабежей, безудержных преследований советских людей. На своих штыках, как указывал товарищ Сталин, германские империалисты принесли в захваченные советские районы и области новое позорное иго.

Всех советских граждан — не только тех, кто читал и распространял советские газеты, но даже тех, у кого они оказывались дома, — немцы рассматривали как «неблагонадёжных», как «большевиков» и подвергали строгой каре. По сообщению петроградской «Красной газеты» от 11 июля 1918 г., когда немцы заняли несколько де-

¹ Цит. по сборнику «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году», стр. 166. Госполитиздат. 1942.

² «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году», стр. 167.

³ Сборник «Большевистская печать», стр. 263. М. 1940.

⁴ «Известия» от 24 июля 1918 года.

ревень в Гдовском уезде на Псковщине, преследованиям подвергались в равной мере и «крестьяне, имевшие отношение к партии большевиков, и те, у кого находили большевистские газеты»¹.

Такое же положение установилось на Украине, в Белоруссии — везде, где хозяйничали германские хищники. Немцы милостиво даровали «свободу печати» только буржуазным, монархически-черносотенным газетам, но и эти последние не избежали невиданно жестокой цензуры.

Как притеснял германский цензор даже такую, огнюдь не большевистскую печать, видно хотя бы из того, что в мае 1918 г. издатели выходивших в оккупированной Одессе буржуазных газет пытались официально протестовать против «непрекращающихся гонений на печать».

Одним из главных мероприятий германских властей, относившихся к печати, было насаждение своей собственной прессы, создание немецких газет для украинцев, белоруссов, эстонцев и т. д. Немцы рассчитывали таким путём широко развернуть пропаганду и укрепить своё влияние на захваченных территориях. Это, однако, не дало желаемых результатов: немецкая пропаганда не нашла для себя благоприятной почвы, немецкие газеты не читались. Оккупационные власти на Украине вынуждены были признать, что «вести разъяснительную (!) пропаганду в этой стране самой невероятной фантастики было бы, конечно, хорошо, но практически влияние этой пропаганды распространяется очень медленно»².

Подобные признания исходили из уст оккупантов и в Белоруссии, и в Прибалтике, и в Крыму. Телефонграмма штаба армии Эйхгорна односторонне освещает положение вещей. Она констатирует только тот факт, что германская пропаганда не пользуется никаким успехом. При этом Эйхгорн, по понятным причинам, ни словом не упоминает о широком размахе, который получила в оккупированных областях советская пропаганда, и о том колоссальном влиянии, какое оказывала она на население. Именно этого влияния больше всего боялись германские оккупанты, против его распространения боролись и потерпели полное поражение.

Несмотря на преследования и зверский террор работа партийных и советских организаций в тылу врага не прекращалась ни на один день. В областях и районах Укра-

ины, Белоруссии, Прибалтики, оккупированных немецкими захватчиками, велась широкая агитация среди местного населения. Повсеместно организовывались большевистские военно-революционные комитеты, руководившие вооружённой борьбой трудящихся. В большом количестве выпускались и распространялись подпольные советские газеты и листовки, призывавшие население не подчиняться распоряжениям оккупационных властей, создавать партизанские отряды, активно бороться за восстановление советской власти.

Немцы заняли территорию Прибалтики раньше чем другие области; ещё в августе 1917 года Временное правительство Керенского сдало немцам Ригу, а вскоре германские оккупанты захватили власть во всей Прибалтике. Организации коммунистической партии вынуждены были уйти в подполье. В этих условиях чрезвычайно важно было, чтобы печатная пропаганда получила широкое распространение, чтобы печать помогала установить постоянную связь с массами и руководить ими.

Немедленно же после германской оккупации латвийская коммунистическая партия приступила к изданию подпольной газеты «Спартак» и к выпуску массовых листовок. В Ревеле (Эстония) стала выходить газета «Коммунист».

Партийные организации откликались на все важнейшие события изданием соответствующих печатных материалов. Так, в конце 1917 — начале 1918 г., когда германские империалисты в переговорах с Советской республикой заявляли, будто бы население Латвии желает отделиться от России и стать под «защиту» Германии, ЦК латвийской компартии обратился к латвийскому народу с воззваниями: «Вас продают!» и «Долой аннексию!» Несмотря на то, что, по законам, установленным оккупантами в Прибалтике, хранение коммунистических листовок каралось долголетней каторгой, воззвания ЦК компартии были широко распространены и имели большой успех среди населения. Вскоре было выпущено новое воззвание — «Все на улицу!» — с призывом принять участие в демонстрации протеста против «самоопределения» Латвии. Демонстрация назначалась на 6 января 1918 года. Немцы решили сорвать её. В ночь на 6 января в Риге были проведены массовые аресты; с утра 6 января все главные улицы и мосты были заняты частями оккупационных войск, вооружёнными пулемётами. Никого не пропускали к месту сбора демонстрации. Однако призыв большевистской листовки оказался сильнее, чем угрозы оккупантов. Демонстрация состоялась. Как отмечал впоследствии председатель латвийской компартии на конференции коммунистических организаций оккупированных областей (октябрь 1918 г.), «с самого утра (6 января. — С. С.) всё беднейшее население (Рига. — С. С.) было на улице. В воззвании было сказано, что тот, кто останется в этот день дома, согрешит против рабочего класса и будущих поколений. И дей-

¹ Сборник «Крах германской оккупации на Псковщине», стр. 205. Изд-во Ленинградского Совета РК и КД. Л. 1939.

² «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году», стр. 82. Телефонграмма из штаба армии Эйхгорна главнокомандующему восточного фронта.

ствительно, весь трудовой народ был на улице. Дома не осталась даже старухи»¹.

Несмотря на грозившее длительное тюремное заключение, даже смертную казнь, десятки и сотни людей, коммунистов и беспартийных, представители рабочих и интеллигенции, самоотверженно распространяли издания коммунистической печати. Рижане долго вспоминали потом учительницу Юлию Датэ. Она распространяла коммунистические листовки и была поймана оккупационными властями. На военном суде Юлия Датэ мужественно заявила, что распространяла листовки потому, что «ненавидит империалистов и считает своим долгом бороться против них и призывать к борьбе против них других». Немцы расстреляли Юлию Датэ, предварительно подвергнув её мучительным истязаниям. Погибли и многие другие товарищи, посвятившие себя делу подпольной коммунистической печати. Но вопреки всем ухищрениям оккупационных властей, пропаганда латвийской партийной организации не прекращалась. Подпольная типография «Спартак» была неуловима. «Правда» писала по этому поводу: в Риге «работает подпольная типография. Уже десятый месяц! И это в той Риге, где властвуют «всесильные» немецкие империалисты... Вот почему рижская охранка так страшно озверела к «Спартак» и его типографии»².

Не меньше неприятностей причиняла подпольная печать германским оккупантам в Эстонии. В период, непосредственно предшествовавший окончательному разгрому и изгнанию немцев из Прибалтики, эстонские подпольные организации значительно усилили печатную пропаганду. Оккупационные власти неистовствовали. В начале ноября 1918 г. во всех ревельских газетах появилось следующее распоряжение охваченного страхом командующего германской оккупационной армией генерал-лейтенанта Закендорфа: «В ночь с 14-го на 15-е октября по улицам расклеены были прокламации с надписью «Комитет Эстонской коммунистической партии (большев.) в Ревеле», в которых говорится, что скоро возвратится большевистское правительство, что тогда начнётся кровавый бой со всеми немцами... Войсковые части подавят с бессердечной строгостью всякую попытку непослушания. Хорошо поступит каждый ревельский гражданин, который примет участие в розыске распространителей прокламаций»³.

Призыв Закендорфа, как все такие призывы германских заправил, остался гласом вопиющего в пустыне: угроза не подействовала, предателей не нашлось.

Особенно широко распространена была в период германской оккупации печатная

пропаганда подпольных советских и партийных организаций на Украине.

Мирная делегация украинского советского правительства, когда выяснилась реальная угроза германской оккупации, подчеркнул ещё в радиোগрамме от 3 марта 1918 г., что необходимо развернуть печатную пропаганду среди населения Украины. «Германия хочет забрать наш хлеб, все наши богатства и политически закабалить Украину,— говорилось в радиোগрамме.— Единственное спасение страны — обороняться всеми силами и средствами до последней капли крови». Мирная делегация предлагала украинским организациям: «Издайте миллионы листовок, разъясняющих крестьянам разбойничьи замыслы австро-германских империалистов»⁴.

Осуществлять эту задачу стали немедленно. Десятки и сотни различных листовок-воззваний, выпущенных в массовых тиражах, призывали украинский народ к вооружённой борьбе против германских оккупантов. Тогда же приступили к выпуску подпольных газет и наладили распространение центральной советской и партийной печати на Украине. Эта работа несмотря на невероятные трудности развёртывалась всё шире. Оккупационные власти с нескрываемым страхом отмечали многочисленные факты распространения советской печати среди населения оккупированных городов и деревень.

«В железнодорожные мастерские доставляются в значительном количестве номера большевистской «Правды»,— телеграфировал 7 июля 1918 г. конотопский уездный староста департаменту полиции»⁵.

Черниговский губернский староста, не без оснований связывавший появление подпольных воззваний с тем, что усилилась ненависть населения к немцам, телеграфировал непосредственно министру внутренних дел: «Настроение населения в уездах: Козелецком, Гомельском, Путивльском поднятое. В Конотопском — враждебное отношение к властям. В городе Конотопе и Конотопском уезде расклеены прокламации большевистского направления с призывами к вооружённому восстанию против Украины и немцев»⁶.

Прокурор киевской судебной палаты, расследовавший дело о вооружённом восстании крестьян в Сквирском уезде, в своём донесении обращал внимание на то, что в центре восстания — местечке Брусилове — «приказный Баранов нашёл на улице отпечатанную на гектографе прокламацию на украинском языке от имени военно-революционного комитета Сквирского и Радомысльского уездов с призывом к работникам и крестьянам стать в ряды повстанцев для свержения власти помещиков во главе с

¹ «Жизнь национальностей» № 1 от 9 ноября 1918 года.

² «Правда» от 16 июля 1918 года.

³ Материалы редакции Истории гражданской войны, ф. IV. т. II.

⁴ «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году», стр. 31.

⁵ Там же, стр. 157.

⁶ Там же, стр. 152.

«паном Гетманом, генералом Скоропадским» и власти немецких войск и для установления «Работничої-Селянської Соцітської України»¹.

Германские оккупанты не могли утять, что советская печать пользуется исключительной популярностью среди населения оккупированных районов, что рабочие и крестьяне осуществляют указания партии и правительства, обращённые к ним через советские газеты и листовки. Обеспокоенные растущим народным движением против оккупантов и внутренней контрреволюции, непрерывающимися актами саботажа и диверсий, германские и гетманские власти понимали, что всё это в значительной мере является результатом действия советской печатной пропаганды.

В этой связи представляет интерес секретная телеграмма австро-венгерского посла в Киеве графа Форгаха министерству иностранных дел в Вене о восстаниях на Украине (июнь 1918 г.). В этой телеграмме говорится о том, что население оккупированного Киева слышит голос родной советской печати и отвечает действием, на призыв к борьбе с немецкими захватчиками. «В Киеве, — телеграфировал Форгах, — была найдена прокламация Всеукраинского революционного комитета, дающая подробные распоряжения относительно актов саботажа на железных дорогах, нападения на германских и наших офицеров и организации связи революционных групп при помощи сигнальных ракет. Действительно, германские караульные посты в Киеве с некоторого времени начали доносить о загадочных сигнальных ракетах различных цветов, появляющихся по ночам. Много офицеров также было убито в железнодорожных вагонах. Акты саботажа на железных дорогах и взрывы мостов так же, как и нарушения движения, имели место на нескольких линиях. На железных дорогах было задержано много лиц с ручными гранатами»².

Кроме газет и листовок для населения оккупированных районов советские и партийные организации выпускали большое количество литературы, предназначавшейся для распространения среди германских оккупационных войск. На Украине и в Белоруссии издавались листовки на немецком, венгерском, румынском и других иностранных языках. ЦК КП(б) Украины выпустил летом 1918 г. на иностранных языках массовыми тиражами (до 100 тыс. экз.) листовки: «К солдатам германской и австро-венгерской армии», «Условия мира, предлагаемые рабочими и крестьянами Украины солдатам германской и австрогерманской армий» и др.

Большую работу в области печатной пропаганды среди германских и австро-венгерских войск проводили в этот период также возникшие в начале 1918 г. революционные организации военнопленных. С апреля по ноябрь 1918 г. немецкая группа воен-

нопленных выпустила 64 номера газеты на немецком языке (тираж — от 7 до 38 тыс. экз.), 18 различных агитационных брошюр (общий тираж — 510 тыс. экз.) и свыше 100 тыс. листовок-воззваний. Все эти издания распространялись среди солдат оккупационных частей и даже проникали в Германию.

О влиянии большевистской печати на германские оккупационные войска свидетельствует такой факт: 12—13 сентября 1918 г. в оккупированном немцами Ревеле была объявлена всеобщая забастовка. Ревельская организация компартии обратилась к солдатам германских оккупационных войск со специальной листовкой, призывая примкнуть к демонстрации и поддержать бастующих рабочих. «Воззвание имело успех, — сообщала «Правда». — Большая часть (германских. — С. С.) солдат и матросов сочувствовала забастовщикам. У завода Ноблеснера германские солдаты устроили забастовщикам сочувственную демонстрацию, приветствуя рабочих возгласами: «Здорово, товарищи». Оккупационные власти растерялись»³.

Всё ярче разгоралось пламя всенародной отечественной освободительной войны на захваченных немцами советских территориях. На помощь народам оккупированных областей двинулась Красная Армия. В германских войсках начиналось разложение. «Непобедимая» армия Вильгельма трещала по всем швам. Начался период массового изгнания германских захватчиков и освобождения от немецкого гнёта Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Крыма. Широко задуманный кайзеровской империалистической Германией план оккупации Советской страны потерпел полнейший крах. Полностью оправдалось предвидение товарища Сталина: «обожравшийся империалистский зверь» сломал себе шею⁴.

Новый этап войны выдвинул новые задачи и перед печатью. Она суммировала теперь всё, что было сделано раньше, и от лозунга подготовки всенародного вооружённого восстания против германских оккупантов перешла к его непосредственному проведению: печать развязала силы, которые доныне таились в подполье. И сама печать как символ подъёма всенародного освободительного движения вышла из подполья, властно заявляя своё право на открытую борьбу с врагом.

Товарищ Сталин в своей статье «С Востока свет» писал: «Знаменитый манифест Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины отпечатан легально и расклеен на улицах Екатеринослава; «власти» оказались бессильными помешать такой «дерзости»⁵. Вскоре от этих «властей», бежавших без оглядки, осталось только мрачное воспоминание; вслед им неслись проклятия миллионов людей, издевавшихся

³ «Правда» от 29 сентября 1918 года.

⁴ См. И. Сталин. Статьи и речи об Украине, стр. 41. Партиздат ЦК КП(б)У, 1936.

⁵ «Правда» от 15 декабря 1918 года.

¹ «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 333.

² Там же, стр. 323.

всю глубину ужаса и мерзости германских «порядков».

Советская печать, сыгравшая исключительно большую роль в подготовке разгрома германских оккупантов в 1918 г., стала после изгнания интервентов организатором трудящихся масс Украины и Белоруссии, Прибалтики, Закавказья и Крыма в борьбе за осуществление новых задач, поставленных партией и правительством.

Особая роль принадлежала созданной по инициативе товарища Сталина газете «Жизнь национальностей», начавшей выходить в ноябре 1918 года. На её страницах впервые появились сталинские статьи: «Средостение», «Украина освобождается»,

«С Востока свет», «Дела идут», посвящённые разгрому германских оккупантов и освобождению западных областей Советской страны.

Выросшая и окрепшая за 25 лет советская печать теперь снова деятельно участвует в борьбе с германским разбойничьим империализмом. В новых условиях, применяя новые формы и методы, она продолжает славные традиции печати 1918 г. и под руководством партии большевиков и великого Сталина ведёт народы нашей страны к полному разгрому немецко-фашистских захватчиков.

РАБОЧИЕ ЦАРИЦЫНА В ОБОРОНЕ СВОЕГО ГОРОДА В 1918 ГОДУ

В. Горбункова

Царицынский пролетариат в 1918 г. был одной из решающих сил в разгроме контрреволюционной армии генерала Краснова, которую субсидировали и снабжали немцы. Под водительством великого Сталина и его боевого соратника Ворошилова царицынские рабочие вместе с частями молодой Красной Армии отстояли тогда Царицын. Царицынские рабочие горячо откликнулись на призыв партии большевиков и советского правительства защищать город и революцию; сила их примера увлекла за собой и трудящееся крестьянство и казачество. Их героизм в грозные дни 1918 г. заслужил всеобщее признание, любовь и уважение трудящихся Советского Союза.

«Мужество сталинградских рабочих и доволжской крестьянской бедноты. — писал в 1930 г. К. Е. Ворошилов, — на помощь которым пришли отряды донецких шахтёров и металлистов, превратило Сталинград в могучую революционную крепость»¹.

Защита Царицына отнюдь не была операцией местного значения: под Царицыном решалась судьба всей революции. Поэтому оборона Царицына в 1918 г. была делом всего советского народа. Сюда стекались вооружённые отряды со всей страны. Они во много раз умножали силы Красной Армии царицынского фронта, громившей врага на подступах к городу.

На помощь Царицыну шли московские и питерские рабочие, донецкие шахтёры и металлисты, рабочие котельняжковских железнодорожных мастерских, революционное крестьянство и казачество Дона. На по-

мощь спешили сформированные в сальских степях конные части Будённого, отряды Ставрополя и Северного Кавказа. Осенью 1918 г. на царицынский фронт прибыл 38-й Рогожско-Симоновский полк, сформированный из московских рабочих.

И всё же выдающаяся роль в слаженной обороне города принадлежит царицынскому пролетариату.

На защиту революции стали рабочие всех царицынских заводов и фабрик. Шли на фронт целыми заводскими коллективами. Рабочие создавали полки, отряды, взводы, отделения и вливались в красноармейские части. В Царицынский совет поступали многочисленные заявления от депутатов совета, от рабочих и работниц с просьбой послать на фронт.

В самые трудные дни первого окружения Царицына (в середине августа 1918 г.) на заседании совета рассматривалось заявление депутата совета от береговых рабочих — старой работницы-грузчицы тов. Савиновой. В своём заявлении она писала: «Так как я знакома с санитарным делом, то не могу быть равнодушной к страдальцу, борцу за свободу, и моё сердце рвётся туда, где льётся родная кровь и где Савинова вполне способна подать первую помощь истекающему кровью родному сыну, там на фронте... Послужила в тылу за интересы рабочих, — писала советская патриотка, — в данный момент считаю долгом послужить фронту»².

Совет исполнил просьбу тов. Савиновой, разрешил ей поехать на фронт.

¹ «Известия ЦИК» от 3 января 1930 года.

² Протокол Царицынского совета № 65, август 1918 года.

Рабочий Царицын охватило волнение: повсюду происходили митинги — на путях, среди вагонов, в казармах, на заводах выступали ораторы. — большевики, рабочие, красноармейцы. В их речах чувствовались несокрушимая сила и воля к борьбе и победе. «Победить или умереть» — решали рабочие на митингах, брали оружие и становились в ряды защитников города. Царицынская большевистская организация все силы бросила на заводы, чтобы возглавить патриотическое движение рабочих.

Из царицынских коммунистов ещё в начале августа был сформирован коммунистический батальон имени Совнаркома, числом около 900 бойцов; и когда красновцы подошли к станции Садовая, батальон был отправлен на фронт. К коммунистам присоединялись беспартийные рабочие, за ними шла горячая, отзывчивая рабочая молодёжь. «Союз рабочей молодёжи III Интернационала» целиком вошёл в коммунистический батальон и выступил на фронт.

Участники героической обороны так рассказывают об осаждённом городе, о городе-бое: «Над городом стелется низкий протяжный вой. Пароходные сирены, гудки лесопилок, хриплый бас Дюмо — всё слилось в один вопль, полный тоски, гнева и угрозы. От него холодеет сердце и бледнеют лица. Город ревет как раненое животное. Тревога! Тревога! Враг у ворот... К оружию!.. Волоча за собой длинный клубящийся шлейф пыли, катят переполненные грузовики, как ежи, ошестившиеся штыками. К вокзалу, поправляя на ходу винтовки и гремя походными котелками, вестропно, вразброд и торопливо шагают рабочие отряды. Чёрные, промасленные блузы, сумрачные лица в пятнах копоти и сажи... Металлисты от Дюмо. Тянутся обсыпанные древесной мукой пыльщики с заводов Бекетовки и Ельшанки. Валит посадская молодёжь...»

Около 10 тыс. бойцов выдвинул в помощь Красной Армии рабочий Царицын. Рабочие вместе с красноармейцами стойко сдерживали бешеный натиск войск Краснова на фронте.

«У нас под боком героически выдерживает многочисленные атаки казаков гереточка рабочих станций Бекетовка, — писала газета «Ворьба». — Ни свист пуль, ни злобный визг шрапнели, ни гиканье наездников на них не производят ровно никакого действия. Смело залегли, многие первый раз в своей жизни, враскорю вырытые окопы и стойко отражают набег врага»¹.

Воинские части, сформированные из рабочих, показали на фронте высокую боевую выучку, дисциплинированность, самоотверженность и героизм. Они были надёжным ядром Красной Армии, наиболее устойчивой и боеспособной её частью. При распределении боевых участков командование посылало рабочие полки на самые важные позиции. И рабочие-бойцы оправдали доверие, нанесли жестокие удары противак-

ку, отстаивали каждую пядь родной земли.

Несвинокольский полк рабочих Электролеса действовал в районе станции Ляпичево. «Бой под станцией Ляпичево, — пишет один из бойцов этого полка, — вот историческое место, где нам впервые пришлось столкнуться с серьёзными силами противника. Живые участники этого дела помнят, как перед атакой командир полка Котиков Д. А. промчался на коне с командой: «Цепь вперёд!» — и электролесовцы могучим потоком бросились в атаку. Кадеты встретили нас убийственным пулемётным и артиллерийским огнём, но всё быстрее и ближе подвигалась людская лавина. Громкое «ура»: Ляпичево за нами. Белье, пользуясь темнотой, бросились переправляться через Дон»².

Особого внимания заслуживает роль рабочих крупнейших царицынских заводов — оружейного и «Французского» — в защите Царицына. Когда банды Краснова окружили Царицын, оружейный завод целиком работал на оборону: завод ремонтировал орудия, бронедвигатели, бронепоезда, устанавливал пушки, накладывал броню. «В германскую войну был взят в плен большой германский бронированный автомобиль, — рассказывает один из царицынских рабочих — Он нами был отремонтирован — это было первое вооружение, сделанное нами на оборону... Помню такой момент, — ремонтировали бронепоезд 2-й Сибирский. Была добавлена броня, потом пушки ставили на вращающиеся площадки, и помню, что для приёма этого броневика была выделена комиссия; в эту комиссию входил товарищ Ворошилов. Приезжал он на завод, пробовал крепость брони из нагана»³.

11 августа, в дни первого окружения Царицына, товарищ Сталин отдал следующее распоряжение представителю Военного совета на оружейном заводе: «Предписывается вам принять все меры к тому, чтобы в ближайшие дни все имеющиеся на заводе броневые поезда были готовы к действию. Одновременно предписывается вам приказать автобазе немедленно наладить одну броневую колонну. Член Военного Совета — Сталин»⁴.

Получив приказ Сталина, рабочие оружейного завода со всей энергией, по-военному взялись за выполнение оборонного заказа. Они проявили много инициативы в ремонтировании броневых поездов. Нередко рассказывают участники обороны, можно было наблюдать споры между инженерами и рабочими. Инженеры в работе исходили исключительно из технических возможностей. Если, по техническим расчётам, 6-дюймовое орудие не могло быть установлено на броневике или бронеплощадке, то они отказывались руководить ремонтом. В таких случаях сами рабочие, без инже-

¹ Мемуарный фонд ИГВ. Т. IV, № 4797, л. 1.

² Там же, № 4816, стр. 66.

³ Архив ИГВ, фонд IV тома.

⁴ Газета «Ворьба» от 18 августа 1918 года.

неров, ремонтировали броневики, ставили орудия и сами же испытывали их.

Тов. Николайченко — контролёр от Военно-революционного совета Южного фронта на оружейном заводе (так именовался он в мандате) — в своих воспоминаниях пишет: «Командующий группой бронепоездов Вадим прибыл на оружейный завод на своём излобленном бронепоезде, вооружённом двумя 3-дюймовыми зенитными орудиями, из которых он метко охотился за аэропланами Краснова, и заявил мне: «Вот, брат, дела плохи, одно орудие требует ремонта, что-то замок капризничает, а в другом отломано луко на салазках компрессора — выручай».

Я знал, насколько был важен этот бронепоезд, вооружённый зенитками, которых было только два орудия в армии и рассчитывать на получение новых было нельзя — неоткуда. Поэтому, посоветовавшись с Марочкиным, со старыми работниками 1-го корпуса оружейного завода и с автогенным мастером, мы решили произвести ремонт компрессорных салазок путём заварки. Этот факт важен тем, что, во-первых, заварка, или вернее сварка поломанных частей орудий недопустима по условиям артиллерии, а второе — то, что после ремонта нужно испытать практически действия орудия, установленного в броневой башне, и неудачная операция угрожала смертью не только мне, но и команде, находящейся при обслуживании орудия, но требование фронта выше личного благополучия, оно должно быть и было выполнено»¹.

Завод работал день и ночь. Фронт был близко. Нередко пушку, вышедшую из строя, прямо с позиции во весь опор гнали на завод. Привезённое орудие бойцы не оставляли: они горючили с ремонтом, а затем — в запряжку и на фронт.

Ремонтировали на заводе и морские суда, переброшенные на Волгу из Чёрного моря. В Царицын попало из Черноморского флота 7 истребителей. Морские истребители были собраны, отремонтированы и спущены на воду.

Между «Французским» (потом — «Красный Октябрь») и оружейным (потом — «Баррикады») заводами существовало своеобразное разделение труда: «Французский» — металлургический завод — готовил броню, а оружейный производил ремонт броневиков и установку орудий.

Благодаря упорному, самоотверженному труду царицынских рабочих, на оборонных заводах было отремонтировано больше 20 бронепоездов. Им были присвоены следующие названия: «Гром», «Молния», «Большевик», «Коммунист», «Сталин», «Ленин», «2-й Сибирский», «Углекол» и другие. При этом было введено и освоено изобретение, которое давало нашим бронепоездам большое преимущество перед вражескими: орудия на них устанавливали на особых кронштейнах, высота оси поднималась на 100—130 мм, от чего увеличивался угол возвышения и стрельба была более эффективной.

За исключительно инициативную и само-

отверженную работу по ремонту бронепоездов рабочие оружейного завода получили благодарность от главнокомандующего революционными войсками Царицынского военного округа. «Мною были осмотрены броневые поезда «2-й Сибирский» и «Большевик», — писал главнокомандующий, — где я увидел тщательную работу по обшивке броней и установке на 2-м Сибирском бронированном поезде двух 3-дюймовых орудий на вращающейся башне. Принял благодарность 2-го Сибирского бронированного поезда командиру тов. Чернявскому с его командой, технику тов. Миллеру, заведывающему оружейным отделом тов. Тальбергу, инструктору Лобачёву и всему оружейному заводскому комитету и товарищам рабочим, которые принимали участие в работе по бронированным поездам»².

После приезда товарища Сталина работа на оружейном заводе развернулась особенно широко.

Товарищ Сталин оказывал царицынским рабочим всемерную поддержку. В начале августа, например, на оружейном заводе создалось тяжёлое финансовое положение. Послали уполномоченных от завода к товарищу Сталину. Военный совет немедленно отпустил 2500 тыс. рублей.

Кроме ремонта бронепоездов, на оборонных царицынских заводах производился ремонт броневиков, транспортных автомобилей. На оружейном заводе была сделана бронедрезина «Стрела». Эта дрезина называлась ужас на белогвардейцев, появляясь там, где её никак нельзя было ожидать. Дрезина проникала в тыл врага, открывала пулемётный огонь и, собрав разведывательные данные, возвращалась к своей базе, к бронепоезду.

Увеличивающийся автотранспорт требовал много горючего. В период окружения город был отрезан от внешнего мира. Оставался единственный выход — изыскивать местные средства. Небольшой мыловаренный завод, находившийся в Царицыне, был наскоро переоборудован в нефтеперегонный. Он давал в сутки 10—12 пудов газolina. Через некоторое время были найдены и установлены дополнительные котлы. Добыча увеличилась: бензина — до 75 пудов и газolina — до 150 пудов в сутки.

Каждый день возникали всё новые трудности. Не один раз случалось, что на «Французском» заводе вдруг обнаруживалось полное отсутствие чугуна. Станция Алчевская, снабжавшая завод чугуном, была захвачена немцами. Заводу угрожала остановка всей работы. Но выход находили и из такого, казалось бы, безвыходного положения. Чугун передавался замкообразно из фондов оружейного завода, реквизировался из числа проходивших через Царицын грузов.

Через Царицын летом 1918 г. перебрасывалось огромное количество разнообразных

¹ Мемуарный фонд ИГВ, № 4789, л. 7.

² «Борьба» № 146 от 28 июня 1918 г., стр. 1.

грузов, эвакуированных из южных районов. Среди них были металл, уголь, запасные части машин, инструменты. Оборонные царицынские заводы остро нуждались в этом. 7 июня отделом металлов Совета народного хозяйства было созвано совещание представителей механических заводов, которое вынесло следующее решение: «1. Представить заводам списки требуемых в данный момент материалов, инструментов и проч. к 10 июня с. г. Выметки должны исходить из 3-месячной нормы потребления. 2. Просить комиссара по эвакуации периодами извещать СНХ о проходящих грузах. 3. Для производства оценки забираемых заводами материалов избрать оценочную комиссию»¹.

Между армией царицынского фронта и заводами установилась самая тесная связь. Командование X армией при всех затруднениях обращалось к рабочим и всегда получало нужную помощь.

Осенью стал особенно ощутим недостаток в патронах и снарядах. Прежние запасы были израсходованы. Пришлось перейти на самоснабжение за счёт трофеев.

По инициативе товарища Сталина Военный совет с помощью рабочих оборудовал небольшой снарядно-патронный завод вблизи оружейного. В газете «Борьба» по этому поводу было помещено коротенькое сообщение: «Снарядный завод. Штабом северокавказского округа приступлено к оборудованию снарядного завода на территории пушечного завода»².

Сырьё для завода частично поставляла сама война. В постановлении Военного совета от 9 сентября говорилось: «Военный совет приказал всем начальникам дивизий и боевых участков организовать команды по сбору пустых винтовочных гильз, масса остающихся после боя. Собранные гильзы партиями отправлять в Царицын начальнику артиллерийского управления»³.

Патронный завод существовал недолго, так как не хватало сырья, да и оборудование оказалось не вполне пригодным; но известную пользу завод всё же принёс.

Условия работы на оборонных заводах были тяжёлые: необходимых материалов не было, соответствующих инструкторов — тоже. Но несмотря на все трудности рабочие Царицына продолжали работать и подкуп приближающейся канонады повышали втрое интенсивность труда, по двое суток не выходили с заводов.

Рабочим царицынских заводов часто приходилось прерывать работу у оборонного станка и идти на фронт с оружием в руках. Винтовки стояли тут же, прислонённые к станкам, чтобы, когда понадобится, были под рукой. «Бывало так, — рассказывает старый рабочий «Французского» завода, — работали мы до 8 часов; полчаса до

8 часов осталось, прибегает Бородин Степан и говорит: «Останавливай моторы, бросай работу, за мной!» Мы приходим в контору, думаем, что мы одни, а там уже все собрались, и отправляют на фронт, и вагоны уже подали... Некоторые ребята просили минут на 10 отпустить домой. Говорят — нельзя. Один рабочий поднялся на табуретку и говорит: «Мы, как рабочие, не можем нигуда убежать, вы нас под честное слово пустите». Сейчас же по телефону позвонили в город, — «можно на пятнадцать минут, но сейчас же обратно». Моментально все смылись. Я жил близко. Пришёл домой, надел на себя чистое бельё, взял бумажку, написал адрес и спрятал в рукав рубашки — в случае если уьют, чтобы дать знать домой... Ровно через 15 минут все были в сборе»⁴.

Отгнав банды Краснова на 10—15 вёрст от города, рабочие снова возвращались на завод, к прерванной работе. Такие «вылазки» во время окружения бывали неоднократно.

Кроме «вылазок» на фронт всем коллективом оружейный и «Французский» заводы по первому требованию Военного совета организовали кавалерийские взводы и артиллерийские части. Так например был создан артиллерийский взвод исключительно из рабочих-коммунистов «Французского» и оружейного заводов. В течение нескольких месяцев взвод бесменно сражался с бандами Краснова, выступал всегда как единое целое и впоследствии был в полном составе включён в 1-й сводный артиллерийский дивизион⁵.

На заводах сформировали особые вооружённые отряды, которые несли сторожевую службу. Военный совет часто давал им небольшие оперативные задания. В начале августа на оружейном заводе был получен приказ от штаба X армии — немедленно отправить катер с бойцами для подавления контрреволюционного восстания в станице Александровской, в 70 км от города, вверх по Волге. Катер был снаряжён. 24 рабочих-бойца посланы с боевым заданием. Совместными действиями катеров с Волги и десантных групп кулацкое восстание в станице Александровской было подавлено.

Фронт остро нуждался в бесперебойной работе оборонных предприятий. Поэтому оружейный и «Французский» заводы не могли выставлять таких крупных воинских частей, как профессиональный союз Грузолес, заводы Электролес и другие царицынские предприятия, не работавшие на оборону. Только когда враг прорывался к окраинам города, рабочие оборонных предприятий брались за оружие.

Слава о героической борьбе царицынских рабочих с контрреволюцией распространилась далеко за пределы Царицына. В сентябре 1918 г. в Саратове состоялся областной съезд комиссаров труда. Съезд вынес

¹ «Борьба» № 134 от 12 июня 1918 г., стр. 5.

² «Борьба» № 234 от 3 октября 1918 года.

³ «Солдат революции» № 29 от 11 сентября 1918 года.

⁴ Мемуарный фонд ИГВ. Т. IV, № 4816, стр. 106.

⁵ «Борьба» № 259 от 15 ноября 1918 года.

следующее решение: «Заслушав доклад комиссара труда г. Царицына о самоотверженной борьбе за советскую власть царичинского пролетариата, который по первому эсву Совета выступил добровольно количеством до 10 000, стал не на словах, а на деле под ружьё и этим отбросил уже было близко подходивших к городу белогвардейцев, съезд горячо приветствует самоотверженную борьбу пролетариата гор. Царицына и надеется, что товарищи царичинцы послужат примером рабочему классу всей Саратовской губернии»¹.

Среди собранных Царичинским советом документов есть такие, где запечатлена разнообразная деятельность фабрично-заводских комитетов и всего рабочего коллектива заводов. Вот выдержка из отчёта завкома оружейного завода: «Комитет оружейного завода употребил все усилия для поднятия до максимума работ по ремонту орудий и снабжению таковыми всех фронтов, в чём добился положительных результатов, задержки в наших работах не имелись».

Далее рассказывается, как на заводе был создан медицинский пункт, чтобы обслужить ближайший (северный) участок фронта. Удобное заводское помещение превратили в лазарет на 50 кроватей.

Отчёт заводского комитета подытоживает: «Объясняем остальное в общих чертах: рабочие оставались на своих местах и сплотно продолжали вести срочные работы для фронта. Комитет в целом составе день и ночь находился на своих местах все эти дни. Все срочные заказы от Военного Совета, как то: погрузка снарядов, выдача их, отправка на фронт, проводка телефонного провода для связи с фронтом и другие работы прошли целиком через руки комитета. О всех мелких, но очень важных работах упоминать не приходится»².

★

Оружейный и «Французский» заводы оказали большую помощь Царичинскому совету и в борьбе за продовольствие и хлеб. Так, в начале августа заводы организовали дружины и послали их на уборку урожая.

На оружейном заводе распоряжение исполкома о создании дружин было получено 3 августа, в 15 часов; в 17 час. все рабочие узнали об этом, а 4 августа, ровно в 14 час., через 21 час после объявления распоряжения, была уже произведена посадка в поезд. В уборочную дружину вошло больше 250 рабочих.

Инструктор по организации уборочных дружин сообщал в совет, что отношение рабочих к работе — высокосоциальное; агитировать их почти не приходилось; отказывались или откладывали отъезд только в единичных случаях. Даже возвращавшиеся из отпусков рабочие немедленно садились в вагоны и отправлялись на уборку. Почти

весь август и сентябрь, продолжая борьбу на фронте, царичинские рабочие посылали уборочные дружины на поля, самоотверженно выполняли приказ товарища Ворошилова: «В целях скорейшего проведения в жизнь всех срочных мер по уборке и обмолотке хлеба царичинского округа, Военный Совет приказывает губернскому военному комиссару произвести мобилизацию всего работоспособного населения гор. Царицына и его окрестностей в возрасте от 17 до 50 лет включительно»³.

Военная обстановка требовала самых решительных мер для уборки урожая. В окрестных деревнях и станицах почти всё мужское население было мобилизовано, а некоторые близлежащие к фронту сёла совершенно опустели. Убирать хлеб было некому. Рабочие дружины спасли положение. Работа на поле в прифронтовой полосе была сопряжена с опасностью для жизни, и безотказное участие в уборке говорит о высокой сознательности и самоотверженности царичинских рабочих.

С наступлением зимы положение с продовольствием ухудшилось. В снабжении армии начались частые перебои. Настало время, когда хлеба оставалось всего на несколько дней. Бойцы получали по ¼ фунта в день. Выдача хлеба рабочим была прекращена. Фуража оставалось только по 4 фунта на лошадь.

Летом и ранней осенью за Волгой готовили огромные запасы ржи, пшеницы, ячменя, овса и сена. Но доставить всё это в город было невозможно: пароходы не ходили, так как русло реки было под вражеским обстрелом. Маленькие винтовые катера кое-как проскользнули бы, но в затоу попасть не могли; по реке шло «сало», затоу замёрз, однако недостаточно, чтобы пустить по льду подводы. Положение казалось безвыходным.

Товарищ Ворошилов приказал начальнику снабжения X армии изыскать средства и в шестидневный срок доставить хлеб на правый берег Волги. Решили строить мост через Волгу. Эта задача была возложена на военно-техническое управление, организованное для снабжения армии боеприпасами и продовольствием. Предстояла исключительно трудная работа. Наступили заморозки. Специальные материалы отсутствовали. Надо было в короткий срок под обстрелом баллозаков перебросить мост через широкую реку. На помощь снова пришли царичинские рабочие. Героизм рабочих и красноармейцев, которыми руководили командиры-большевики, преодолел все трудности. Бригада понтонного батальона X армии и рабочие царичинских заводов построили мост не в шесть, а в четверо суток. Строительство продолжалось днём и ночью. Приказ командарма был выполнен — армия и осаждённый город получили продовольствие.

★

Вопросы борьбы с белогвардейщиной и борьбы за хлеб поглощали максимум внимания.

¹ «Профессиональный вестник» № 12 от 6 октября 1918 г., стр. 37. Царицын.

² Сталинградское архивное управление, ф. 33, № 13, л. 33.

³ «Солдат революции» № 33 от 15 сентября 1918 г., стр. 1.

маний Царицынской партийной организации и совета. Но жизнь требовала разрешения и других важнейших задач. Очень остро стоял, например, вопрос о повышении производительности труда на заводах Царицына. В большинстве предприятий не хватало рабочей силы или же она была низкой квалификации. Квалифицированные, кадровые рабочие в первую очередь шли на фронт. У станков их заменяли подростки, женщины и малоквалифицированные рабочие. Производительность труда этой категории рабочих была ещё не достаточно высока.

Другим важнейшим вопросом являлась организация управления национализированными предприятиями. Именно в этот период в Царицыне происходил процесс перехода от рабочего контроля к рабочему управлению промышленностью. За управление промышленностью в Царицыне, как и по всей стране, взялись сами рабочие. Декрет о национализации промышленности был издан 18 июня 1918 года. Но в Царицыне ещё в марте 1918 г. при Совете народного хозяйства был создан отдел национализации, которому поручались национализация и работа о национализированных предприятиях. Во главе этих предприятий становились правление и комиссар от исполкома совета.

В июле 1918 г. были получены подробные инструкции I всероссийского съезда совнархозов об управлении национализированными предприятиями. Руководствуясь этими инструкциями, отдел национализации с 25 июля начал перестраивать правления национализированных предприятий.

Новые хозяева завода сразу же оказывались перед необходимостью позаботиться о капитальном ремонте, о замене старого оборудования новым, о расширении заводов и поднятии производительности труда. Капиталисты-хозяева, особенно в последние месяцы своей власти, хищнически эксплуатировали предприятия, не заботясь о сохранении оборудования.

Национализация царицынской металлообрабатывающей промышленности закончилась только в декабре 1918 года. 3 декабря состоялось совещание Экономического совета совместно с представителями заводских комитетов Центрального совета проф-

союзов и Комиссариата труда. На совещании стоял вопрос о необходимости национализировать всю металлообрабатывающую промышленность Царицына. При руководстве некоторых предприятий каким-то образом ещё удержались хозяйчики, которые вредительно подрывали работу предприятий.

Совещание вынесло следующее решение: «Вся металлообрабатывающая промышленность г. Царицына является национализированной. Для руководства ею, исключая «Французский» и оружейный заводы, создать одно общее управление. Заводоуправление будет создано согласно существующих на этот счёт положений. Выборных от рабочих даст союз «Металлист»¹.

Так, шаг за шагом, рабочие Царицына в труднейших условиях вражеского окружения налаживали руководство национализированными заводами, боролись за восстановление промышленности.

★

В годы гражданской войны царицынские рабочие покрыли себя неуязвимой боевой славой. За свою многообразную и самоотверженную работу во время гражданской войны царицынские рабочие заслужили высокую награду — красное знамя ВЦИК и орден Красного знамени. За героическую оборону под руководством Сталина город получил в 1925 г. имя великого Сталина.

Русский народ свято хранит великие традиции гражданской войны 1918—1922 годов. За 25 лет социалистического строительства Сталинград стал индустриальным гигантом. Во много раз вырос рабочий класс города. Сталинградские рабочие хранят боевые традиции героической обороны. И, когда Сталинграду стали угрожать фашистские орды, на защиту города, как и в дни 1918 г., вышли сталинградские рабочие, пополдив ряды борцов за честь и независимость советской родины, против фашистских извергов. Героические защитники города Сталина, как и в 1918 г., отстаивали волжскую твердыню.

Слава Царицына-Сталинграда будет жить в веках!

¹ «Борьба» № 284 от 14 декабря 1918 года.

ГЕРМАНО-ИТАЛЬЯНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ (1936—1941)

В. Луцкий

В период подготовки захвата Северной Африки державы фашистской оси проявили наибольшую активность в Марокко. Тотчас же после прихода Гитлера к власти эта страна была наводнена немецкими агентами. Особенно много оказалось их в испанской зоне Марокко, так как её тогдашний гу-

бернатор и пышный диктатор Испании генерал Франко установил тайную связь с Гитлером и Муссолини. С помощью генерала Франко во всех центрах Испанского Марокко были образованы локальные немецко-фашистские группы. Во главе их стоял некий Карл Шлихтинг, прибывший

в Марокко под видом «домашнего учителя». Тетуанскую группу возглавил Адольф Лангенгейм — опытный немецкий шпион, живший в Марокко с 1905 года. Эти группы ставили перед собой две задачи: во-первых, подготовить военно-фашистский мятеж генерала Франко и интервенцию фашистских держав в Испании, используя Испанское Марокко как базу для мятежа; во-вторых, использовать Испанское Марокко как базу для фашистской пропаганды и подрывной работы в странах Французской Северной Африки.

Общезвестно, как была решена первая из этих задач. Гитлеровцы наводнили Испанское Марокко оружием. На средства индустриального магната Тиссена, тесно связанного с Гитлером, была основана специальная организация для перевозки оружия в Африку. В июле 1936 г., когда начался фашистский мятеж, войска мятежников перебрасывались из Марокко в Испанию на гитлеровских самолётах. Во время мятежа Испанское Марокко было фактически превращено в немецкий плацдарм. Здесь обособилась немецко-итальянская военная миссия. Немецкие инженеры приступили к постройке оборонительных укреплений как на побережье, так и на границах испанской и французской зон. В руки немцев перешли все аэродромы испанской зоны. В порты Испанского Марокко регулярно прибывали немецкие транспорты с военными материалами. Возвращаясь в Германию, они везли туда высокосортную марокканскую железную руду, залежи которой были также захвачены немцами.

В своей борьбе против Испанской республики немецко-итальянские интервенты использовали не только вооружённые банды испанских фашистов, но также отсталые арабские и берберские племена Испанского Марокко. Мавританские «дикие дивизии» явились главной боевой силой генерала Франко. Фашистские вербовщики не жалели денег на подкуп марокканских феодальных вождей, поставлявших мятежникам своих подданных для участия в борьбе против республики. Вместе с тем фашисты использовали в своих целях национальные стремления и религиозные чувства мусульманского населения. Генерал Франко объявил себя подобно Вильгельму II «покровителем ислама». Преемник генерала Франко на посту марокканского губернатора полковник Бейгбедер, агент гестапо и глашатай «немецко-испанского братства», в своих обращениях «к мусульманам всего мира» обещал сделать Марокко «самой цветущей в мире мусульманской страной». В 1937 г. в Испанском Марокко на немецкие деньги была образована «Партия магребинского единства» («Хизб-аль-Вахдат-аль-Магрибия»). Во главе её стал платный агент Бейгбедера авантюрист Мекки Насыри. Эта партия провозгласила своей целью объединение стран Магриба (так арабы называют Алжир, Тунис и Марокко) под немецко-испанским контролем. Мекки Насыри призывал арабов сражаться в Испании на стороне генерала Франко, против республики.

На немецкие деньги в Испанском Марокко банда продажных журналистов издавала арабские газеты. Питаясь отбросами из кухни Геббельса, они прославляли мощь Гитлера, объявляли фашизм самым крупным событием в мировой истории, предсказывали, что фашистская Германия покорит весь мир, прославляли «избранную немецкую расу», распространяли регулярно клеветнические измышления, изготовленные в «Дейче нахрихтенбюро».

Однако когда несмотря на демагогию и обман фашистов марокканцы увидели, что испанский вассал Гитлера и не думает проводить в жизнь свои лживые обещания, лозунг «Смерть Франко!» стал самым популярным в стране. В сентябре 1938 г. в Испанском Марокко вспыхнуло большое антифранкистское восстание племён, жестоко подавленное фашистами. В 1939 г. была основана «Партия национальных реформ», призывавшая марокканских арабов бороться за независимость, против франкистской Испании, не выполнившей своих обещаний.

Фашистская агитация и подрывная работа не ограничились Испанским Марокко: в 1938 г. Мекки Насыри совершил агитационное турне по другим арабским странам. Далеко за пределами Испанского Марокко распространялись выходившие там на арабском языке фашистские газеты. Особенно же энергично немецкие фашисты использовали свою испано-марокканскую агентуру для подрывной работы во Французском Марокко. В Тетуане была основана специальная организация для эмигрантов из французской зоны — «Бюро национальной обороны» (Мақтаб-ад-Дифа'а аль-Ватани). Эта организация систематически подстрекала к восстанию различные города французской зоны. Не случайно волнения во французской зоне вспыхнули в ноябре 1936 г. вскоре после фашистского мятежа в Испании. Новая их волна прокатилась в сентябре — октябре 1937 г., в один из наиболее напряжённых моментов испанской войны. Разжигая эти волнения, фашисты стремились прежде всего запугать Францию и удержать её на позиции «невмешательства» в испанские дела. В то же время они рассчитывали расшатать позиции Франции в Марокко и тем самым подготовить захват французской зоны.

С не меньшей энергией итальянские фашисты добивались захвата Туниса. Для подготовки этого захвата они пытались использовать прежде всего итальянских эмигрантов, поселившихся в Тунисе.

По данным французской официальной статистики, число итальянских эмигрантов в Тунисе росло из года в год. В 1881 г. их было 11 206 чел., в 1891 г. — 21 016, в 1901 г. — 71 600, в 1911 г. — 88 082, в 1931 г. — 91 178 (против 91 427 французов)¹. Фактическое же число итальянцев было даже

¹ См. «Annuaire statistique de la Tunisie», Tunisie, 1931.

несколько больше, так как тысячи итальянцев, особенно из родившихся в Тунисе, приняли французское гражданство и учитывались статистикой как французы. Среди этих итальянцев было немало рабочих, трудящихся крестьян, радикальных интеллигентов — противников фашистского режима. Но, с другой стороны, итальянское правительство поощряло эмиграцию в Тунис фашистских элементов, связанных с итальянской разведкой — Овра. Овра набирала своих агентов также среди старых итальянских поселенцев в Тунисе: кулаков-колонию, купцов, деклассированных элементов, уголовных преступников. Фашисты Италии развернули среди них пропаганду, и число членов фашистской партии в Тунисе накануне войны достигало 20 тысяч. Эти элементы открыто добивались превращения Туниса в итальянскую колонию. На субсидии правительства Муссолини они скупали земли в Тунисе и колонизовали целые районы, имеющие главным образом большое стратегическое значение. «Там, где крестьянин, впавший в долги, распродаёт имущество и бежит в город, — писала французская газета «Матэн» (от 2 июля 1933 г.), — там немедленно появляется итальянский колонист. Он выкупает землю и устраивается. Ему внушают, что он солдат авангарда, и он цепко держится за землю. Это он заполнил теперь все деревни вблизи мыса Бон. Это он окружил Бизерту. Его можно часто встретить на землях неплодородных, наименее пригодных для обработки, но которые случайно оказываются возле мостов или на перекрёстках больших железных дорог».

За истекшее двадцатилетие в Тунисе непрерывно росло число итальянских школ, содержавшихся за счёт отдела пропаганды фашистской партии и готовивших кадры фашистских убийц и разбойников. Вместе с фашистскими учителями Овра посылала в Тунис фашистов-священников, фашистов-врачей.

По договорам 1896 и 1919 гг. Франция предоставила итальянскому меньшинству в Тунисе особые права и привилегии. В 1935 г. Лаваль, заключивший невыгодный для Франции договор с Муссолини, ещё больше расширил права итальянцев в Тунисе.

Используя эти права, итальянские резиденты образовали в Тунисе как бы «государство в государстве», не только со своими особыми школами, больницами, церквями, но также со своими тайными военными отрядами, оружие для которых ввозилось контрабандным путём из Италии. В больших итальянских имениях Туниса — под видом охотничьих экскурсий — проводились регулярные занятия фашистских военных дружин. Таким образом, во французском протекторате Тунисе итальянские фашисты ещё в мирное время имели свои вооружённые отряды. Не случайно поэтому в ноябре 1942 г., в момент англо-американского десанта в Северной Африке, фашистские державы избрали в качестве своей базы район Туниса и Бизерты: именно там находились их вооружённые отряды.

Осенью 1938 г., после Мюнхенской конференции, Муссолини, поощрённый удачами шантажиста Гитлера, а также уступчивостью английских и французских мюнхенцев, решил добиваться такими же провокационными приёмами удовлетворения своих разбойничьих притязаний. При этом итальянскому меньшинству в Тунисе предстояло сыграть ту же роль «пятой колонны», какую сыграло в Чехословакии гейнлейновское немецкое меньшинство. Кампания шантажа началась 30 ноября 1938 г. инсценировкой, разыгранной по приказу Муссолини в фашистском псевдопарламенте. Выступая с программной речью, фашистский министр иностранных дел Чиано упомянул в общей форме о «естественных чаяниях итальянского народа». И тогда все депутаты встали с мест и закричали: «Тунисия! Тунисия! Тунисия!» С галёрки же раздались крики: «Савойя! Ницца! Корсика! Джибути!»

Вслед за демонстрацией в фашистском «парламенте», начались демонстрации на улицах и площадях. Фашистские хулитаны били стёкла во французских представительствах, носили плакаты с требованием передать Италии Тунис, Савойю, Ниццу, Корсику, Французское Сомали, железную дорогу Джибути — Аддис-Абеба, а также допустить Италию к участию в управлении Суэцким каналом. Эта кампания была поддержана фашистской прессой. Орган фашистского министерства иностранных дел «Реляциони интернационали» открыто писал, что «Тунис есть итальянская провинция» и, если французы будут сопротивляться итальянским домогательствам, они столкнутся с осью Рим — Берлин на всём пространстве «от Балтийского моря до сердца Африки». «Италия не допустит, чтобы расположенный по соседству с ней Тунис был во владении страны, ей угрожающей», — заявил один из руководителей фашистской партии — Фариначчи.

Стремясь запугать Францию, Муссолини издал приказ о массовой мобилизации. На границе Туниса и Ливии были сосредоточены крупные итальянские военные силы. В Ливию под видом «колонистов» было переброшено 20 тыс. фашистских дружинников-чёрнорубашечников. Итальянское командование не скрывало своего намерения атаковать южную часть Туниса с суши и в то же время высадить с моря десант в районе городов Туниса и Бизерты. Оно угрожало, что вторжение фашистских войск в Тунис будет поддержано восставшим итальянскими резидентами и местного арабского населения.

Гитлеровская Германия поддержала домогательства Муссолини. Фашистский «Фелькшлер беобахтер» тотчас же вслед за выступлением Чиано признал «исторические права Италии на Тунис».

В основе всей этой кампании лежали прежде всего интересы капиталистических трестов. Итальянский трест тяжёлой металлургии, в котором господствующую роль играет семья Муссолини — Чиано, вынуж-

денный значительную часть необходимого ему сырья — свинца, меди, железной руды — приобретать в Тунисе у французских капиталистов, домогался захвата этих ресурсов. Итальянский химический трест добивался захвата тунисских фосфатных залежей.

Как реагировали реакционные круги европейских держав на домогательства фашистской Италии? Невиль Чемберлен, стоявший тогда во главе английского правительства, решил продолжать и здесь политику Мюнхена, политику уступок и капитуляций. Как только Италия предъявила свои требования Франции, Чемберлен тотчас же предложил ей своё «посредничество» и начал давить на Францию, добиваясь от неё хотя бы частичного удовлетворения итальянских домогательств.

Эта мюнхенская политика уступок агрессору подверглась резкой критике в Англии; в частности Черчилль в своей речи перед избирателями 11 декабря 1938 г. подчеркнул, что эта политика вызывает огромное недовольство английской общественности и угрожает обороноспособности Англии.

17 декабря 1938 г. фашистское правительство Италии предприняло дипломатический демарш, в котором его требования нашли своё официальное выражение (правда, пока ещё в скрытой форме). Оно заявило Франции, что денонсирует договор Лаваль — Муссолини, заключённый в 1935 г., так как считает недостаточными те права, которыми этот договор наделил итальянских резидентов в Тунисе. Вместе с тем Италия предлагала Франции сформулировать свои предложения о статусе итальянцев в Тунисе.

24 декабря Франция ответила на итальянскую ноту. Она приняла к сведению факт денонсирования договора, указав, однако, что никаких юридических оснований для такого денонсирования нет. Она отказалась выдвинуть свои предложения о статусе итальянцев в Тунисе, заявив, что договор 1935 г. содержит максимальные уступки и что больше никаких уступок Франция делать не намерена. В то же время Франция категорически отвергла посредничество Чемберлена.

1 января 1939 г. премьер-министр Франции Даладье выехал на Корсику, в Тунис и Алжир. Эта поездка носила демонстративный характер. Даладье ехал на военном корабле в сопровождении руководителей генерального штаба Франции, которые осмотрели тунисскую «линию Мажино», построенную незадолго до того на границе с Ливией. Поездка Даладье сопровождалась рядом антиитальянских демонстраций: население Туниса, как французское, так и арабское, единодушно выступало против захватнических притязаний Муссолини.

Встретив сопротивление Франции, Муссолини временно снял свои официальные притязания. Но фашистская пресса попрежнему продолжала антифранцузскую кампанию, а фашистская агентура продолжала вести подрывную работу в Тунисе. 11 января 1939 г. Чемберлен посетил

Рим. При свидании его с Муссолини франко-итальянский конфликт больше не стоял на повестке дня. Однако, продолжая политику Мюнхена, Чемберлен пошёл на уступку Италии в испанском вопросе.

Мюнхенская политика Чемберлена в отношении Италии вскоре принесла свои плоды. Удушив Испанскую республику, Муссолини затем захватил Албанию и нарушил охраняемый Чемберленом средиземноморский status quo. Это событие произошло в апреле 1939 г., спустя три месяца после переговоров в Риме. Год спустя, в июне 1940 г., Муссолини вступил в войну на стороне Гитлера, против Англии и Франции, и вновь выдвинул свои притязания на Тунис.

После капитуляции Франции в июне 1940 г. казалось, наступил момент, когда Гитлер и Муссолини могут осуществить свои давние захватнические планы и оккупировать страны Северной Африки.

Но были объективные силы, которые помешали Гитлеру тотчас же захватить африканскую «добычу войны». В расчёты Гитлера не входило тогда ни преждевременно втягивать США в войну, ни затевать борьбу с англичанами во Французской Африке, ни возобновлять на колониальной арене войну с Францией, только что законченную в Европе. Готовя нападение на Англию, на балканские страны и особенно на СССР, Гитлер не мог отвлекать на африканские фронты войска, нужные ему в Европе. Но, временно откладывая оккупацию Французской Африки, он решил постепенно прибрать её к рукам, чтобы вслед затем осуществить прямой её захват.

С этой целью по требованию Гитлера и его заместника во Франции — Абеца — была произведена полная смена колониальных губернаторов. На посты губернаторов выдвигались люди, преданные Петэну, ставшие вместе с ним на путь предательства. Генеральным делегатом по делам Французской Северной Африки был назначен генерал Вейган. Ему были даны чрезвычайные полномочия. Губернатором Алжира был назначен адмирал Абриаль, генеральным резидентом Туниса — адмирал Эстель, на посту генерального резидента в Марокко оставался генерал Ногес, чья преданность правительству Виши не вызывала сомнений. В соответствии с требованиями Гитлера была проведена «чистка» всего административного аппарата.

В качестве верховной власти в Северную Африку были посланы многочисленные немецко-итальянские «комиссии по перемирью». Сотни немецких офицеров, входивших в состав этих комиссий, инспектировали заводы, рудники, дороги, порты, аэродромы, нефтезаводы. Они выкачивали из стран Африки запасы продовольствия, обрекая население на голод, вывозили в Италию и Германию африканские фосфаты, железную руду и цветные металлы, реквизировали автомобили и направляли их в Ливию. Коротко говоря, они грабили Алжир, Тунис и Марокко так же, как они грабили оккупиро-

важные страны. Вся хозяйственная и политическая жизнь Французской Северной Африки была поставлена под их контроль.

По предписанию из Берлина правительство Виши приступило к строительству Транссахарской железной дороги, которая должна была соединить порт Оран (на Средиземном море) с бассейном реки Нигер. Эта дорога строилась принудительным трудом политических заключённых, сосланных в концентрационные лагеря Южного Алжира: французских патриотов и испанских республиканцев, обречённых правительством Виши на тяжёлые страдания. Гитлер требовал окончания строительства этой дороги к 1943 году. Она должна была служить для переброски немецко-фашистских войск в район Дакара и вторжения в Америку, а также для вывоза риса и хлопка из Французской Западной Африки в Германию.

По требованию Гитлера, в Северной Африке вводился ненавистный народам «новый порядок». Здесь были введены в действие гнусные фашистские законы, издаваемые Петэном для Франции, в частности закон против евреев. По предписанию немецко-итальянских комиссий были казнены, приговорены к бессрочной каторге, брошены в концентрационные лагеря и тюрьмы тысячи патриотов-антифашистов, как участников рабочего движения, так и французских офицеров и солдат, заподозренных в сочувствии де Голлю.

Ворота Алжира, Туниса, Марокко были широко раскрыты перед агентами гестапо. Под видом специалистов в эти страны хлынул многотысячный поток немецких солдат и офицеров. Они проникали во французскую армию, расположенную в Северной Африке (эта армия насчитывала свыше 250 тыс. чел., имела около 1 тыс. самолётов, в портах Северной Африки осталась значительная часть французского флота). Они заполняли собой «иностранный легион», который, по существу, был превращён в часть немецкой армии. Немецкие офицеры заняли командные посты во французской авиации, во флоте, в береговой артиллерии. Все они подчинялись особому немецкому штабу в Африке, главным отделом которого была широко разветвлённая военная разведка.

Не огораживаясь захватом экономических ресурсов Северной Африки, немецкие фашисты использовали Алжир, Тунис и Марокко как плацдарм для военных действий против Англии. В территориальных водах Марокко, на Атлантическом океане укрывались немецкие военные корабли, подводные лодки, транспорты. Аэродромы Марокко использовались как базы для налётов на Гибралтар, причём в этих воздушных операциях участвовали и французские самолёты. Тунисские аэродромы служили промежуточными базами для военных самолётов держав оси, направлявшихся из Европы в Ливию. Через Тунис правительство Виши снабжало армию Роммеля: французские пароходы с продовольствием и другими материалами для Ливии регулярно курсировали между Марселем и Тунисом. В но-

ябре 1941 г. Англия вынуждена была подвергнуть блокаде Алжир, Тунис и Французское Марокко, которые были объявлены «территорией, оккупированной противником». В феврале 1942 г. США пришлось прекратить отpravку товаров во Французскую Северную Африку.

Державы оси не удовлетворялись тем, что они поставили страны Северной Африки под свой полный хозяйственный и военный контроль: они добивались прямой оккупации этих стран. По сведениям бернского корреспондента ТАСС, 29 июля 1941 г. гитлеровская Германия предъявила правительству Виши тайный ультиматум с требованием передачи непосредственно в руки немцев военно-морских баз Алжира, Касабланки, Дакара. Петэновцы якобы отказались выполнить это требование, мотивируя свой отказ угрозой внутривосточных осложнений. Однако переговоры, длившиеся в течение августа 1941 г., как, бесспорно, можно предположить, хотя точное содержание их ещё не известно, привели к какому-то тайному стовору между Гитлером и Виши. По сообщению газеты «Дейли мейл», Гитлеру было предложено оккупировать Касабланку и Дакар в тот момент, когда он найдёт это нужным; по сообщению «Дейли экспресс», Виши согласилось сдать в аренду Германии и Италии порт Бизерты. По сообщению американской газеты «Дейли мирор», Виши обязалось передать немцам, кроме Бизерты, Алжир, Оран и Бейрут.

Однако реализация этого тайного соглашения между Гитлером и Виши затянулась, главным образом благодаря сопротивлению США. Ещё весной 1941 г. марокканский султан заявил правительству Виши, что он не намерен признавать власть держав оси над Марокко, что он будет возражать против уступки марокканских морских баз фашистской Германии, а в случае, если это будет сделано, он призвёт на помощь американцев¹. Неоднократно США предупреждали правительство Виши о недопустимости каких бы то ни было уступок державам оси в Северной Африке. 10 февраля 1942 г. Рузвельт в личном послании Петэну разоблачил ту помощь, которую Виши оказало державам оси, снабжая армию Роммеля. Выступление Рузвельта возымело известное действие на Петэна, и, по крайней мере на словах, он поспешил отмежеваться от держав оси, заявив 24 февраля 1942 г., что правительство Франции «не будет оказывать никакой военной помощи ни одной воюющей державе ни в каком месте и ни на каком театре военных действий. В частности, оно не допустит использования французских судов для целей войны и не будет проводить политику оказания помощи державам оси, выходящую за пределы условий соглашения о перемирии»².

¹ «Bulletin of International News», Vol. XVIII, p. 373.

² «Правда» от 2 марта 1942 года.

Чтобы ускорить реализацию соглашения с Виши, Гитлер назначил в апреле 1942 г. главой правительства Виши своего доверенного человека — изменника Лавалля. «Правительство Виши дало Берлину требуемые гарантии, — писала в связи с назначением Лавалля лондонская газета «Таймс», — в результате которых как Северная Африка, так и неоккупированная зона Франции окажутся под полным господством Германии».

Осенью 1942 г. немецкие и итальянские фашисты приступили к осуществлению своих захватнических планов. Они готовились оккупировать Алжир, Тунис и Марокко. Однако их разбойничьим замыслам помешала англо-американская десантная операция в Северной Африке, проведённая в ноябре 1942 года.

★

Расценивая кампанию в Африке как «выдающийся факт большой важности, демонстрирующий растущую мощь вооружённых сил союзников и открывающий перспективу распада итало-немецкой коалиции в ближайшее время», товарищ Сталин писал: «Поскольку кампания в Африке означает переход инициативы в руки наших союзников, она меняет в корне военно-политическое положение в Европе в пользу англо-советско-американской коалиции. Она подрывает авторитет гитлеровской Германии, как руководящей силы в системе государств оси, и деморализует союзников Гитлера в Европе. Она выводит Францию из состояния оцепенения, мобилизует антигитлеровские силы Франции и даёт базу для организации антигитлеровской французской армии. Она создаёт условия для вывода из строя Италии и для изоляции гитлеровской Германии. Наконец, она создаёт предпосылки для организации второго фронта в Европе поближе к жизненным центрам Германии, что будет иметь решающее значение в деле

организации победы над гитлеровской тиранией»¹.

Через полгода заключительный акт англо-американской кампании в Африке — взятие Бизерты и Туниса — возвестил миру о полном разгроме германо-итальянских вооружённых сил, о полном очищении от них Северной Африки. Этой блестящей победе предшествовали крупнейшие победы Красной Армии на советско-германском фронте в зимнюю кампанию 1942—1943 года. Сталинградская эпопея, вынудившая Гитлера бросить на советско-германский фронт десятки новых дивизий, лишила генерала Роммеля необходимых подкреплений, которые ему были обещаны из Германии. В этом наиболее ярко сказались неразрывная связь и единство борьбы антигитлеровской коалиции.

Значение победы союзников в Северной Африке выходит далеко за пределы североафриканского плацдарма. Эта победа внесла существенные изменения в ход всей мировой войны, открыла перед антигитлеровской коалицией новые широкие перспективы и в этом смысле имеет большое международное значение.

В своём первомайском приказе маршал Советского Союза товарищ Сталин, указывая на итоги зимней кампании Красной Армии и предвидя близкий победоносный конец борьбы в Африке, сказал: «Таким образом, удар по врагу с востока, со стороны Красной Армии впервые за время войны слился с ударом с запада, со стороны войск наших союзников — в единый общий удар. Все эти обстоятельства, взятые вместе, потрясли до основания гитлеровскую военную машину, изменили ход мировой войны и создали необходимые предпосылки для победы над гитлеровской Германией»².

¹ «Правда» от 14 ноября 1942 года.

² «Правда» от 1 мая 1943 года.

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С ФРОНТОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЛИКВИДАЦИЯ УКРЕПЛЕННОГО ПЛАЦДАРМА ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ДЕМЯНСКА

В сентябре 1941 года немецко-фашистским войскам удалось прорваться юго-восточнее озера Ильмень и занять силами 16 немецкой армии район Залучье—Лычково—Демянск и далее на восток до берегов озёр Велье и Селигер. В течение последующих 17 месяцев противник упорно и настойчиво стремился удерживать за собой захваченный плацдарм и превратил его в мощный укрепленный район, назвав его «Демянской крепостью». Немцы рассчитывали использовать этот укрепленный район для развёртывания удара на важнейшие коммуникации северной группы наших войск. За это же время указанный район неоднократно был ареной ожесточённых боёв, в которых перемалывались немецкие дивизии.

На днях войска Северо-Западного фронта под командованием маршала Тимошенко перешли в наступление против 16-й немецкой армии. В ходе боёв наши войска, прорвав на ряде участков сильно укрепленную полосу противника, создали реальную угрозу двойного окружения немецко-фашистских войск. Противник, почувствовав опасность окружения, начал под ударами наших войск поспешное отступление на запад.

За 8 дней боёв наши войска, неотступно преследуя противника, освободили 302 населённых пункта, в том числе город Демянск и районные центры Лычково, Залучье. Очищена от противника территория площадью в 2.350 квадратных километров.

За восемь дней боёв наши войска захватили в плен 3.000 немецких солдат и офицеров.

За это же время взяты следующие трофеи: самолётов—78, танков—97, орудий разного калибра—289, пулемётов—711, а также большое количество боеприпасов и много другого военного имущества.

Противник оставил на поле боя более 8.000 трупов.

С о в и н ф о р м б ю р о .

«Правда» от 3 марта 1943 г.

I.

НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОД РЖЕВ

Несколько дней назад наши войска начали решительный штурм города Ржева. Немцы давно уже превратили город и подступы к нему в сильно укрепленный район. Сегодня, 3 марта, после длительного и ожесточённого боя наши войска овладели Ржевом.

По неполным данным, взяты следующие трофеи: танков—112, орудий разного калибра—78, паровозов—85, вагонов—1.200, складов разных—5, а также много снарядов, мин, пулемётов, винтовок и другого военного имущества.

Противник оставил на подступах к городу и в самом Ржеве убитыми до 2.000 солдат и офицеров.

Первыми ворвались в город части генерал-майора тов. Куприянова А. Ф., генерал-майора тов. Олешева Н. Н. и полковника тов. Шульга В. П.

II.

НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОДА ЛЬГОВ И ДМИТРИЕВ-ЛьГОВСКИЙ

Наши войска после упорных боёв заняли город и железнодорожный узел Льгов. Взяты большие трофеи, среди которых 148 вагонов снарядов, 22 вагона пороха, 3 склада с боеприпасами и отдельно большие штабеля снарядов, 2 склада с инженерным имуществом.

После решительной атаки наши войска заняли город Дмитриев-Льговский. Взяты трофеи, которые подсчитываются.

С о в и н ф о р м б ю р о .

«Правда» от 4 марта 1943 г.

НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОДА ОЛЕНИНО, СЕВСК, СУДЖА, СТАНЦИЮ ЧЕРТОЛИНО

1) 4 марта западнее Ржева наши войска, продолжая развивать наступление, овладели городом и железнодорожной станцией Оленино, а также заняли крупную железнодорожную станцию Чертолино. Железная дорога Москва—Ржев—Великие Луки на всём протяжении очищена от противника.

2) В Орловской области наши войска после упорного боя заняли город Севск.

3) В Курской области наши войска в результате решительной атаки овладели городом и железнодорожной станцией Суджа.

Совинформбюро,

«Правда» от 5 марта 1943 г.

НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОД ГЖАТСК

В результате двукратного штурма наши войска овладели городом Гжатск. Захваченные трофеи подсчитываются.

Совинформбюро.

«Правда» от 7 марта 1943 г.

НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОД СЫЧЕВКА

8 марта наши войска, после упорных двухдневных боёв, сломали сопротивление противника и овладели городом и железнодорожной станцией Сычевка (севернее города Вязьма).

В боях на сычевском направлении и за город Сычевка нашими войсками взяты следующие трофеи: самолётов — 8, танков — 310, орудий разного калибра — 40, пулемётов — 250, паровозов — 22, вагонов и железнодорожных цистерн — 215, а также много снарядов, мин, патронов и другого военного имущества.

Противник потерял только убитыми до 8.000 солдат и офицеров.

Совинформбюро.

«Правда» от 10 марта 1943 г.

НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОД БЕЛЫЙ

10 марта наши войска, продолжая развивать наступление, овладели городом Белый (Смоленская область).

Взятые трофеи подсчитываются.

Совинформбюро.

«Правда» от 11 марта 1943 г.

НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОД ВЯЗЬМУ

12 марта войска Западного фронта, под командованием генерал-полковника тов. Соколовского В. Д., после решительного штурма овладели городом и железнодорожным узлом Вязьма.

В боях за город Вязьму нашими войсками взяты следующие трофеи: самолётов — 8, танков — 83, орудий разного калибра — 69, пулемётов — 222, автомашины и тракторов — 565, паровозов — 57, вагонов — 515, большое количество снарядов, патронов и другого военного имущества, которое подсчитывается.

Противник потерял только убитыми более 9.000 солдат и офицеров.

В боях за город Вязьму отличились войска генерал-лейтенанта тов. Гордова В. Н. и генерал-лейтенанта тов. Поленова В. С. Первыми ворвались в город части полковника тов. Петерс и полковника тов. Яблокова.

Совинформбюро.

«Правда» от 13 марта 1943 г.

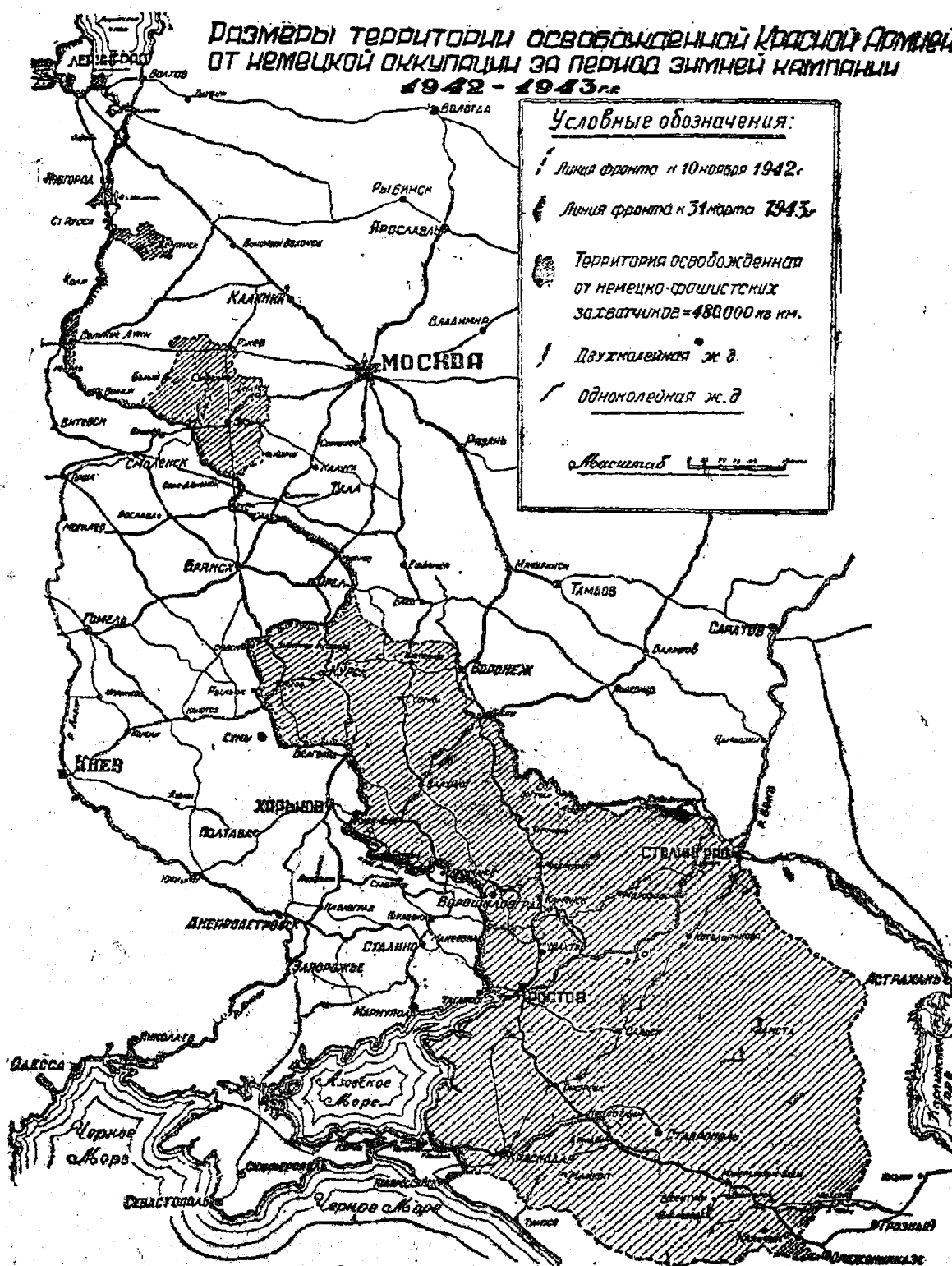
ИТОГИ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ КРАСНОЙ АРМИИ

(С 10 ноября 1942 года по 31 марта 1943 года)

31 марта с. г. Красная Армия завершила зимнюю кампанию против немецко-фашистских войск.

За время зимней кампании советские войска нанесли вражеским армиям тяжёлые военные поражения. Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам крупнейшее в истории войд поражение под Сталинградом, разгромила немецкие войска на Северном Кавказе и Кубани, нанесла ряд тяжёлых поражений врагу в

Размеры территории освобожденной Красной Армией от немецкой оккупации за период зимней кампании 1942 - 1943 гг.

районе среднего Дона и Воронежа, ликвидировала вражеские плацдармы на Центральном фронте (Ржев—Тжаток—Вязьма) и в районе Демянска, прорвала блокаду Ленинграда.

За 4 месяца и 20 дней наступления Красная Армия в труднейших условиях зимы продвинулась на запад на некоторых участках до 600—700 километров. Советские войска освободили от немецких захватчиков огромную территорию в 480.000 квадратных километров. В результате наступления Красной Армии были очищены от врага районы страны, имеющие важное экономическое и военно-стратегическое значение. Полностью освобождены Воронежская и Сталинградская области, Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская и Калмыцкая автономные республики, Ставропольский край, Черкесская, Карачаевская и Адыгейская автономные области, почти целиком Краснодарский край, Ростовская и Курская области, значительная часть Ворошиловградской, Смоленской и Орловской областей с десятками крупных городов и многими тысячами сёл и деревень.

Красная Армия, отбросив врага на запад, освободила важнейшие водные и железнодорожные коммуникации страны, в том числе восстановила прерванный врагом осенью 1942 года Волжский путь, очистила от вражеских войск всё течение Дона. Освобождены от врага и пушены в эксплуатацию железнодорожные магистрали: Сталинград—Поворино, Сталинград—Лихая—Ворошиловград, Сталинград—Краснодар, Владикавказ — Ростов-на-Дону, Лиски — Миллерово — Шахты — Ростов-на-Дону, Елец — Касторная — Валуйки — Ворошиловград, Москва — Вязьма, Москва — Ржев — Великие Луки и многие другие.

За время наступления Красной Армии с 10 ноября 1942 года по 31 марта 1943 года нашими войсками захвачены следующие трофеи: самолётов — 1.490, танков — 4.670, орудий разного калибра — 15.860, миномётов — 9.835, пулемётов — 30.705, винтовок — свыше 500.000, снарядов — 17 миллионов, патронов — 128 миллионов, автомашин — 123.000, паровозов — 890, вагонов — 22.000, складов с разным военным имуществом — 1.825, а также большое количество радиостанций, мотоциклов и много другого военного имущества.

За это же время нашими войсками уничтожено 3.600 самолётов противника, 4.520 танков, 4.500 орудий.

Всего противник за время нашего зимнего наступления потерял: самолётов — 5.090, танков — 9.190, орудий — 20.360.

С 10 ноября 1942 года по 31 марта 1943 года захвачено в плен 343.525 вражеских солдат и офицеров.

За это же время противник потерял только убитыми более 850.000 солдат и офицеров.

С о в и н ф о р м б ю р о .

«Правда» от 3 апреля 1943 г.

ЗВЕРСТВА ФАШИЗМА

ЗВЕРСТВА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЛЮДОЕДОВ В РОСТОВЕ НА ДОНУ

Ниже публикуются акт и фотодокументы о чудовищных преступлениях немецко-фашистских мерзавцев в Ростове на Дону:

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о нижеследующем: после занятия Ростова немецкий комендант города генерал-майор Киттель организовал массовое истребление мирных жителей города. Многие сотни граждан были обязаны вместе с детьми явиться на сборные пункты, захватив с собою ценные вещи и трёхдневный запас продовольствия. На сборных пунктах явившихся сажали на грузовики и вывозили за город. В районе Ботанического сада и Зоопарка, взрослых расстреливали, а детей отравляли, смазав им губы сильно действующими ядовитыми веществами. По неполным данным, немецкие палачи расстреляли и отравили 15—18 тысяч человек. Среди расстрелянных — заведующий глазным отделением 2-й Советской больницы доцент Киршман, врач-терапевт Инал, юрист Луцкий, заместитель директора завода им. Ворошилова Буняков и его жена, доцент Нозиков, его мать — 70 лет, жена и восьмилетний сын, доктор Шершневская, медицинская сестра Симанович, токарь Павловская и другие.

За время оккупации города, особенно перед его оставлением, немецкие варвары разграбили, взорвали и сожгли многие промышленные предприятия Ростова. Разрушены завод Ростсельмаш им. Сталина, завод «Красный Аксай», паровозоремонтный завод имени Ленина, колбасная фабрика «Красная звезда», консервный завод «Смычка», чугуно-литейный завод им. Воровского, мукомольно-макаронный комбинат № 2, механический завод имени Ворошилова, один из крупнейших в стране механизированный хлебозавод, ростовская электро-теплоцентраль, автобусный парк, трамвайный парк, трамвайная и троллейбусная сеть по всему городу, почтамт и телеграф, типографии, водопровод, канализация, кино-механические мастерские, различные пищевые фабрики, комбинаты и другие крупнейшие предприятия и сооружения.

Немецкие варвары сожгли свыше 2 миллионов книг Областной Государственной библиотеки и разорили 25 библиотек. Ценнейшие книги, являющиеся редкостью и представляющие огромную научную ценность, были уничтожены или вывезены в Германию. Оккупанты разрушили основные корпуса Центральной городской больницы, 1-ю, 3-ю и 4-ю Поликлиники, Поликлинику железнодорожников и другие. Некоторые больницы были уничтожены вместе с находившимися в них больными. Фашистские мародёры вывезли из больниц в Германию ценнейшую медицинскую аппаратуру и инструменты.

Варвары разрушили и сожгли лучшие общественные здания города: Дом Советов, гостиницы «Интурист» и «Интернационал», Драматический театр им. Горького, театр Эстрады, театр Юного Зрителя, театр Музыкальной Комедии, кинотеатры «Гигант» и «Хроника», Дом Просвещения, Дворец культуры завода Ростсельмаш имени Сталина, клубы профсоюзов электриков, медсантруда и работников связи, Институт инженеров железнодорожного транспорта, научно-исследовательские лаборатории и клиники Ростовского Медицинского института, Педагогический институт, здание Физико-математического факультета университета им. Молотова, Техникум Связи, Строительный техникум, музыкальное училище, свыше 50 средних школ, Музей Революции, Музей Краеведения, Академическую библиотеку и другие.

Взорваны и сожжены все жилые дома по улице Энгельса, от вокзала до Ворошиловского проспекта, большая часть зданий по Пушкинской, Шаумяна и Социалистической улицам, начиная от вокзала до Будённого проспекта, а также значительная часть помещений и жилых зданий по Будённого, Театральному и Ворошиловскому проспектам, в посёлке «Ростсельмаш», Олимпиадовка и других местах. Парк имени Горького был гордостью ростовчан. Немецкие варвары вырубали в парке самые ценные деревья, разрушили фонтаны и павильоны.

Разрушение общественных и жилых зданий происходило следующим образом: специальные команды сапёр — поджигателей и подрывников закладывали мины, взрывали здания, остатки обливали бензином и поджигали. Бандиты даже не считали нужным предупредить об этом жителей. Под обломками разрушенных зданий погибли сотни людей.

Под угрозой расстрела гитлеровцы отправили многих жителей Ростова на каторгу в Германию. По приказу коменданта города все мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 15 до 50 лет были зарегистрированы. У них были отобраны паспорта. Затем зарегистрированные собирались в сборных пунктах. Под угрозой расстрела их сажали в вагоны и отправляли, как скот, на запад. Таким образом были отправлены в Германию многие тысячи советских людей. Оставшиеся жители Ростова были обречены на вымирание от голода и болезней.

Отступая под ударами Красной Армии, немецкие оккупанты казнили в городской тюрьме 135 арестованных жителей Ростова. Перед этим палачи подвергли свои жертвы страшным пыткам — отрезали носы, выкалывали глаза, отрубали ноги, руки. После этого гитлеровцы взорвали здание тюрьмы вместе с находившимися в нём заключёнными советскими гражданами. Во дворе тюрьмы обнаружено 1.154 трупа, в том числе 122 трупа женщин и 57 трупов детей. Среди расстрелянных и замученных в тюрьме опознаны трупы инженера Георгия Жданова, работницы Анны Михайловой и других.

Улицы и площади Ростова, обогранные кровью мирных советских граждан, носят следы чудовищных преступлений немецко-фашистских подлецов.

Одержимые звериной злобой к советскому народу, к нашей культуре, ко всему русскому, гитлеровцы разрушили всё, что создано русским народом за долгие годы существования города, и всё, что создано советскими людьми на протяжении 25 лет. Разрушения эти отнюдь не вызывались военными соображениями.

Кровь наших братьев, сестёр вопиет о мести. От имени всех граждан города Ростова на Дону мы требуем сурового возмездия бандитам за все их мерзкие и гнусные злодеяния.

Акт подписали: и. о. председателя Исполкома Горсовета депутатов трудящихся С. Бурменский, инженер пивоваренного завода «Заря» И. Звензек, профессор Н. Стасевич, профессор В. Карницкий, майор Я. Донской, майор П. Седов, капитан А. Токарёв, рабочий артели «Метиз» А. Дибров, уполномоченный посёлка «Новый городок» А. И. Макеева, мастер Лензавода В. Бочаров, техник фабрики им. Микояна С. Токарев.

Кровавые злодеяния немцев в Ростове на Дону — это лишь небольшая часть проводимой гитлеровцами чудовищной программы истребления советского народа, разрушения всех материальных и культурных ценностей во временно захваченных районах. Немцы разрушают все захваченные ими советские города и сёла, грабят и уничтожают культурные и исторические ценности народов Советского Союза. Гитлеровцы пытаются, расстреливают и венчают мирных жителей, не останавливаясь перед убийством беззащитных женщин и детей. Они насильственно угоняют советских граждан на каторгу в Германию, заключают их в концлагеря и обрекают на неизбежную смерть от голода, побоев и изнурительного труда.

Опубликованный выше акт даёт яркое представление о том «новом порядке», который насаждают немецко-фашистские подлецы в захваченных ими странах и областях. Там, где ступила нога гитлеровского солдата, замирает всякая культурная жизнь, наступает одиночье и запустение.

Немецкие мерзавцы, вторгшиеся в нашу страну, заливающие кровью советскую землю, ответят за всё — за муки невинных людей, за убийства женщин и детей, за все насилия, за разбой и разрушения. Близок час возмездия!

С о в и н ф о р м б у р о .

СООБЩЕНИЕ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР.

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В Г.Г. ВЯЗЬМЕ, ГЖАТСКЕ И СЫЧЕВКЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И В ГОР. РЖЕВЕ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Отступая под ударами Красной Армии, немецко-фашистская армия беспощадно уничтожает советские города и сёла, применяя насилие, пытки, истязания и совершая убийства мирных граждан, а также советских военнопленных.

История ещё не знает такого массового истребления людей, какое учиняют немецко-фашистские захватчики. Чувство жалости и милосердия им неизвестно. С чудовищной жестокостью они глумятся над беспомощными стариками. Их не останавливают ни слёзы матерей, ни протянутые с мольбой о помощи детские руки. Воспитанная Гитлером немецкая армия истязает и умерщвляет всех, кто немцам не нужен, а тех, кто на них может работать, они увозят, как скот, в Германию, на рынки рабов.

Председатель Чрезвычайной Государственной Комиссии Н. М. Шверник и член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай Митрополит Киевский и Галицкий лично установили в Вяземском, Гжатском, Сычёвском и Ржевском районах факты чудовищных злодеяний немецких оккупантов, истязания, пытки, убийства, увоз советских граждан в немецкое рабство, разрушение городов, сёл и деревень.

Злодеяния немецких фашистов и их сообщников подтверждены показаниями советских граждан, проживавших во время оккупации в этих районах, а также актами, составленными комиссиями из представителей советских, хозяйственных, кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций и рабочих, служащих, колхозников, городской и сельской интеллигенции и военнослужащих.

Убийства и истязания советских граждан

Поставив своей целью уничтожить Советское Государство, лишить советских людей крова и национальной культуры и превратить их в немецких рабов, германское военное командование приказало своим воинским частям беспощадно расправляться не только с военнопленными, но и с мирным населением сёл и городов Советского Союза.

В районах Вязьмы и Гжатска, Ржева и Сычевки командующие 4-й германской армией генерал-полковник Хейнриц и 9-й германской армией генерал-полковник Модель, не считаясь ни с какими законами человеческой морали, глумились, истязали и убивали мирных ни в чём не повинных советских граждан. По их приказанию офицеры и солдаты германских воинских частей пытали, выкалывали глаза, отрезали ноги, руки, уши, убивали женщин, детей и стариков.

Часть жандармского корпуса генерала Шимана, бургомистр Арнольд Штаммп и начальник гестапо барон Адлер замучили и убили в городе Вязьме тысячи мирных граждан.

10 декабря 1942 г. они вывезли на машинах за город 34 человека мужчин и женщин советских граждан, заставили их вырыть себе могилы и расстреляли их.

25 февраля 1942 г. фашисты расстреляли хирурга Вяземской городской больницы Бриштейна М. Д. 65 лет, врача-окулиста Лопырева А. Я. 62 лет и его 16-летнего сына.

Бессмысленному издевательству и зверствам подвергся В. И. Мурашевский 74-х лет. Он нес к себе домой ведро воды из уличного колодца. Немецкий солдат, проживавший с ним по соседству, позвал его к себе в дом и там зверски убил его. При осмотре трупа Мурашевского установлено, что правая щека у него разрезана и вывернута к правому уху, правое ухо оторвано, левый глаз выколот, веко вырезано треугольником, верхняя губа отрезана, на виске вырезан треугольник, кожа на затылке срезана бритвой.

Немецко-фашистские захватчики заставили женщин врачей работать в госпиталях санитарками. Ефрейтор Рихтер — комендант инфекционного отделения госпиталя, за малейшую провинность избивал до потери сознания санитарок и медсестёр. Русские врачи и медсестры не могли пользоваться уборными, на дверях которых висела надпись: «Русским вход запрещён, за нарушение расстрел».

В Сычевке беспощадно расправлялись с женщинами, детьми и стариками комендант города обер-лейтенант Кислер.

7 января 1943 г. он согнал около 100 евреев — женщин, стариков и детей, свачала избил их, потом вывел на окраину города и расстрелял.

28 февраля 1943 г. немецко-фашистские изверги согнали в дом 57 по Набережной улице больных тифом жителей Сычёвки, якобы, для оказания медицинской помощи, заперли их там и дом, подожгли. Усилиями медсестры Поповой и других медработников часть больных во время пожара была всё же спасена.

Около деревни Холмец Сычевского района понадобилось разминировать участок дороги. По распоряжению командира 102 германской пехотной дивизии генерал-майора Физлер фашисты согнали жителей деревни Холмец и погнали их по минированной дороге. Все эти люди погибли на взорвавшихся минах.

Фашистские власти заподозрили жителей деревни Корбутовки в связи с партизанами и сожгли деревню дотла. Колхознице Барановой, протестовавшей против такого разорения, немцы разрезали живот, изрезали лицо ножом, а детям её вывернула руки и проломали черепа.

В деревне Зайчики гестаповцы согнали в один дом Заикова Михаила, 61 года, Белякова Никифора, 69 лет, Бегорову Екатерину, 70 лет, Голубезу Екатерину, 70 лет, Дадонова Егора, 5 лет, Зернову Миру, 7 лет, и других, всего 23 человека, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нём.

В деревне Клыны немцы бросили в костёр ребёнка колхозницы Богдановой, а затем сожгли и её.

В деревне Васильевке немецкие палачи повесили железным крюком за челюсть председателя колхоза Тарбина и кладовщика Ермолинского. Виселица с их трупами долго стояла на улице.

При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 г. помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей из деревень Драчево, Злобино, Астахово, Мишино, закрыл двери и поджёг дом, в котором сгорели все 200 человек. Среди них были старики, женщины и дети: Платонов М. П. 63 лет; Платонова П. Л. 59 лет; Платонов Василий 35 лет и его дети Вячеслав 5 лет, Александр 3 лет; Васильева П. И. 42 лет, её дочери Мария 11 лет, Анна 9 лет и сын Аркадий 5 лет; мать Васильева М. С. 72 лет; Чистякова К. Г. 64 лет, её сын Иван 13 лет и внук Юрий 4 лет; Смирнов М. И. 63 лет и его жена Смирнова Е. М. 58 лет, их дочь А. М. 27 лет с детьми 3 лет и 1,5 года, дочь М. М. Смирнова 15 лет и другие.

В деревне Степаники, Гжатского района, немецкие захватчики посадили в баню Елену Фёдоровну Ильину 35 лет и 7 дней мучили её, истязали плетью, палками, обливали холодной водой.

8 января 1943 г. они согнали всех жителей деревни Степаники присутствовать при казни и повесили Ильину на дереве.

В деревнях Куликово и Колесняки, Гжатского района, фашисты сожгли в избе всех жителей от мала до велика.

В городе Ржеве на центральной площади, где раньше был памятник Ленину по приказу командующего 27 германским армейским корпусом генерал-майора Вейс, командант города майор Куртфельд установил виселицу, на которой повесил десятки мирных граждан: Александра Дроздова, Анну Пожарскую, Медоциева и других. Несколько тысяч человек были расстреляны.

20 марта 1943 года в доме № 47 Палова по улице Воровского были обнаружены убитые фашистами три женщины и трое маленьких детей. Имущество разграблено.

В соседнем доме обнаружена замученная немецкими солдатами семья Садова: отец и мать расстреляны, дочь Рая 12 лет заколото штыком, сын Валентия 15 лет убит выстрелом в правый глаз, дочь Зина 18 лет изнасилована и задушена, дочь Катя 5 месяцев застрелена в висок.

В одном из дворов квартала № 116, на огороде, обнаружено в яме 8 трупов советских граждан, обезображенных до неузнаваемости: Соловьева И. В. 30 лет, у которой отрезаны губы, Андреева А. К. 28 лет исколото штыком и другие.

Злодеяния над советскими военнопленными

Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские военные власти обрекают красноармейцев на вымирание от голода, тифа и дизентерии. Военнопленным не оказывают медицинской помощи.

В Вязьме имелся госпиталь для военнопленных в неотапливаемом каменном сарае. Лечения и ухода за больными никакого не было. Ежедневно умирало от 20 до 30 человек. Больным выдавали в день полжюльена супа без хлеба. По данным врача Михеева Е. А., в один из дней в этом госпитале умерло от истощения и болезни 247 человек. Кроме того, немецкие солдаты избивали в виде мишеней для стрельбы больных пленников красноармейцев, когда они проходили по двору госпиталя.

Хирургу Раздершину В. Н. вместе с группой врачей пришлось провести в помещении лагеря для военнопленных одну ночь. Врачи рассказывают, что всю ночь на разных помещениях лагеря доносились крики истязуемых: «спасите», «помогите», «за что бьёте», «ох, умираю».

Днём, во время раздачи еды, военнопленные стояли у кухни. Для наведения порядка немецкий охранник снял с ремня гранату и бросил её в толпу. Несколько человек было убито и много ранено.

В феврале 1943 года, перед отступлением из Вязьмы, фашисты привезли группу арестованных советских граждан и пленных красноармейцев на станцию Новоторжская, что около Вязьмы. Пока истощённых голодом людей переводили от Новоторжской до лагеря, многие из них падали от изнеможения. Немецкие конвоиры таких пристреливали. От Новоторжской до Вязьмы было пристрелено 43 человека.

Нечеловеческим истязаниям и казням подвергал советских военнопленных комендант лагеря № 2, старший унтер-офицер Рауутенбург.

После освобождения г. Сычевки от немецких оккупантов, там, в лагере, в огромном рву, было обнаружено свыше 3.000 трупов пленных красноармейцев и советских граждан. Осмотр трупов свидетельствует о зверских истязаниях: у многих перебиты руки, ноги, проломлены черепа, отрезаны носы, уши, выколоты глаза, отрезаны половые органы.

В деревне Харино в январе 1943 года фашисты согнали на скотный двор 79 военнопленных красноармейцев и сожгли их живыми.

В деревне Корытовка в ноябре 1941 г. немецкие солдаты тренировались в стрельбе по красноармейцам, убив таким образом 14 человек.

В июне 1942 г. по приказанию начальника жандармерии капитана Шульца из Вяземского лагеря военнопленных были выведены 5 красноармейцев, конвоиры велели им бежать и стали стрелять в них — трое были убиты сразу, а двоих раненых они добивали прикладами.

В Вязме, на Комсомольской улице один из красноармейцев отошёл от группы других пленных, чтобы напиться из ручья, текущего с края тротуара, немец-конвоир избил красноармейца прикладом, затем отвёл в сторону и застрелил.

Около станции Вязма пленный красноармеец зашёл в столовую для рабочих и попросил тарелку супа. За ним вошёл конвоир и потребовал, чтобы красноармеец немедленно вышел из столовой. Пленный попросил разрешения доест суп. Конвоир выгнал красноармейца из столовой на улицу и тут же у дверей застрелил его.

В декабре 1942 года немец-конвоир застрелил двух пленных красноармейцев на улице Софьи Перовской. Трупы их валялись на улице несколько дней.

Увод советских граждан в немецкое рабство

По далеко не полным данным, фашисты, за время оккупации, угнали на каторжные работы в Германию из Вязмы около 5.000 человек, из Сычёвки — 1.500 человек, из Гжатска и Ржева — около 10.000 человек.

2 марта 1943 г. угнали в Германию двух дочерей гражданина гор. Вязмы Виноградова — Веру 20 лет и Надежду 16 лет. В ответ на просьбу Виноградова пощадить его дочерей и не угонять их фашисты сожгли его дом.

Из деревень Куликово и Ивановской немцы отобрали 31 человека и угнали в Германию. Остальных жителей уничтожили, а деревни сожгли.

Из деревни Андреевское и Дятлово немецкие власти угнали в Германию 43 человека: Никонова Василия 40 лет, Малинину Раису 15 лет, Родионову Марию 40 лет, Чистова Василия 18 лет, Воронова Николая 33 лет, Халдееву Татьяну 48 лет, Сафонову Николая 41 года, Колосову Марию 45 лет, Фетисову Анну 16 лет, Веткина Егора 17 лет, Веткину Валентину 15 лет и других.

В списках граждан, которых немцы угоняют на каторжные работы в Германию, нет людей старше 50 лет и моложе 15 лет. Всех, кто старше и моложе, немцы истребляют беспощадно.

Разрушение городов, жилищ, культурных учреждений и церквей

Немецкие военные части грабят и разрушают жилые здания, культурные учреждения, предприятия и церкви. Причём всё это представляет собой не какие-то отдельные акты, совершаемые недисциплинированными воинскими частями, а определённую систему, заранее предусмотренную высшим военным командованием.

Разрушения городов и сёл, ограбление мирного населения, а также культурных учреждений и церквей в Ржевском, Сычевском и Гжатском районах произвели воинские части: 87 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Штудниц, 129 пехотной дивизии генерал-майора Брауна, 72 пехотной дивизии генерал-майора Мюллера, 14 мотодивизии генерал-майора Эвердина, 337 пехотной дивизии генерал-майора Шонемана, 268 пехотной дивизии генерала Грейнера.

В Вязме и Гжатске командиры: 35 пехотной дивизии генерал-майора Меркер, 252 пехотной дивизии генерал-майора Шефер, 7 пехотной дивизии генерал-майора Ропперт выделили специальные отряды факельщиков и минёров, которые поджигали и взрывали жилые дома, школы, театры, клубы, музеи, библиотеки, больницы, церкви, магазины, заводы, оставляя по пути своего отступления лишь пепел и развалины.

В Вязме из 5.500 зданий уцелел лишь 51 деревянный дом. Здесь с 20 февраля по 6 марта 1943 г. немцы произвели 476 взрывов, которыми уничтожены: 2 больницы, родильный дом, женская и детская консультации, туберкулёзный диспансер, туберкулёзный санаторий, 2 поликлиники и городская аптека, 15 школ, учительский институт, 2 медицинских школы, городской театр, кинотеатр, центральная публичная библиотека, дом пионеров, 4 рабочих клуба, детский дом, 5 детских яслей и 4 детских сада, дом учителя, дом Красной Армии, летний театр, дом колхозника, здания Госбанка, сберкассы, Горсовета, райисполкома, Горторготдела, Райсоюза, Нарсуда и Прокуратуры; здания городской бани и хлебозавода. Вырублено 2 городских парка. При отступлении из Вязмы немцы осыпали дванистой солью большинство колодезев, взор-

вали Духовскую и Троицкую церкви; взорвали Егорьевский, Зуевский, Фроловский, Сусленков и Смоленский мосты.

В Гжатске из 1.600 зданий уцелело только 300 домов. Взорваны и сожжены: городская электростанция, водопровод, больница, сельскохозяйственный техникум, 2 общежития техникума, Дом учителя, детские ясли, детский дом им. Ленина, кино-театр, городской клуб, клуб Красной Армии, пекарня, баня, завод промысловой кооперации «Металлист», дом инвалидов, районная ветлечебница, здание райвоенкомата и другие государственные предприятия и учреждения.

Церкви в Гжатске превращены были в конюшни и склады. В Благовещенской церкви немцы устроили бойню для рогатого скота. Предтеченская церковь и Казанский собор взорваны. Колодцы в городе отравлены и заминированы.

В Сычевке из 1.030 жилых домов взорвано и сожжено 770 зданий. Сожжён музей, в котором погибло свыше 5.000 картин, среди них были полотна Репина, Левитана, Перова, Айвазовского, Коровина и других, скульптуры Антокольского, золотые, серебряные и бронзовые вещи работы мастеров XVII, XVIII, XIX веков.

В Историко-краеведческом отделе музея погибла ценная коллекция орудий доисторического человека.

Взорваны и сожжены 3 средних и 2 начальных школы, школы ФЗО, колхозный техникум, дом учителя, дом пионеров, библиотека, больница, столовая, 2 детских дома, водонапорная башня, городская амбулатория, телеграф, радиоузел и другие здания.

В ночь с 5 на 6 марта, накануне отступления из Сычевки, немецкие оккупанты взорвали все 7 церквей, в том числе: старинную Старообрядческую и Кладбищенскую церкви, собор и монастырь.

Фашисты глумятся над религиозными чувствами русских людей. В Сычевке они разрешили открыть для богослужения Кладбищенскую церковь. Верующие пришли в церковь в праздничной одежде, тогда немцы окружили церковь, вывели из неё верующих и ограбили их.

В Сычевском районе из 248 деревень немецкие оккупанты сожгли до дна 137 деревень.

Старинный русский город — Ржев превращён немецкими оккупантами в груды развалин. Из 5.443 зданий осталось только 495 более или менее сохранившихся домов. Так, фашисты разрушили и сожгли драматический театр, кинотеатр, краеведческий музей, дворец пионеров, центральную библиотеку с 60.000 книг, 3 клуба, 22 начальных и средних школы, 21 детский сад, учительский институт, планово-экономический и сельскохозяйственный техникумы, фельдшерско-акушерскую школу, поликлинику, женскую консультацию, амбулаторию, больничный городок, баню, электростанцию и другие учреждения. Приведено в негодность железнодорожное хозяйство и подвижной состав. Оборудование промышленных предприятий вывезено в Германию.

Сожжены и разрушены корпуса заводов: № 307, спиртозавода, маслозавода, механического завода, лесозавода и фабрик шёлко-крутильной, пуговичной и других. Немцы взорвали железнодорожный мост через Волгу и 5 мостов через реку Холынку.

В Ржеве фашисты вырубали все сады и парки до последнего дерева. Разрушены: Успенский собор, Варваринская, Единоверческая, Екатерининская, Рождественская, Ильинская, Смоленская, Казанская, Вторая Покровская Старообрядческая, Третья Покровская Старообрядческая, Предтеченская, Владимирская, Спасская, Богословленная Старообрядческая церкви и польский костёл.

Покровскую церковь немцы разграбили и увезли все ценности. В церкви они устроили казармы для солдат. Священника Андрея Полова расстреляли. Перед отступлением фашисты заминировали Покровскую церковь и согнали в неё около 200 мирных жителей. Тех, кто отказывался идти, или не мог дойти до церкви — мужчин, женщин и детей, фашисты расстреливали «за неповиновение немецким властям». Согнав жителей в церковь, они наглухо закрыли двери, но церковь взорвать не успели, — ворвавшиеся в город части Красной Армии помешали им осуществить это преступление.

Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР считает ответственными за истязание и истребление мирных граждан и военнопленных, за увод советских людей в немецкое рабство, за произведенное разрушение городов Вязьмы и Гжатска, Сычевки и Ржева, а также сёл и деревень командующего 4-й германской армией генерал-полковника Хейнриц и командиров 7, 35, 98, 252, 268 пехотных дивизий и жандармского корпуса, входящих в эту армию: генерал-майора Ронперт, генерал-майора Меркер, генерал-майора Гараис, генерал-майора Шефера, генерала Грейнер, командира жандармского корпуса генерала Шимана; командующего 9-й германской армией генерал-полковника Модель, командира 27 армейского корпуса генерал-майора Вейс, командиров 6, 72, 87, 102, 129, 337 пехотных дивизий, входящих в эту армию: генерал-лейтенанта Гросман, генерал-майора Мюллер, генерал-лейтенанта Штудниц, генерал-майора Физлер, генерал-майора Браун, генерал-майора Шонеман, генерал-майора Эвердин; бургомистра города Вязьмы Арнольда Штаммп, начальника гестапо барона Адлер; коман-

данта города Сычэвки обер-лейтенанта Кислера, начальников лагерей для военнопленных, старших унтер-офицеров Фокс и Рауутенберг; военного коменданта города Ржева майора Куртфельд, коменданта города Гжатска обер-лейтенанта Лейман. Они должны понести суровую ответственность и заслуженное наказание за все их nefarious злодеяния и преступления, совершённые против народов СССР.

«Правда» от 7 апреля 1943 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

ЛОНДОН, 25 февраля. (ТАСС). Как передаёт агентство Рейтер, сегодня вечером Польское Правительство опубликовало следующее заявление о русско-польских отношениях «25 февраля Польское Правительство обсудило польско-советские отношения на заседании под председательством генерала Сикорского и приняло следующее решение: «Польское Правительство снова подтверждает, что ни до начала нынешней войны, ни во время войны польский народ не соглашался на какое-либо сотрудничество с немцами против Советского Союза. В своих взаимоотношениях с СССР Польша постоянно проявляла готовность к сотрудничеству с Советским Союзом в ведении войны и к сохранению дружественных и добрососедских отношений после победы. Польское Правительство самым решительным образом отвергает злостную пропаганду, обвиняющую Польшу в косвенных или прямых враждебных тенденциях по отношению к Советской России. Совершенно нелепо подозревать Польшу в намерениях построить восточные границы Польской республики на Днестре или Чёрном море или же приписывать Польше какие-либо тенденции к распространению своих границ далее на Восток.

Польское Правительство, представляющее Польшу в тех границах, в которых она, первая из Объединённых наций, вступила в навязанную ей борьбу, неизменно придерживалось с момента заключения польско-советского договора от 30 июля 1941 г. той позиции, что в вопросе о границах между Польшей и Советской Россией сохраняется статус-кво, существовавший до 1 сентября 1939 года, и считает, что подрыв этой позиции, соответствующей Атлантической хартии, вредит единству Объединённых наций. Польское Правительство считает, что тесное сотрудничество и доверие между всеми союзниками является необходимым фактором победы и постоянного мира, и клеймит все акты и заявления, направленные к нарушению или ослаблению единого фронта Объединённых наций».

СООБЩЕНИЕ ТАСС ПО ПОВОДУ ДЕКЛАРАЦИИ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 25 ФЕВРАЛЯ С. Г.

Опубликованное 25 февраля сего года заявление Польского Правительства в Лондоне о советско-польских отношениях свидетельствует о том, что Польское Правительство не хочет признать исторических прав украинского и белорусского народов быть объединёнными в своих национальных государствах. Продолжая, видимо, считать законной захватническую политику империалистических государств, деливших между собой исконные украинские и белорусские земли, и игнорируя всем известный факт происшедшего уже воссоединения украинцев и белоруссов в недрах своих национальных государств, Польское Правительство таким образом выступает за раздел украинских и белорусских земель, за продолжение политики раздробления украинского и белорусского народов.

Советские руководящие круги считают, что отрицание права за украинским и белорусским народами на воссоединение со своими единокровными братьями свидетельствует о наличии империалистических тенденций, а ссылки Польского Правительства на Атлантическую Хартию не имеют под собой никакой почвы. Атлантическая Хартия не даёт никому права посягать на национальные права украинцев и белоруссов, а, наоборот, она исходит из принципов признания национальных прав народов, в том числе украинского и белорусского народов.

Даже известный британский министр лорд Керзон, несмотря на его недружелюбное отношение к СССР, понимал, что Польша не может претендовать на украинские и белорусские земли, а польские правящие круги до сих пор не хотят проявить понимание в этом вопросе.

Утверждение польских правящих кругов, что Польша до начала нынешней войны не соглашалась на какое-либо сотрудничество с Германией против Советского Союза, не соответствует действительности, так как всему миру известна профашистская политика сближения с гитлеровской Германией польского правительства и его министра Бека, стремившихся противопоставить Польшу Советскому Союзу.

Если чему и учит современная война, то прежде всего тому, что славянские народы не должны враждовать между собою, а должны жить в дружбе, чтобы избавиться от опасности немецкого ига. Польские правящие круги ничему не научились, если они покушаются на украинские и белорусские земли и тем культивируют вражду между польским народом и народами Украины и Белоруссии, так как такая политика польских правящих кругов ослабляет прежде всего самую Польшу и ломает единый фронт славянских народов в борьбе с германским нашествием.

Заявление польского правительства свидетельствует о том, что теперешние польские правящие круги в данном вопросе не отражают подлинного мнения польского народа, интересы которого в борьбе за освобождение своей родины и возрождение крепкой и сильной Польши неразрывно связаны с делом всемерного укрепления взаимного доверия и дружбы с братскими народами Украины, Белоруссии, равно как с русским народом и с другими народами СССР.

«Правда» от 3 марта 1943 года.

НОТА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О РЕШЕНИИ ПРЕРВАТЬ ОТНОШЕНИЯ С ПОЛЬСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

25 апреля сего года Народный Комиссар Иностранных Дел г. В. М. Молотов передал польскому послу г-ну Ромеру ноту Советского Правительства следующего содержания:

«Господин Посол,

По поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик я имею честь довести до сведения Польского Правительства нижеследующее:

Поведение Польского Правительства в отношении СССР в последнее время Советское Правительство считает совершенно ненормальным, нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств.

Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу имени же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена Польским Правительством и вячески разжигается польской официальной печатью. Польское Правительство не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или разъяснениями по этому поводу.

Гитлеровские власти, совершив чудовищное преступление над польскими офицерами, разыгрывают следственную комедию, в инсценировке которой они использовали некоторые подобранные ими же самими польские профашистские элементы из оккупированной Польши, где всё находится под пятой Гитлера и где честный поляк не может открыто сказать своего слова.

Для «расследования» привлечен как польским правительством, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер. Понятно, что такое «расследование», осуществляемое к тому же за спиной Советского Правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей.

То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плаце, — это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и Польским Правительством имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании.

В то время, как народы Советского Союза, обливаясь кровью в тяжелой борьбе с гитлеровской Германией, напрягают все свои силы для разгрома общего врага русского и польского народов и всех свободолюбивых демократических стран, Польское Правительство в угоду тирану Гитлеру наносит вероломный удар Советскому Союзу.

Советскому Правительству известно, что эта враждебная кампания против Советского Союза предпринята Польским Правительством для того, чтобы путем использования гитлеровской клеветнической фальшивки произвести нажим на Советское Правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет интересов Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы.

Все эти обстоятельства вынуждают Советское Правительство признать, что нынешнее правительство Польши, скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу.

На основании всего этого Советское Правительство решило прервать отношения с Польским Правительством.

Прошу Вас, господин Посол, принять уверения в моем весьма высоком уважении.

В. Молотов».

«Правда» от 28 апреля 1943 г.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ТАРЛЕ Е., акад. «Нахимов». Изд. Академии наук СССР. М.—Л. 1942. 127 стр. 6 руб.

Боевые подвиги черноморских моряков под руководством адмирала Нахимова вдохновляли и вдохновляют черноморцев и всех советских моряков в борьбе против фашистских извергов. Это придаёт особенную актуальность известной работе Е. В. Тарле «Нахимов», переизданной в 1942 году.

В первой главе своей книги Е. В. Тарле с присущим ему мастерством рисует образ Нахимова, используя при этом большой документальный и мемуарный материал. Приведённая автором выдержка из приказа Нахимова раскрывает перед читателем основные черты этой исключительной натуры и стиль его руководства: «Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает своё дело» (стр. 17).

Нахимов знал, что русские моряки безраздельно преданы своей родине и никогда не подведут в бою; он был твёрдо уверен в своих подчинённых. И моряки крепко любили своего Павла Степановича, он пользовался среди них безграничным авторитетом. Несколько его слов, сказанных просто, от сердца, было достаточно, чтобы изнурённые и измученные непрерывными боями бойцы снова обретали бодрость и мужество.

Автор рассказывает, как под сильным огнём неприятеля, в невероятно тяжёлых условиях были построены блиндажи на 4-м бастионе и лучшей наградой для матросов, строивших их, были слова пришедшего на бастион адмирала: «Теперь я вижу, что для черноморца невозможного ничего нет» (стр. 65).

Е. В. Тарле отмечает тесную связь, существовавшую между адмиралом и всеми защитниками Севастополя.

Нахимову присущ был глубокий демократизм в отношении к матросской массе; об этом свидетельствуют приводимые автором высказывания Павла Степановича: «Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми!» Или: «Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют... Вот кого нам

нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы не себялюбивы, а действительные слуги отечества» (стр. 11).

Вторая, не менее яркая черта Нахимова — это его патриотизм. Нахимов горячо любил свою родину, для него не было ничего священнее русской земли и русского военно-морского флота. Эта мысль ярко иллюстрируется следующими строками из письма Нахимова от 24 марта 1855 г. к отцу одного из погибших при защите Камчатского люнета моряков: «Согласившись на просьбу сына, вы послали его в Севастополь не для наград и отличий, движимые чувством святого долга, лежащего на каждом русском, и в особенности моряке» (стр. 101).

Как правильно отмечает Тарле, роль Нахимова и его соратников всё-таки не будет ясна, если не сказать о том, в какой степени они были лишены поддержки со стороны всего центрального аппарата и прежде всего морского министерства. Автор ярко рисует рутинные порядки, господствовавшие тогда в николаевской России, особенно останавливаясь на характеристике военной бюрократической машины, так тормозившей повседневную работу Нахимова.

Автор правильно подчеркнул то обстоятельство, что Нахимов был новатором в морском деле, а вовсе не «заядлым парусником» и принципиальным противником парового флота, каким его пытались изображать некоторые авторы. Очень характерны для Нахимова приведённые автором строки из письма Нахимова к Меншикову от 11 (23) мая 1853 г.: «В настоящее время в крейсерстве пароходы необходимы, без них, как без рук; если есть в Севастополе свободные, то я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство прислать ко мне в отряд по крайней мере два» (стр. 17).

Автор показал Нахимова не только как выдающегося флотоводца, обладавшего к тому же исключительно высокими моральными качествами, но и как человека высокой культуры, с большим политическим кругозором.

Наряду с бесспорными достоинствами книги нельзя не отметить в ней и некоторые недочёты.

Е. В. Тарле уделяет непропорционально много места характеристике отдельных

царских сановников, связанных в своей деятельности с адмиралом Нахимовым. Так, характеристика Меншикова сделана настолько подробно (см. стр. 34—52, 57, 58, 60, 68, 69, 78, 85), что местами заслоняет фигуру главного героя книги.

Нельзя также согласиться с утверждением автора, что «береговые батареи у турок в Синопе были хорошие» (стр. 18).

Ф. Энгельс в своей статье «Синоп и Ахалшых», говоря об этом периоде, особенно подчёркивает плохое их состояние; он называет Синопскую бухту и гавань «просто прикрытым рейдом... защищаемым несколькими заброшенными и плохо построенными батареями»¹.

На судах у турок артиллерия была несколько лучше, чем на берегу, но в общем всё же в отношении артиллерии у русских было явное превосходство, и не только с количественной, но и с качественной стороны. К сожалению, в книге ничего не говорится о применении русским флотом в синопском бою бомбических пушек и бомбических (гранатных разрывных) снарядов, сыгравших очень важную роль в разгроме турецкой эскадры. О важности этого факта свидетельствуют многочисленные источники. Так, например, известный исследователь русской военно-морской истории А. Кротков говорит: «Действие русской морской артиллерии было превосходное: бомбические орудия вполне оправдали ожидания, на них возложенные, и со служили свою службу, прицельная стрельба разрывными снарядами принесла большую пользу»².

Нам кажется, что этот факт не только не умаляет геройства русских моряков и флотоводческого искусства Нахимова, но, наоборот, показывает ещё ярче адмирала Нахимова как новатора, умело применившего с таким эффектом новую технику.

Отметим некоторые неточности, допущенные в книге Е. В. Тарле:

На стр. 21 говорится о том, что русская эскадра выпустила под Синопом «без малого 17 тысяч снарядов (16 800)», на самом же деле тогда было выпущено 18 055 сна-

рядов. В данном случае автор отождествил количество выстрелов, которых было сделано 16 865, с количеством выпущенных снарядов, которых, как видим, было больше, так как 1190 выстрелов было сделано двумя снарядами³.

Или на стр. 14 из описания автором десантной операции Нахимова 24 сентября 1853 г. можно сделать вывод, что все участвовавшие в ней суда высаживали войска с вооружением в одном пункте, а именно в Анакрии. На самом же деле там производилась только высадка войск с линейных кораблей и других боевых судов, транспорты же выгружали все грузы в Сухум-Кале.

При перечислении классов кораблей, участвовавших в данной операции, в книге пропущены два корвета, почему не совпадает и общее количество судов. У автора названо 32, на самом деле их было 34.

Только недосмотром редакции, а также и самого автора можно объяснить такое заявление, помещённое на стр. 35: «Об императоре Николае, о наследнике, о Нессельроде, о Паскевиче речь будет идти в других частях (1) работы о Крымской войне» (разрядка моя. — Р. М.). «Нахимов» — самостоятельно изданный очерк, хотя и составленный, как правильно указано в примечании (стр. 7), из материалов двухтомной монографии «Крымская война», того же автора, однако отсылать читателя к этой работе, да ещё ко второму тому, который пока ещё не вышел, — это, конечно, недоразумение.

В заключение следует отметить, что указанные выше недочёты легко могли быть устранены путём небольших исправлений, особенно после первого издания книги «Нахимов» Воениздатом в 1940 году. Но автор не внёс почти никаких поправок во 2-е издание работы. Издание 1942 г. отличается от издания 1940 г. лишь наличием авторского предисловия и несколько иным художественным и типографским оформлением.

Этими несколькими замечаниями мы не хотим умалить общие достоинства работы Е. В. Тарле и несомненную полезность её переиздания. Приходится лишь пожалеть о том, что издательство Академия наук переиздало книгу в таком ничтожно малом тираже — всего 5 тыс. экземпляров.

Р. Мордвинов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 588.

² Кротков А. «Краткая повседневная запись замечательных событий в русском флоте из Военно-морского учёного отдела Главного Морского Штаба», стр. 487. 1893.

³ См. таблицу в цитированной книге А. Кроткова, стр. 390.

РУБИНШТЕЙН Н. Полководческое искусство Суворова. Саробл-
гиз. 1942. 59 стр.

Небольшая работа Н. Рубинштейна посвящена интереснейшему вопросу — характеристике военного искусства гениального русского полководца А. В. Суворова. Несмотря на небольшой объём этой брошюры, предназначенной для массового читателя, она весьма содержательна — насыщена свежими мыслями и достаточным конкретным материалом, рисующим Суворова как полководца.

Структура брошюры чёткая. Текст её разбит на разделы, заголовки которых облегчают читателю ориентировку в содержании этой работы. Три первых раздела характеризуют основные принципы полководческого искусства Суворова, рисуют его как новатора в области теории и практики военного дела своего времени. Четвёртый раздел даёт краткую справку о военной службе полководца. Следующие пять разделов на примере пяти конкретных эпизодов боевой жизни Суворова показывают применение им на практике основных положений «Науки побеждать». Наконец, в особом кратком заключении даётся сводная историческая оценка деятельности Суворова.

Наибольший интерес представляют три первых раздела этой работы, в частности вступительный раздел, озаглавленный «Исторические традиции». Полководческое искусство Суворова автор брошюры рассматривает здесь в широких исторических рамках славной военной истории русского народа. Он подчёркивает воплощение в деятельности Суворова-полководца двух исторических традиций: 1) национальных традиций русской армии и 2) лучших боевых традиций свободолюбивого русского народа. Каждая из этих двух традиций «имеет свою историю, но обе гармонично слиты, творчески объединены в военной системе Суворова» (стр. 3). Отметив «народный дух» стратегии и тактики Суворова, автор пишет, что главной силой в суворовской военной системе были «человек и духовная его сила».

Н. Рубинштейн отмечает развитие этих традиций в великом прошлом нашей родины, с момента появления регулярных войск в России при Петре I, подчёркивая расцвет этих традиций в суворовской армии и несомненное отражение их в героических событиях 1812 г., активными участниками которых были лучшие ученики Суворова — Кутузов, Багратион и др.

Хорошо освещён в брошюре вопрос о принципиальном отличии суворовской военной системы от пользовавшейся во второй половине XVIII в. всеобщим признанием прусской военной системы. Прусская система организации войска, сложившаяся в середине XVIII в., наиболее полно была воплощена в армии Фридриха II и получила распространение при преемниках Петра I и в России Суворов разрабатывал свою военную систему в упорной борьбе с прусским

духом, насаждавшимся в русской армии, в борьбе с прусской системой, за утверждение национальной традиции» (стр. 8).

Противопоставлению военной системы Суворова прусско-германской системе, культивируемой гитлеровцами и в современной Германии, посвящена значительная часть текста первого раздела брошюры. Существо прусской военной системы со времени Фридриха II заключается в полном пренебрежении к человеческой личности солдата. Фридрих II цинично заявлял, что «если бы солдат знал, за что мы воюем, то нельзя было бы воевать».

Набивавшаяся посредством спавания и подкупа, прусская армия наёмников в XVIII в. держалась на палочной дисциплине. Фридриховский солдат — механический исполнитель приказаний начальства. Отсюда особое внимание в прусской армии к внешней, показной военной муштре, увлечение парадными. Отсюда пренебрежение к жизни солдата: «трупам солдат устилался путь военных походов армий XVIII века» (стр. 7). Наконец, отсюда же следовала «линейная тактика» прусских войск Фридриха II, скрывавшая войска «как смиренная рубашка» (Энгельс). Характеризуя эту тактику, Энгельс в своей статье «Армия» писал: «Каждый эскадрон, батальон и орудие имели своё определённое место в боевом порядке, который не мог быть нарушен или в каком-либо отношении расстроен без того, чтобы это не отразилось на боеспособности целого»¹. Противопоставляя этой тактике новую систему, развитую полководцами революционной Франции и превосхищенную Суворовым, — боевой порядок, основанный на применении войсковых колонн, Энгельс в цитированной нами работе писал об этой новой тактике: «Одним словом, если новая система требовала меньшей муштровки и парадной точности, то она делала необходимыми большую быстроту, большее напряжение сил, большую сообразительность от каждого, начиная с главнокомандующего и кончая рядовым стрелком в цепи»².

Эта меткая и глубокая оценка Энгельсом двух военных систем XVIII в. — реакционной, прусской, и революционной, французской, — отражающей огромные сдвиги в общественных отношениях той эпохи, вполне применима при сравнительной оценке тактики Фридриха II и тактики Суворова. И применить свою тактику в крепостной царской России Суворов смог лишь только потому, что он основывался на тех национальных традициях русского народа и русской армии, о которых Н. Рубинштейн говорит в начале своей работы. В коренном противоречии суворовской стратегии и так-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI Ч. 2-я, стр. 397.

² Там же, стр. 400.

тии с существовавшим тогда в России общественно-политическим строем лежит основа того глубокого конфликта Суворова и национального полководца с его эпохой, о котором пишет автор в выводах. В этом же кроется причина того, что при столкновениях с официальным чиновничье-бюрократическим миром Суворов вынужден был надевать личину чудачества.

Поэтому вопрос о национальном ха-

рактере полководческого искусства Суворова является несомненной заслугой Н. Рубинштейна. Разрешение её в рамках популярной брошюры без предварительной монографической разработки — задача непосильная. Многогранная и сложная деятельность крупнейшего русского полководца, привлекавшего внимание всего мира, должна вызвать покаяние не одного серьёзного труда наших историков.

А. Нифонтов

ДЬЯКОВ В., проф. Таврика в эпоху римской оккупации. «Учёные записки» Московского государственного педагогического института имени Ленина. Т. XXVIII. М. 1942.

Работа проф. В. Дьякова «Таврика в эпоху римской оккупации» опубликована в XXVIII томе «Учёных записок» Московского государственного педагогического института имени Ленина. Одновременно она вышла и отдельным оттиском. Эта работа представляет собой весьма интересное исследование по древнейшей истории нашей родины.

До сих пор специалисты по древней истории ограничивались лишь классическим периодом Греции или Рима, оставляя в тени переходные эпохи в истории этих государств. Ещё меньше исследованы переходные периоды в жизни государств на периферии Римской империи: Понтийского государства, Босвора, малоазийских эллинистических государств, на правах *civitates foederatae* входивших в состав империи.

Проблема, на которой остановился проф. Дьяков, равно интересна и для античной и для древнейшей истории нашей родины. Материал, положенный в основу исследования проф. Дьякова, отличается большим разнообразием: данные греко-римских авторов (Геродот, Скимн, Страбон и др.), греческие и латинские надписи (надписи из Херсонеса на плитах, на монетах и т. д.), археологические материалы из раскопок советских учёных (Блаватский, Гайдукевич и др.) и иностранные исследования (Парван, Филос и др.). Автор сумел также широко использовать русскую и иностранную литературу по трактуемому им вопросу.

Нужно ли говорить, что наука о тавраках и скифах есть русская наука и всякое иностранное исследование, даже самое оригинальное, могло основываться и преимущественно основывалось на научных данных русских учёных? Поэтому правильно поступает проф. Дьяков, когда восстанавливает лучшие традиции русской исторической науки и привлекает все известные ему фонды, накопленные старыми русскими учёными по изучаемому вопросу. Наряду с этим привлекаются и иностранные публикации источников (надписи С. J. L. и др.) и работы иностранных авторов (главным образом статьи в Pauly-Wissowa и в Reallexikon M. Эберта).

Работа проф. Дьякова распадается на шесть глав: I. Древняя Таврика до римской оккупации; II. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье, Понт и Мезия; III. Начало оккупации Таврики Римом в I в. нашей эры; IV. Второй период оккупации Таврики римлянами; *limes Tauricus*; V. Римская культура в Таврике и заключительная, VI—Конец римской оккупации Таврики.

В первой главе даётся географическое расположение того, что в древности может быть названо ойкуменой тавров; далее, изучается особый характер их социальной структуры («первоначальный род» тавров) в соответствии с методологическими указаниями Энгельса; наконец, устанавливается, поскольку это позволяют источники, понятие о политическом строе этого древнего народа, обитавшего на юге Крымского полуострова.

Исследование этих вопросов, объединённых первой главой работы проф. Дьякова, показывает, что «мы можем говорить о полной независимости тавров вплоть до конца I в. н. э. И эта независимость была не только политической, но и культурной. Это объясняется тем, что, с одной стороны, эллины избегали селиться в горной части Крыма, ввиду неблагоприятных почвенных условий и примитивной свирепости нравов её населения; ввиду крайней бедности они не заводили с ним и торговых сношений. С другой стороны, и сами тавры, из известного чувства самосохранения, упрямо замкнулись в своих горах и отказывались что-либо воспринимать из культуры весьма далёких им по быту и ненавистных по поведению чужеземцев, теснивших их со всех сторон» (стр. 25—26).

Во второй главе проф. Дьяков изучает пути римского проникновения в Северное Причерноморье. Автор устанавливает два пути, по которым направлялась римская агрессия в Таврику: «Первый из них шёл через Малую Азию и стоял в тесной связи с стремлением Рима втянуть в сферу своего господства все эллинистические царства Востока. Он связан в особенности с борь-

бой Рима против Митридата Понтийского («последнего из всех самостоятельных царей, кроме парфянских», по выражению Веллея Патеркула) и его преемников, которые, отступая перед Римом, перенесли свою резиденцию в Пантикапей» (стр. 26). Другой путь римской агрессии в древности шёл вдоль Дуная в сторону северного германосарматского варварского мира. Исследование этих путей римской агрессии проводится автором на весьма широком материале надписей и археологических памятников. И это указывает, несомненно, на глубокую эрудицию автора, применяющего в своём исследовании одновременно методы научной критики и текстов и вещественных памятников.

В третьей главе проф. Дьяков изучает начало самого хода римской оккупации; при этом он совершенно точно устанавливает для науки даты I в. нашей эры. Так, в результате похода Плавция Сильвана около 66 г. нашей эры римские военные посты появились в области Херсонеса и во второстепенных городах Херсонесской области (в Керкипитиде, Балаклаве, на Ктенусе и в других местах).

«Как показывают монеты, найденные при раскопках римской военной стоянки на территории ай-тодорского маяка, в семи километрах от Ялты, непрерывная серия которых начинается с динариев императора Гальбы (68 — 69 гг.), начало этой оккупации следует относить уж к концу 60-х годов, т. е. ко времени, весьма близкому к появлению римских отрядов в Херсонесе. Другими словами, очень скоро после занятия пограничных оборонительных пунктов Херсонесской области римские войска перешли в наступление и на незамирённые части территории тавров» (стр. 51). Некоторые вопросы, затрагиваемые в этой главе автором, до сих пор были очень мало документированы известными нам материалами и казались поэтому неразрешимыми. Проф. Дьякову удалось привлечь для разрешения их новые материалы (раскопки в Хараксе).

В четвёртой главе рассматривается второй период оккупации Таврики римлянами. Неудачи римлян, критическое положение Римской империи на периферии её, когда «варвары» выступают против рабовладельческой эксплуатации в самых различных пунктах Востока и Запада, заставили римское правительство сооружать «заградительный вал» на всей территории, где она граничила с варварскими народами (*limes germanicus*). Проф. Дьяков исследует этот *limes* и в Таврике. «В Таврике, — пишет автор, — главным памятником этого римского *limes*'а является, по крайней мере в настоящее время, Харакс-Ай-Тодор» (стр. 62). Изучение археологического материала, в частности нумизматического, даёт возможность установить интереснейшую картину укреплений, возведённых римлянами в период оккупации на Таврике. «Таким образом, — пишет автор, — из всех этих отдельных моментов, а именно: 1) система-

тического расположения исаров, центрирующихся на большую римскую крепость на Ай-Тодоре, 2) характера устройства самих этих второстепенных укреплений, большинство которых являлось древними таврскими городищами, разрушенными и частично перестроенными с теми же приёмами военной техники, что находим и в римском Хараксе, 3) характера, правда, ещё случайных находок на них, в особенности остатков античной керамики, 4) обнаружения близ стен ай-тодорской римской крепости бюро и модели бенефициариев, т. е. свидетельства о существовании здесь штаба римской службы связи и дорожной охраны, а следовательно, и типичной для римского *limes*'а системы стратегических дорог, связывавших в единую сеть все эти многочисленные укрепления, — из всего этого складывается определённая картина римского военного рубежа в Таврике (*limes Tauroicus*), аналогичного тем, которые существовали и на иных римских границах. Он возник в эпоху Домициана и Траяна, но свой окончательный вид должен был получить лишь в половине II века, при Антонине и Марке Аврелии, когда завершилось сооружение *limes*'ов в Британии, на Рейне и на Дунае. Дело чести советской археологии — раскрыть его на советской территории столь же полно, как то уже сделано западной исторической наукой на иных его отрезках» (стр. 72—73).

В пятой главе изучается культура Таврики и устанавливается её синкретический характер. К сожалению, материал для разработки этого интересного предположения является случайным и недостаточным для доказательства.

В заключительной части автор подводит итоги и говорит о конце римской оккупации Таврики (конец II в. нашей эры).

К числу недостатков работы проф. Дьякова можно отнести лишь два момента. Во-первых, необходимо было бы использовать работы Н. Я. Марра. О скифах и таврах у Марра имеются, безусловно, смелые и творческие мысли, которые нельзя игнорировать. Это относится и к проблеме киммерийцев; несмотря на более чем столетнее её изучение она попрежнему безнадежно висит в воздухе, ибо смелые и творческие новые мысли остаются вне разработки. Во-вторых, необходимо более подробно, насколько это позволяют источники, осветить вопрос о борьбе тавров с чужеземцами. Тем самым удалось бы осветить одну из самых ранних эпопей в освободительной борьбе народов, существовавших в СССР в глубокой древности. Восполнение этих двух пробелов должно превратить исследование проф. Дьякова в исчерпывающую работу по данному предмету.

Московский государственный педагогический институт имени Ленина правильно поступил, напечатав работу проф. Дьякова и сделав её достоянием советской исторической науки.

Проф. А. Милутин

PADOVER S. K. Jefferson. New York. 1942. 459 p.

ПАДОВЕР С. Джефферсон.

В этом году исполнилось двухсотлетие со дня рождения Томаса Джефферсона, которое будет, надо думать, отмечено в США значительной юбилейной литературой. Перед нами «средьюбилейная» работа американского историка Пэдовера — новая биография Джефферсона. Автор основательно изучил обширную «джефферсономию» и широко использует сочинения и переписку Джефферсона. Книга написана живо и обращена к сравнительно широкому кругу читателей.

Джефферсон был третьим президентом США (после Вашингтона и Джона Адамса) и до этого занимал ряд крупнейших государственных должностей. Однако в сочинённой им самим эпитафии он завещает потомству память о себе как об «авторе Декларации независимости, статута Виргинии о свободе религии и основателе Виргинского университета». Таким образом, Джефферсон выдвигает на первый план свои заслуги как писателя и деятеля американского просвещения и буржуазной революции XVIII века. Эти заслуги бесспорны, и Пэдовер имел полное основание в биографии Джефферсона сконцентрировать внимание на Джефферсоне — просветителе и революционере-демократе. Мы находим в этой книге детальное изложение некоторых периодов жизни и деятельности Джефферсона, на которых неохотно останавливаются консервативные американские историки, вообще не жалующие Джефферсона. Мы находим здесь также некоторые высказывания Джефферсона, которые обычно его биографы опускают.

Так, Пэдовер цитирует письмо Джефферсона к Вильяму Шорту по поводу якобинского террора во Франции, которое называет «едва ли не самым замечательным из писем Джефферсона».

«В процессе борьбы, которая была необходима, — пишет в этом письме Джефферсон, — было убито, без формальной процедуры суда, много виновных. Погибло также некоторое число невижных. Я скорблю о них не менее, чем кто-либо другой, и буду оплакивать некоторых из них до конца своей жизни. Но я оплакиваю их так, как если бы они пали в бою. Необходимо было дать волю разящей руке народа, орудию до некоторой степени слепому, хоть и не столь слепому, как бомбы и пули. Некоторых доброжелателей народа постигла от его руки участь, предназначенная его врагам. Но время и истина восстаноят их доброе имя, а между тем их потомство будет наслаждаться свободой, за которую они охотно отдали бы свою жизнь. Свобода всего мира зависела от исхода борьбы, и был ли когда-либо выигран подобный бой, ценой столь малого пролития невижной крови? Смерть некоторых из погибших глубоко меня поразила, но я готов скорее увидеть половину земли опустошённой, чем отказаться от победы».

Пэдовер указывает, что в 1792 г. Джефферсона, который был в качестве статс-секретаря вторым человеком в республике, подвергли в столице США Филадельфии общественному ostrакизму как «якобинца»: «Только три семейства принимали его» (стр. 214).

В приведённой автором выдержке из «Заметок о Виргинии» Джефферсон объясняет причины, почему он с такой настойчивостью требует немедленного осуществления предлагаемых им законодательных мероприятий (речь идёт о периоде становления американской республики). «Нужно закреплять наши права в форме закона сейчас, пока мы едины и наши правители честны», — говорил Джефферсон. На этом Пэдовер прерывает цитату. Между тем дальнейшее рассуждение Джефферсона имеет значительный интерес. «С окончанием этой войны (войны за независимость. — А. С.) мы пойдём под гору, — пишет Джефферсон. — Отпадёт необходимость каждый день обращаться к народу за поддержкой. Народ забудет и с его правами не станут считаться. Народ сам забудет обо всём, кроме одного, — делавши дёшево, — и не подумает о том, чтобы объединиться и заставить уважать свои права. Поэтому оковы, которые мы не сорвём к концу этой войны, останутся надолго, будут становиться тяжелее и тяжелее, пока права наши или оживут вновь или погибнут в конвульсиях»¹.

Это высказывание Джефферсона подводит к наиболее интересной проблеме, встающей в связи с его жизнью и деятельностью. Джефферсон был едва ли не единственным выдающимся просветителем XVIII в., пришедшим к руководящей государственной деятельности в результате победившей буржуазной революции. Просветителя, как известно, исповедовали более или менее идеализированные представления об общественном строе, который должен был бы прийти на смену феодально-абсолютистскому порядку. Столкновение идеала с действительностью было в этом случае неизбежно.

Джефферсон был крупнейшим идеологом американской революции и принадлежал к левому крылу американской революционной партии. Декларация независимости, автором которой он был, является одним из классических революционных документов XVIII века. В этом документе замечательна замена, «собственности» в локковской «тройке» естественных прав человека: жизнь, свобода, собственность — «стремлением к счастью». Декларация независимости гласит: «Все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью». Джефферсон отказывается рас-

¹ Jefferson T., «Notes on the State of Virginia», p. 169. Boston. 1832.

смагивать право частной собственности как «естественное право». В формуле «стремление к счастью» он обнаруживает близость к демократическим мыслителям французского просвещения. С ними его роднят и те элементы просветительского утоцизма, которые в дальнейшем, когда Джефферсону пришлось действовать в условиях укрепившегося буржуазного порядка, выделяют его из общего потока буржуазной идеологии. В созданной им схеме социально-экономического развития США Джефферсон выступает как утопист-физикрат, отставывая план «консервирования» США как республики самостоятельных фермеров-земледельцев. «Земледельцы — избранный народ, если когда-либо существовал избранный народ, — пишет он в «Заметках о Виргинии». — Пропорция между другими классами и земледельцами служит в любой стране показателем соотношения нездоровой части населения и здоровой»¹.

В приводимом Пэдовером письме, написанном из Франции в 1785 г., Джефферсон высказывает готовность окружить американскую республику «китайской стеной» (стр. 133), если бы этим путём удалось охранить её от социальных противоречий, которые он наблюдает в Европе.

Значительную часть усилий на протяжении всей своей деятельности Джефферсон посвящал делу распространения просвещения. Проводя в Виргинии свой знаменитый закон о свободе совести в отделении церкви от государства, он считал, что закладывает фундамент духовной свободы, которая, согласно его убеждению как просветителя, должна была явиться надёжной гарантией свободы политической и социальной².

¹ Jefferson T. Op. cit., p. 172.

² Интересно отметить, что «Виргинский статут» стал немедленно известен в России XVIII века. В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 5 июня 1786 г. (№ 45) сообщается: «В Виргинии сделано на последнем сейме новое положение о терпении всех вообще вер, следующего содержания: «Никто из жителей сей области да не будет обязан против воли своей вспомоществовать дежежным подаянием к содержанию какого бы то ни было богослужебного собрания или назначенного к тому здания и духовенства: но всем и каждому предоставляется свобода исповедовать откровенным образом такие правила веры, какие кажутся ему наилучшими: и при том да не будут сии правила ни преградой при вступлении в должности государственные, ни пособием к получению оных». Это почти полный перевод резолютивной части статута. Первое

В 1801 г. Джефферсон был избран президентом США и оставался на этом посту в течение восьми лет (в 1804 г. он был переизбран). «Если философический Джефферсон и его единомышленники воображали, что их приход к политической власти будет знаменовать мирную жизнь, лёгкие налоги и аркадские радости, им пришлось очень быстро разочароваться», — пишет не без едкости американский историк Бирд³.

Действительно, президентство Джефферсона было заполнено международными и внутренними осложнениями, связанными с политическим кризисом в Европе (это были годы наполеоновских войн). Лавируя между аграрно-плантаторскими и торгово-промышленными интересами, Джефферсон за восемь лет президентства постепенно отказался от большей части своих представлений об идеальной фермерской республике. Пэдовер констатирует отдельные изменения во взглядах Джефферсона в этот период, однако он не склонен видеть никаких противоречий в идейно-политической эволюции Джефферсона, и для него вопрос о столкновении Джефферсона-просветителя и Джефферсона — буржуазного политика — вообще не существует.

Потерпев крушение своих иллюзий, Джефферсон не стал на путь буржуазного либерализма, но с новой энергией обратился к делу народного просвещения, в котором видел противоядие против пороков социальной жизни. Свои последние годы он посвятил заботам об основанном его трудами Виргинском университете. Пэдовер приводит интересный материал, свидетельствующий о страсти просветителя, с которой престарелый Джефферсон относился к этому делу. Он был архитектором и строителем университета, его ректором и попечителем. Однако и здесь дело не обходилось без серьёзных трудностей. Пэдовер указывает, что сопротивление обскурантистских элементов воспрепятствовало намерению Джефферсона пригласить в университет Томаса Купера, выдающегося англо-американского учёного-материалиста.

Книга Пэдовера является существенным дополнением к новейшей литературе о Джефферсоне, но биография великого американского просветителя ещё ждёт своего автора.

А. Старцев

известие о Джефферсоне в России отнесено к 1780 году. В «Московских ведомостях» от 16 сентября (№ 75) в числе новых членов «Философического американского общества» назван «Томас Джефферсон».

³ Beard Charles, A. and Beard Mary K. «The rise of american civilization». Vol. 1, p. 391. New York. 1930.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Новые советские издания

И. Сталин. *О великой отечественной войне Советского Союза.* 2-е изд. Госполитиздат. М. 1942. 79 стр.

Содержание: Выступление по радио 3 июля 1941 г.—24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г.—Речь на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве.—Приказ Народного комиссара обороны 23 февраля 1942 г. № 55, г. Москва.—Приказ Народного комиссара обороны 1 мая 1942 г. № 130, г. Москва.—Ответы тов. И. В. Сталина на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед пресс (3 октября 1942 г.).—25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1942 г.—Приказ Народного комиссара обороны 7 ноября 1942 г. № 345, г. Москва.—Ответы тов. И. В. Сталина на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед пресс (13 ноября 1942 г.).

Молотов В. *Ноты народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова:*

О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных, 25 ноября 1941 года.

О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях, 6 января 1942 года.

О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления. Госполитиздат. М. 1942. 80 стр.

Укрепление боевого содружества Советского Союза с Великобританией и Соединёнными Штатами Америки. Посещение тов. В. М. Молотовым Лондона и Вашингтона. (Документы и материалы.) Госполитиздат. М. 1942. 23 стр.

Англо-советское и советско-американское комювенте о посещении Лондона и Вашингтона Народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым. Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Речь А. Идена и речь В. М. Молотова при подписании договора 26 мая 1942 года. Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, и другие материалы.

Стенографический отчёт заседания Верховного Совета СССР 18 июня 1942 г. Изд. Верховного Совета СССР. М. 1942. 55 стр.

Доклад В. М. Молотова о договоре между СССР и Великобританией, заключённом в Лондоне 26 мая 1942 г., прения по докладу и ратификация договора.

Калинин М. И. *Всё для фронта! Всё для победы!* Статьи и речи. Госполитиздат. М. 1942. 98 стр.

Калинин М. И. *Отечественная война советского народа против немецких захватчиков.* Госполитиздат. М. 1942. 31 стр.

Александров Г. *Враг будет разбит.* (Статьи, доклады и лекции.) Госполитиздат. М. 1942. 240 стр.

Александров Г. *Отечественная война советского народа и задачи общественных наук*. Изд. АН СССР. М.—Л. 1942. 28 стр.

Сокращённая стенограмма доклада на общем собрании Академии наук СССР 4 мая 1942 года.

Мяниц И., чл.-корр. АН СССР. *Разгром немецких империалистов и их армий неминуем*. Госполитиздат. М. 1942. 40 стр.

Содержание: 1. Лицо врага. 2. Простёты фашистов. 3. Разоблачённый миф. 4. Провал крестового похода. 5. Разгром фашистских армий неминуем.

Митин М. *Великая отечественная война против немецко-фашистских захватчиков*. Госполитиздат. М. 1942. 111 стр.

Сборник статей из газет («Правда», «Известия», «Красная звезда», «Труд») и журналов («Большевик», «Под знаменем марксизма») за 1941—1942 годы.

XX лет Якутской АССР. 1922—1942. Якутгосиздат. Якутск. 1942. 144 стр.

Лежнев И. *Правда о Гитлере*. Госиздат УзССР. Ташкент. 1942. 182 стр.

Трайнин И., акад. *Механизм немецко-фашистской диктатуры*. Узгосиздат. Ташкент. 1942. 232 стр.

Алексеев В. *Фашистская угроза Латинской Америке*. Госполитиздат. М. 1942. 62 стр.

Крастынь Я. *Финляндия под игом фашизма*. Изд. АН СССР. М. 1942. 45 стр.

Минаев В. *Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке*. Госполитиздат. М. 1942. 51 стр.

Формы и методы фашистской пропаганды и шпионско-диверсионной деятельности гитлеровской Германии в Турции, Иране, Сирии, Палестине и Египте.

Островитянов К., чл.-корр. АН СССР. *Фашизм под маской национал-социализма*. Казогиз. Алма-Ата. 1942. 87 стр. (Академия наук СССР. Ин-т экономики.)

Юдин И. *Польша под гнётом гитлеризма*. Госполитиздат. М. 1942. 63 стр.

Новые зарубежные издания

„*Athenian*“. *The Greek miracle*. London. 1942. 150 p.

«Афинянин». Греческое чудо.

Описание греческой кампании с момента предательского и вероломного нападения Италии на Грецию (28 октября 1940 г.) до окончания греческой кампании (конец апреля 1941 г.). Автор поясняет на основании документов причины необыкновенных успехов маленькой греческой армии, разбившей итальянские войска в целом ряде сражений. В книге показано, насколько необоснованны обвинения итальянского империализма против Греции и какую сложную и нечестную игру вела итальянская дипломатия на Балканах. Книге предпослано предисловие Д. Уокера — военного корреспондента английских газет во время греческой кампании.

Douglas H. K. *I rode with Stonewall*. London. 1942. 340 p.

Дуглас Г. *Я странствовал с Джексоном*.

Воспоминания участника гражданской войны в США (1861—1865) — полковника Дугласа. Он служил под командой генерала армии южан — Джексона, известного под прозвищем «Каменная стена» (Stonewall). Наибольшее место в воспоминаниях уделено Джексону, но Дуглас даёт также подробную картину хода военных действий. В основу книги положен дневник автора.

Heide Dirk van der. *My sister and I*. London. 1941. 95 p.

Хейде, Дирк ван дер. *Моя сестра и я*.

Очерк войны в Голландии. Описание событий, предшествовавших нападению гитлеровцев на Голландию весной 1940 года. Книга написана от лица голландского юноши, бежавшего вместе с сестрой из Голландии.

Hurd Sir Archibald S. *The battle of the seas; the fighting merchantmen*. London. 1941. 160 p.

Херд, сэр Арчибалд С. *Битва на морях; торговые суда в войне*.

Очерк известного английского морского обозревателя об участии торгового флота в нынешней войне. Херд подчеркивает его значение как резерва действующего флота. Тому же автору принадлежит работа по истории британского торгового флота в войне 1914—1918 годов.

Maugham Fr. H. M. *Lies as allies or Hitler at war.* New York. Oxford University. 1941. 64 p.

Мохэм Фр. *Ложь в роли союзника, или как Гитлер ведёт войну.*

Автор, известный английский юрист (занимал в 1934—1935 гг. пост верховного прокурора), сгруппировал в своей книге материалы, характеризующие лживость германского правительства. Книга доказывает, что нынешние правители Германии возвели ложь в систему и самым широким образом пользуются ею как в войне (военные сводки германского верховного командования), так и в дипломатии, а также в пропаганде.

Prange G. W. *Hitler's speeches and the United States.* New York. Oxford University. 1941. 82 p.

Прендж Г. *Речи Гитлера и США.*

Автор собрал и сгруппировал выступления Гитлера, отобразив его высказывания касательно США. Этот материал не оставляет сомнения в том, что, вопреки утверждениям американских изоляционистов, Гитлер отнюдь не собирался удовольствоваться завоеваниями в Европе, но разрабатывал планы вмешательства в дела Западного полушария.

Romains J. *Seven mysteries of Europe.* London. 1941. XIII, 223 p.

Ромэн Ж. *Семь тайн Европы.*

Сборник очерков известного французского писателя, ныне находящегося в эмиграции. В книгу вошли семь очерков, посвящённых Даладье, Гамлену, Леопольду III Бельгийскому и Риббентропу, кроме того эюды об Англии и германском фашизме. Последний очерк — «Кто спас фашизм?» — и очерк, посвящённый Гамлену, напечатаны в русском переводе в сборнике «О тех, кто предал Францию» (Гослитиздат, Москва, 1942).

Saavedra Lamas C. *La unidad economica de America.* Buenos Aires. Gadola. 1941. 23 p.

Сааведра Ламас К. *Экономическое единство Америки.* Буэнос-Айрес.

Автор, министр иностранных дел Аргентины, доказывает факт экономической взаимосвязанности стран Западного полушария и их общей заинтересованности в сохранении мира.

Schoonmaker N., ed. *We testify.* New York. 1941. XIV, 306 p.

Скунмейкер Н. *Мы удостоверяем.*

Сборник статей видных политических деятелей и публицистов США по вопросам внешней политики. Авторы принадлежат к самым различным политическим направлениям: наряду со статьями Гувера (крайний изоляционист) и Линдберга (профашист) помещены статьи, авторы которых решительно отстаивают тезис о жизненной заинтересованности США в разгроме гитлеризма. Отдельные статьи посвящены вопросу о причинах войны и её целях.

Sforza C. *The totalitarian war and after, personal recollections and political considerations.* Chicago. University of Chicago. 1941. IX, 120 p.

Сфорца К. *Тоталитарная война и после неё; воспоминания и политические размышления.*

Автор — известный итальянский политический деятель, в прошлом (до прихода фашизма к власти) занимал пост министра иностранных дел; ныне находится в эмиграции. В книге помещён курс лекций, прочитанных автором в высшей школе в Фултоне (штат Миссури, США) в 1941 году. Автор даёт очерк международных отношений, главным образом в Европе, и рисует картину внешней войны. Освещён преимущественно период после 1938 года.

Sinclair Upton. *Peace or war in America.* Girard (Kansas, USA), 1941. 27 p.

Синклер Эптон. *Война или мир для Америки.*

Книга содержит текст публичной дискуссии между Э. Синклером и убеждённым сторонником изоляционизма сенатором Лафолеттом. Дискуссия состоялась в марте 1941 г. в высшей школе Пасадены (Калифорния, США). Синклер основательно опроверг все доводы изоляционистов и доказал, что в нынешних условиях последние лишь играют варуку Гитлеру и его единомышленникам в США.

Н. Ерофеев

Back Philip W. *The Politics of mercantilism.* New York. 1942.

Бак Ф. *Политика меркантилизма.*

Анализ политических доктрин английских меркантилистов XVIII века.

Taylor A. J. P. *The Habsburg Monarchy, 1815—1918.* New York. 1942.

Тэйлор А. *Габсбургская монархия с 1815 по 1918 год.*

История австрийской империи и Австро-Венгрии.

Nichols J. P. and Nichols R. F. *The Republic of the United States. A History.* New York. 1942.

Никольс Дж. и Никольс Р. *Республика Соединённых Штатов. История.*

Том I учебника по истории США, охватывающий период от 1493 до 1865 года.

The sixth Column inside the Nazi-occupied Countries. New York, Alliance Book Corporation. 1942. 313 p.

«Шестая колонна». Положение в оккупированных нацистами странах.

Книга о рабстве в XX веке. Положение в странах Европы, оккупированных нацистами, и борьба народов этих стран против оккупантов. Книга состоит из отдельных глав, которые написали: Ян Массарик — о Чехословакии, Карин Михаэлис — о Дании, Тор Макльбост и Брох — о Норвегии, д-р Слотмэкер де Брюин — о Голландии, Генри Фаст — о Бельгии, принц Жан и Пьер Дюпон — о Люксембурге, Женевиэва Табуэ — о Франции, Светислав-Света Петрович — о Югославии и Софокл Венизелос — о Греции.

Chase S. *The road we are travelling, 1914—1942.* New York. The Twentieth Century Fund. 1942. 106 p.

Чейз С. *Путь, по которому мы идём.*

Книга известного американского экономиста, изданная с помощью «Фонда двадцатого века» (исследовательская организация, финансирующая разработку политико-экономических проблем, представляющих интерес для сегодняшнего дня), (первая из шести подготавливаемых им книг по проблемам послевоенного переустройства мира. В аннотируемой книге рассматривается современное финансово-экономическое положение США, как оно складывалось в ходе событий между первой и второй мировыми войнами, и предлагаются проекты послевоенного переустройства мира.

Riess C. *Underground Europe.* New York. 1942.

Рисс К. *Подпольная Европа.*

Книга о подпольном антифашистском движении и сопротивлении оккупантам народов Европы, поработанных Гитлером.

Roth C. *A History of the Jews in England.* Oxford. 1942.

Ротс С. *История евреев в Англии.*

История евреев и их положение в Англии от средних веков до наших дней.

Conn S. *Gibraltar in British Diplomacy in the Eighteenth Century.* Yale. 1942.

Конн С. *Гибралтар в британской дипломатии XVIII века.*

Исследование по политической стратегии Британии.

Huma A. *The Dutch in the Far East. A History of the Dutch Commercial and Colonial Empire.* Michigan, USA. 1942. 249 p.

Хума А. *Голландия на Дальнем Востоке. История голландской торговой и колониальной империи.*

Исследование профессора Хума посвящено главным образом анализу причин, вызвавших обширную торговую и колониальную экспансию Голландии в XVII—XVIII вв. на Дальнем Востоке, методов и масштабов экспансии и описанию состояния торговли и колонизации Голландской Индии.

Williams T. Harry. *Lincoln and the Radicals.* Madison. The University Press of Wisconsin. 413 p.

Уильямс Г. *Линкольн и радикалы.*

Raleigh N. C. *Guide to Manuscript collections in the archives of the North Carolina Historical Commission.* The North Carolina Historical Commission. 1942.

Рэлей Н. *Указатель к собранию рукописей архива северокаролинской исторической комиссии.*

Person Axel W. *The religion of Greece in prehistoric times.* Berkeley. California University of California Press. 1942.

Пирсон А. *Религия Греции в доисторические времена.*

Исследование по истории культуры микенско-минойского периода.

Grattan C. Hartley. *Introducing Australia.* New York. 1942.

Греттэн Х. *Выдающаяся Австралия.*

История, политический строй, внешние связи, состояние промышленности, сельского хозяйства, положение трудящихся и культурная жизнь в Австралии.

Adams J. Q. *Parties in the United States.* New York. 1942.

Адамс Дж. К. *Партии в Соединённых Штатах.*

Первая работа из намеченной серии исследований по политической истории США, с предисловием Чарльза Адамса.

Radin P. *Indians of South America.* The American Museum of Natural History Science Series. New York. 1942. 324 p.

Рэдин П. *Индейцы Южной Америки.* Американский музей естественной истории. Научная серия.

Археологическое и этнографическое исследование о южноамериканских индейцах в до- и послеколумбовское время.

Diamond D. L. *A History of the United States.* New York. 1942.

Дюмонд Д. *История Соединённых Штатов.*

Учебник для высших учебных заведений.

Littlefield H. W. *New Outline-history of Europe, 1815—1942.* Paper covers. New York, 1942.

Литтлфильд Г. *Конспект по новой истории Европы с 1815 г. по 1942 г.*

9-е издание, пересмотренное и расширенное.

Vlekke B. and Beets H. *Hollanders who helped build America.* New York. American biographica Company. 1942.

Влекке Б. и Битс Г. *Голландцы, которые помогли создать Америку.*

Очерк о ранней деятельности Голландии в США и биографический справочник о современных голландцах в США.

Shepardson W. H. *The interests of the United States as World Power.* Claremont, California. The Associated Colleges at Claremont. 1942.

Шепардсон У. *Интересы США как мировой державы.*

Курс истории американской внешней политики и высказывания автора о развитии внешнеполитических связей США в будущем.

Beer M. *A History of British Socialism.* New York. 1942.

Бир М. *История социализма в Британии.*

Однотомное издание с предисловием Тоуни.

Butler R. D. O. *The Roots of National Socialism.* New York. 1942.

Батлер Р. *Истоки национал-социализма.*

Обзор истории германской мысли от конца XVIII в. до возникновения национал-социализма; истоки и предшественники германского фашизма.

Beuf C. *Cesare Borgia. The Machiavellian Prince.* New York. 1942. 398 p.

Беф К. *Чезаре Борджиа, Макиавеллевский князь.*

Caste L. *Mirabeau.* I vol. Paris. 1942.

Каст Л. *Мирабо.*

Delzangles F. *Histoire de l'Auvergne.* Tome I. Paris. 1942.

Дельзангль Ф. *История Оверни. Т. I.*

Первый том, премированный Французской академией наук, посвящён происхождению и национальному составу Оверни при римлянах, борьбе между Цезарем и Вергингеториксом, быту и нравам народов Оверни.

Wilson Ch. *Anglo-Dutch commerce and Finance in the Eighteenth Century.* New York. Cambridge University Press. 1942.

Уильсон Ч. *Англо-голландские торговые и финансовые взаимоотношения в XVIII веке.*

Исследование Кембриджского университета из серии очерков по экономической истории.

Christian John L. *Modern Burma, Berkeley and Los Angeles.* California. University of California Press. 1942.

Крисчен Дж. *Современная Бирма.*

История, этнография, государственный строй, экономическое и политическое развитие и современное значение Бирмы. Издаётся под наблюдением международного секретариата Института тихоокеанских отношений.

А. Шубников

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Тбилисский филиал Института Маркса — Энгельса —
Ленина при ЦК ВКП(б)
(10 лет со дня организации)

В январе 1943 г. исполнилось 10 лет, как был создан по инициативе и под руководством тов. Л. Берия Тбилисский филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина.

За время своего существования филиал нашёл и собрал ценнейшие документы и материалы, относящиеся к товарищу И. В. Сталину и его соратникам, а также к партийным организациям Грузии и всего Закавказья. Несколько лет научные сотрудники филиала трудились в разных архивах Грузии (в Центральном архиве в Тбилиси, в архивах Батуми, Кутаиси, Чхатуры и т. д.) над розысками и собиранием материалов и документов. Обнаружено 417 новых, весьма важных дел, которые в настоящее время хранятся в филиале. Все дела разработаны и систематизированы в порядке хронологическом и тематическом; с оригиналов сняты копии, чтобы предохранить их от порчи при частом пользовании ими; создан богатый фонд материалов о жизни и деятельности И. В. Сталина. Найдено и собрано свыше 400 весьма ценных архивных документов, которые касаются лично товарища Сталина и освещают годы его детства и юности, начало его революционной деятельности и руководства работой партийных организаций. Кроме того собран ценный материал о соратниках и близких друзьях И. В. Сталина (о Л. Кедровели, Ал. Цулукидзе, В. Куратовском, М. И. Каллине, В. Стура, М. Давиташвили, Г. Телля, М. Бочоридзе, З. Чодришвили и др.). Собран богатый материал о партийных организациях Закавказья и Грузии, о меньшинстве «Месамедаси», Тбилисском, Бакинском и Батумском комитетах, Кавказском союзном комитете, Авлабарской нелегальной типографии и т. д.

Недавно закончено изучение ценных материалов о Кавказском союзе, среди которых есть рукописи товарища Сталина, документы о работе Кавказского союзного комитета, Имеретинско-Мингрельского комитета и т. д.

Разрабатываются весьма интересные материалы: рукописи, прокламации, газетные статьи и другие документы, захваченные жандармерией в ноябре 1903 г. в бакинской нелегальной типографии. Эти документы дадут нам ценный материал для изучения истории бакинской организации, в частности известной бакинской типографии. Собрано свыше 500 воспоминаний о товарище Сталине и его соратниках. Под-

готовлен к печати сборник воспоминаний о И. В. Сталине и Л. Кедровели. Готовится к печати сборник об Ал. Цулукидзе.

Филиал уделял большое внимание собиранию фотоснимков И. В. Сталина и его соратников, а также поискам и изучению рукописей товарища Сталина. За последнее время обнаружен целый ряд автографов товарища Сталина. Особо нужно отметить недавно найденную рукопись известной листовки «За партию», принадлежащей перу товарища Сталина. Эта прокламация напечатана в Тбилиси в 1912 г., после Пражской конференции. Она способствовала революционному подъёму и концентрации сил рабочего класса в России и оказала большое влияние на ход борьбы за создание независимой партии большевиков.

Кроме того обнаружено приложение к газете «Брдзола» — «Чвени Китхвеби» («Наши вопросы»), а именно, статья вторая, называемая — «Неприкосновенность личности в России». Эта статья датирована сентябрем 1901 года. В ней дана ужасающая картина бесправия народа в царской России. Найденное приложение к «Брдзоле» даёт нам возможность определить список литературы, напечатанной в типографии «Брдзола» к сентябрю 1901 года. В примечании к приложению указано, что в типографии «Брдзола» напечатаны: 1) «Брдзола» № 1 — 1000 экз.; 2) «По поводу столетнего юбилея» («Письмо к грузинским рабочим», перепечатанное из № 1 «Брдзола») — 700 экз.; 3) «Чвени Китхвеби» — «Как казна заставляет платить деньги» (статья первая) — 1000 экз.; 4) «Чвени Китхвеби» — «Неприкосновенность личности в России» (статья вторая) — 500 экземпляров.

Изучены и установлены места, где жил и работал товарищ Сталин, — в Гори, Тбилиси, Батуми, Чхатуры и т. д. Составлен и издан труд «Исторические места Тбилиси» — краткий путеводитель по тем местам, которые связаны с жизнью и деятельностью И. В. Сталина.

Проведена большая работа по выявлению и изучению большевистских прокламаций и листовок. Описаны и изучены 233 большевистские прокламации. Найдено много рукописей прокламаций, написанных И. В. Сталиным. Филиал уже издал сборник «Прокламации большевистских организаций Закавказья 1904 — 1906 гг.», в кото-

рый вошли 29 листовок, написанных И. В. Сталиным, из них 25 напечатаны впервые. Подготовлен и уже сдан в печать второй сборник прокламаций, включающий листовки социал-демократических организаций Закавказья 1900—1904 годов. Значительная часть прокламаций принадлежит перу товарища Сталина.

В филиале собраны все большевистские нелегальные и легальные газеты издававшиеся под редакцией товарища Сталина: «Брдзола», «Пролетариатис брдзола», «Пролетариатис брдзолис пурцели», «Пролетариати Крив», «Кавказский рабочий листок», «Ахали Цховреба», «Ахали Дроеба», «Мнатоби», «Чвени Цховреба», «Дро», «Борьба», «Тбилисис пролетари», «Бакинский Пролетарий», «Бакинский Рабочий» и т. д. Все газеты изучены и разработаны; о них составлены подробные очерки, в ряде статей установлено авторство И. В. Сталина.

Вместе с газетами описаны и хранятся оригиналы брошюр В. И. Ленина и И. В. Сталина, изданных в 1905—1907 гг.; таковы, например, известная брошюра Ленина «К деревенской бедноте», издаваемая на грузинском языке в 1905 г. Кавказским союзным комитетом РСДРП в количестве 3 тыс. экземпляров; резолюции III съезда, написанные Лениным и изданные Союзным комитетом на грузинском, русском и армянском языках; статья Ленина «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», перепечатанная из газеты «Вперёд», и др. Описаны и хранятся оригиналы работ И. В. Сталина, изданных Кавказским союзным комитетом РСДРП в мае 1905 г.: «Вскользь о партийных разногласиях», издавшая также Союзным комитетом в январе 1906 г.; брошюра «Две схватки»; «Текущий момент и Объединительный съезд» (изд. 1906 г.) и предисловие к брошюре К. Каутского «О движущих силах русской революции» (изд. 1907 г.).

Институт нашёл и установил подлинность свыше 100 новых, доныне неизвестных статей И. В. Сталина. До последнего времени самыми редкими трудами Сталина считались написанные им в 1904 г. статьи: «Как понимает социал-демократия национальный вопрос» и «Класс пролетариев и партия пролетариев». В результате проведённой работы можно считать установленным, что перу Сталина принадлежат напечатанные в 1901 г. в газете «Брдзола» руководящие статьи, в которых товарищ Сталина даёт творческую оригинальную разработку целого ряда узловых вопросов революционного марксизма.

Собраны статьи, материалы и документы, освещающие замечательное сотрудничество великих вождей—Ленина и Сталина—в деле создания партии и руководства ею.

Ленин с восторгом отзывался о революционной деятельности большевиков Закавказья и Грузии. Ещё на III съезде партии Ленин особо отметил работу закавказских большевистских организаций как «наиболее

боевых организаций нашей партии»¹. Ленин горячо приветствовал выход сталинской газеты «Пролетариатис брдзола». «Нам,— писал центральный орган «Пролетарий», руководимый Лениным,—ещё придётся вернуться к содержанию этой обширной газеты. Горячо приветствуем расширение издательской деятельности Кавказского Союза и желаем ему дальнейших успехов в восстановлении партийности на Кавказе»².

В Тбилисском филиале Института Маркса — Энгельса — Ленина концентрируется работа над переводами и изданиями на грузинском языке сочинений классиков марксизма-ленинизма. За десять лет было издано свыше 100 трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, сочинения В. И. Ленина и т. д. При этом особенное внимание уделялось изданию отдельных работ классиков для массового читателя. В настоящее время филиал готовится к печати первый и второй томы IV издания сочинений Ленина на грузинском языке. Первый том уже сдан в печать.

Филиал подготовил и издал также сборник материалов и документов, оригинальные труды, монографии.

В 1938 г. был издан под редакцией Л. Берия сборник «Ладо Кецхвели», в котором помещена статья товарища Берия о жизни и революционной деятельности Ладо Кецхвели.

Подготовлены и уже печатаются сочинения ближайшего соратника товарища Сталина на заре революционного движения в Грузии, замечательного теоретика революционного марксизма Ал. Цулукидзе. В томе сочинений Ал. Цулукидзе помещены также неизвестные до последнего времени личные письма, корреспонденция, статьи и документы.

В 1939 г. филиал подготовил и издал сборник «Первомайская демонстрация в Тбилиси в 1901 году». В сборник вошли статьи, материалы, документы и воспоминания о первомайской демонстрации, организованной в Тбилиси под руководством И. В. Сталина.

Филиал совместно с Партиздатом ЦК ВКП(б) подготовил и издал сборник «Батумская демонстрация 1902 года». Материалы, документы и воспоминания, помещённые в сборнике, освещают один из ярких эпизодов жизни и деятельности Сталина.

В период отечественной войны издан сборник «Германские оккупанты в Грузии в 1918 году». В сборнике помещены документы и материалы, показывающие кровавый разгул германских империалистов в Грузии.

Филиал выпустил в 1939 г. журнал «Пролетарули революция», первый номер

¹ См. Протоколы третьего съезда РСДРП, стр. 480. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

² «Пролетарий» № 12 от 16(3) августа 1905 года, стр. 17. Истпарт. Госиздат. М.—Л. 1925 г.

которого был посвящён 60-летию со дня рождения И. В. Сталина. В этом номере помещены статьи: «Борьба рабочих и крестьян Грузии против царизма в период первой революции», «Сталин — организатор и руководитель бакинской большевистской печати в годы нелегальной работы», очерки, посвящённые большевистским газетам «Брдеола» и «Пролетариатис брдеола», легальным большевистским газетам «Чвени Цховреба», «Дро», гениальной брошюре Сталина «Две схватки», воспоминания о И. В. Сталине — Г. Глурджидзе, П. Капанадзе, И. Хухунашвили и других, а также хроника — «Основные даты жизни и деятельности И. В. Сталина» (с 1879 по 1907 г.).

Филиал выпустил также специальный номер журнала «Пролетарули революция» (№ 2), посвящённый 35-летию революции 1905 года. В нём помещены статьи: «Кавказский союзный комитет РСДРП», «Защита И. В. Сталиным теоретических основ большевистской партии в период первой русской революции», «Революционное движение в Грузии в 1905—1907 гг.», «Историческая стачка бакинских рабочих в 1904 г.», «Революционное движение крестьянства в Грузии в 1905 г.», «Борьба И. В. Сталина за III съезд РСДРП», «29 августа 1905 г. в Тбилиси», «Декабрьские дни 1905 г. в Грузии», «Выступление Г. В. Плеханова против грузинских анархистов» и т. д. В журнале напечатаны также воспоминания гг. М. Кваарацхелия, И. Даракхвелидзе, Г. Паркадзе, Д. Вадачкория и «1905 год в Батуми» (хроника важнейших событий).

В связи с 20-летием установления советской власти в Грузии филиал издал работу старшего научного работника С. Беридзе «1917—1921 годы в Грузии» (хроника важнейших событий) и сборник статей и документов «К 20-летию победы социалистической революции в Грузии».

Издан целый ряд оригинальных трудов: акад. Г. Хачатуридзе — «Борьба за пролетарскую революцию в Грузии» и «Революция 1905—1907 годов в Грузии»; проф. П. Гугушвили — «Зарождение и развитие капитализма в Грузии и Закавказье»; доц. Н. Чахвашвили — «Трудящаяся молодёжь Грузии в период первой революции» и т. д.

Тбилисский филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина оказал большую помощь советским поэтам и писателям, художникам и композиторам в работе над созданием образов великого Сталина и его соратников.

Важнейшие документы, собранные Тбилисским филиалом Института Маркса — Энгельса — Ленина, выставлены в Тбилиском филиале музея В. И. Ленина.

За истекшие десять лет в филиале создана богатая библиотека, в книгохранилище которой насчитывается 200 тыс. книг, 25 тыс. экземпляров журнальной литературы и 5 тыс. газет. В библиотеке имеются уникалы по истории народов Закавказья и революционного движения. Собрана почти вся грузинская пресса XIX века. Библиографический отдел подготовил к печати библиографию трудов И. В. Сталина, а также библиографию грузинских газет 1819 — 1921 годов.

Во время великой отечественной войны филиал продолжает работу над вопросами истории большевистских организаций Грузии, над выявлением и изучением материалов и документов; продолжается работа над оригинальными трудами. Специальным постановлением бюро ЦК КП(б) Грузии в филиале ИМЭЛ создана комиссия по сборанию материалов и документов об участии грузинского народа в отечественной войне. Комиссия уже приступила к работе.

И. Тавадзе

В Институте истории АН СССР

I

На заседании группы истории СССР Института истории АН СССР, состоявшемся 4 февраля с. г., был заслушан доклад проф. М. Н. Тихомирова о происхождении названия «Русь». Докладчик считает наиболее надёжным материалом для разрешения вопроса о происхождении слова «Русь» местные (русские) источники. В памятниках владими́ро-суздальского происхождения, так же как и в Новгородской летописи, под «Русью» понималась Киевская земля. Сами киевляне также называли свою землю «Русью», в отличие от Новгородской земли. Докладчик отмечает, что наряду с термином «Русь», обозначавшим собственно Киевскую землю, употреблялось другое, более широкое понятие — «Русская земля», —

в применении ко всей территории, входившей в состав Киевского государства.

Критикуя норманскую теорию происхождения слова «Русь», М. Тихомиров доказывает, что сторонники этой теории, основываясь на своих взглядах на двух летописных известиях, находятся под влиянием неправильной интерпретации летописного рассказа о призвании Рюрика и его братьев. В более древних списках летописи (Лаврентьевская, Троицкая) сказано, что к варягам обращалась сама русь, которая, по этому рассказу, не являлась варяжским племенем. Докладчик приходит к выводу, что название «Русь» было древним для Киевской Руси и возникло значительно ранее X века. Подтверждение своих взглядов автор находит и в иноземных источниках —

у авоимного баварского географа IX в., а также в византийских и арабских источниках.

Доклад М. Н. Тихомирова вызвал оживлённые прения. П. П. Смирнов указал на необходимость более тщательного и всестороннего изучения наряду с отечественными памятниками источников иноземного происхождения, в частности — арабских. Н. Д. Рубинштейн отметил, что взгляды «норманистов» эволюционировали. Учёные, считавшие слово «Русь» норманским термином, не возражали против славянской основы Киевского государства. По мнению Н. Л. Рубинштейна, термин «Русь» появился в связи с политическим образованием киевской державы.

II

18 февраля состоялось очередное заседание группы истории СССР Института истории АН СССР. На заседании было заслушано сообщение проф. С. Бахрушина о работе историков СССР в Ташкенте. Как сообщал проф. Бахрушин, историки работают над вопросами истории Узбекистана и над летописью отечественной войны против германского фашизма. Кроме того продолжается работа над ранее начатыми трудами: Летопись Октябрьской революции, коллективный труд по истории культуры русского народа, который осуществляется почти исключительно силами сотрудников Института истории. К работе над одной главой — «Советский период» — привлекаются специалисты по литературе. Готовится и другая коллективная работа — «История героиче-

ских русских городов», — ставшая своей целью увековечить героическую борьбу с врагом таких городов, как Ленинград, Москва, Сталинград, Одесса, Киев, Севастополь. Намечается выпуск очерков с описанием памятников, пострадавших от фашистского нашествия, с характеристикой их исторического, художественного и национального значения.

На этом же заседании было сделано сообщение о докторантуре и аспирантуре. Перед институтом остро стоит вопрос об усилении научно-исследовательской работы и воспитании кадров. Для аспирантуры принят кандидатский минимум, сводящийся по истории СССР к трём широко поставленным темам, с разработкой внутри этих тем более узко поставленных вопросов. Один из вопросов по каждой теме должен быть разработан в виде письменного доклада. В докторантуру будут приниматься только лица, зарекомендовавшие себя как серьёзные научные работники.

Проф. К. Базилевич сделал сообщение о коллективных работах, выполненных силами московской группы историков СССР: «История русского военно-морского флота» и II том «Истории Москвы». Большинство монографических работ перейдёт на 1944 год. В 1943 г. будут окончены две работы К. Базилевича: «От Нарвы к Полтаве» и «Очерки по истории образования русского государства». В этом же году будет закончена работа тов. Крастыня по истории Латвии. Тов. Черномордик информировал совещание о работе над вторым томом «Истории Москвы».

Б. Кремортат

Из опыта собирания материалов по истории великой отечественной войны

Собирание материалов по истории великой отечественной войны в Калининской области началось, как только был очищен от немцев областной центр — гор. Калинин. С таким заданием была направлена в освобождённые районы области бригада учителей. Кроме того запись рассказов бойцов и командиров Красной Армии, партизан, рабочих и колхозников производилась областной газетой — «Пролетарская правда» (часть воспоминаний опубликована в газете, остальные хранятся в редакции). Сотрудники «Колхозной газеты» (орган райкома ВКП(б) и райисполкома Калининского сельского района) провели большую работу по записи воспоминаний и собиранию документов о зверствах немцев. Обком ВЛКСМ и ОБЛОНО также собирали исторические материалы. Официальные документы концентрируются в областном архиве. Большая часть собранных материалов пока ещё практически недоступна для исследователя, хранение и учёт ещё не удалось наладить.

С декабря 1941 г. научные работники

исторического факультета Калининского педагогического института собирают материалы по истории отечественной войны на территории Калининской области. Начало этой работе положили записи воспоминаний раненых бойцов и командиров о боях на Калининском фронте, сделанные в госпитале гор. Кашина. С июня такие записи велись также в госпиталях гор. Калинина. В августе — сентябре 1942 г. сотрудники экспедиции, имевшие задание собирать материалы в районах Калининской области, записывали рассказы партизан, колхозников, партийных и советских работников. В общей сложности записано до 200 воспоминаний бойцов, командиров, партизан и представителей гражданского населения.

Много рассказов ребят-школьников, бывших свидетелями немецкой оккупации, записали учителя старицкой средней школы. Эти записи были оформлены в виде альбома. Ребята бесхитростно рассказывали о том, как на их глазах гитлеровцы мучили и убивали их матерей, сестёр и братьев, как отнимали у них последнюю буханку хлеба.

вырывали из рук ребёнка кружку с молоком.

Почин старичкой средней школы следовало бы подхватить учащимся и преподавателям школ всех освобождённых районов Калининской области.

С декабря 1941 г. начали собирать газетные вырезки о ходе войны по Калининской области. Собрание вырезок уже сейчас составляет четыре объёмистые папки, но оно, разумеется, не исчерпывающее, так как удаётся получать далеко не все газеты.

Кроме того по местной газете «Пролетарская правда» составляется военная хроника по Калининской области. Одновременно производится копирование сводок Информбюро, корреспонденций и правительственных указов, относящихся к Калининской области.

Калининским педагогическим институтом совместно с областным музеем в августе—сентябре 1942 г. была послана в освобождённые районы Калининской области экспедиция для собирания материалов — вещей, документов, воспоминаний, фольклора. Кафедра истории СССР составила специальную программу для собирания материалов в районном масштабе, в основу которой положен хронологический принцип. Программа состоит из следующих разделов: 1. Район в первые месяцы войны (до оккупации). 2. Район в период немецкой оккупации и борьба за освобождение района. 3. Освобождение района, восстановление советской власти, хозяйственное и культурное строительство. 4. Красноармейцы, командиры, политработники — уроженцы района — в рядах РККА.

Участники экспедиции производили сбор материалов в Медновском, Калининском, Старичком и вновь освобождённом Погорельском районе, Калининской области. За месяц участники экспедиции прошли расстояние в общей сложности до 450 км на автомашинах, по железной дороге и пешком.

Сотрудниками экспедиции Педагогического института скопировано в районных учреждениях свыше 100 документов; среди них акты о зверствах и прабезах немецких оккупантов, порайонные сводки убытков и разрушений в связи с оккупацией, подлинники поступающих в редакции районных газет материалов о немецкой оккупации и о партизанской борьбе.

Наиболее многочисленные и интересные документы — это акты, которые обычно составляются председателями сельсоветов и колхозов при участии колхозников. Они свидетельствуют о насилиях оккупантов над мирным населением села или колхоза; учтывают разрушения общественных построек и домов граждан, расхищение оккупантами скота, продовольствия и движимого имущества колхозов и отдельных колхозников. Каждый такой акт — грозный счёт тем, кто совершал убийства ни в чём неповинных женщин, детей и стариков, грабил и уничтожал добро, нажитое трудом нескольких поколений.

Среди полученных экспедицией предметов, которые переданы областному музею, преобладают трофейные вещи. Это вра-

надлежности обмундирования и снаряжения немецких солдат и офицеров: серо-зелёная шинель с белыми металлическими пуговицами, потрёпанный френч, пилютка, кожаные сапоги, деревянные башмаки — «колодки», — наколенники, бахилы и сумка из серой прорезиненной ткани.

В Погорельском районе экспедицией получены предметы, характеризующие немецкое управление временно оккупированными районами. Это прежде всего нарукавная повязка сельского старосты — полоса красной материи с белым крутом посреди; внутри крута изображена чёрная свастика.

Далее, нами получены в Погорельском районе две бирки — дощечки с отверстиями, куда продёрнуты шнуры. На одной бирке надпись зелёными чернилами: «№ 10 Раково». На другой бирке также зелёными чернилами написано: «Staro-Ustirovo № 156». Первая бирка была выдана немецкой комендатурой одному из колхозников из с. Ракова, другая — 15-летней девушке Антонине Виноградовой, живущей в гор. Старом Устинове. Носили бирки на шнурах на шею или прищипывали булавками к одежде. Без бирки никуда нельзя было выйти.

С ноября 1942 г. на историческом факультете возник кружок по собиранию материалов по истории великой отечественной войны. Задачи его — практическое ознакомление студентов с методами записи воспоминаний, фольклора, собирание и паспортизация вещественных материалов. Тем самым кружок готовит кадры для экспедиции (предполагается провести её летом 1943 г.). Студентами 1-го курса записан ряд военных частушек, которые в середине ноября были посланы в Москву во Всесоюзный дом народного творчества имени Н. К. Крупской.

Научными работниками исторического факультета Калининского педагогического института подготовлен к печати сборник «Бойцы калининского фронта» (воспоминания бойцов и командиров), объёмом до 2 авторских листов.

Часть собранного военного фольклора передана Всесоюзному дому народного творчества для подготавливаемых им сборников «Народное творчество в дни великой отечественной войны». На научной сессии института, посвящённой 25-летию Великой Октябрьской революции, состоялись доклады М. Образцова «Партизаны Калининской области» и З. Карпенко «Воспоминания участников великой отечественной войны как исторический источник».

В связи с годовщиной освобождения гор. Калинина от немецких оккупантов (16 декабря 1942 г.) в Педагогическом институте состоялось торжественное заседание, на котором проф. А. Вершинский сделал доклад о боях за Калинин, используя в качестве материала для доклада собранные воспоминания участников боёв. Профессором А. Н. Вершинским и доцентом М. А. Розум разработана план общегородской выставки, посвящённой освобождению гор. Калинина.

Все научные работники исторического факультета начиная с 1943 г. приступают, и частично уже приступили, к работе над следующими темами по истории отечественной войны: проф. А. Вершинский — «Бои за Калинин»; проф. А. Башкиров — «Разрушения немецко-фашистскими захватчиками городов Калининской области»; доц. М. Розум — «Немецкий «новый порядок» во временно оккупированных районах Калинин-

ской области»; ассист. З. Карпенко — «Экономические итоги немецкой оккупации западных районов Калининской области».

К декабрю 1943 г. предполагается совместно с литературным факультетом подготовить к печати первый выпуск материалов по истории великой отечественной войны в Калининской области и сборник «Фольклор великой отечественной войны в Калининской области».

З. Карпенко

«Героическая оборона Сталинграда» (выставка)

На выставке в Музее революции, посвящённой великой отечественной войне советского народа против германского фашизма, выделен особый зал «Героическая оборона Сталинграда». Здесь собраны документальные материалы и фотографии, дающие яркое представление об этом великом историческом этапе в ходе отечественной войны. Фотографии и документы, сгруппированные в разделе «Сталинград защищала и отстаивала вся страна», показывают, какую огромную роль сыграли народы СССР вместе с Красной Армией в деле защиты Сталинграда. На одной из фотографий мы видим, как рабочие Н-ского завода изготавливают артиллерийские орудия для Сталинградского фронта; на другой изображён Ферапонт Головатов, один из пионеров могучего патристического движения по возмосу личных средств на постройку самолётов и танков для оснащения Красной Армии. Здесь же находится фотография лётчика-истребителя Сталинградского фронта гвардии майора Еремеева у самолёта, который передал ему тов. Головатов. В отдельной витрине собраны многочисленные газеты с данными о взносах советских патриотов на вооружение Красной Армии.

О высоком патристическом подъёме бойцов Сталинградского фронта, об их неслыбаемой стойкости, решимости и мужестве свидетельствуют выставленные документы. Сибиряки — защитники Сталинграда — пишут своим землякам: «Мы ищем врага, мы идём на выстрелы, отвечаем на удар врага своим двойным ударом». Рядом снимок, изображающий поле битвы в районе окружённой группировки фашистов. Снимок назван: «Если враг не сдаётся, — его уничтожают»; зафиксированные на снимке трупы гитлеровцев, разбросанные на поле, подтверждают это правило Красной Армии.

Ряд выставленных документов убедительно рассказывает о том, какую огромную работу вели Сталинградский обком ВКП(б) и его орган «Сталинградская правда». В тяжёлые дни борьбы за Сталинград партийная организация поднимала трудящихся Сталинграда на борьбу, звала их к месту, вселяла в их сердца бодрость и веру в победу.

О любви к бойцам Сталинградского фронта, о преклонении перед их героическими делами говорит множество писем с других фронтов, адресованных бойцам Сталинградского фронта. Вот что пишет с Ленинградского фронта бывший рабочий завода «Баррикады», старшина 1-й статьи М. Г. Кузьмин: «Я сталинградец и, находясь здесь на Балтике, защищал Ленинград с моря. Уничтожая поганых фрицев, я защищаю Сталинград». Бывший преподаватель сталинградской школы, командир батальона гвардии старший лейтенант Ф. Л. Поляков пишет землякам-сталинградцам: «Я сам обучил за 12 лет работы не менее двух тысяч юношей и девушек... На вашу долю выпало большое счастье драться у стен красного Вердена. Бейтесь, друзья-богатыри, не щадя своей жизни. Уничтожайте коричневую чуму, фашистских ублюдков. С вами мы — бойцы и командиры Западного фронта».

Отдельная витрина посвящена теме «Участники обороны Царицына на защите Сталинграда».

Красноармеец В. И. Попов, участник боёв за Сталинградский тракторный завод, пишет дочери: «Мне хочется заверить тебя, что отец твой до последней капли крови, до последней возможности будет биться с ненавистным врагом и не уйдёт со своего рубежа». Старший политрук Е. А. Прилуцкий пишет: «Вы знаете, что по своей натуре я никогда не был кровожадным и злопамятным человеком, так меня воспитала родина. Но сейчас в стремлении к месту я ненасытен. Я полностью познал, как сладка кровь врага».

С исключительной силой звучит клятва комсомольцев и комсомолок Сталинградской области, добровольно вступивших в ряды защитников Сталинграда. В одной из витрин зала приведён полный текст клятвы:

«Клянёмся драться за каждый вершок сталинградской земли, не щадя крови и жизни своей. Клянёмся стоять перед врагом насмерть, бить врага всюду, мстить ему за Сталинград, за разрушенные заводы, рабочие кварталы, школы, за каждый сожжённый дом... Клянёмся быть верными до конца жизни своей боевым традициям на-

ших отцов, героических защитников красного Царицына».

Жизнь показала, что бойцы Сталинграда

сдержали свою клятву, отстояли Сталинград, уничтожили вражескую армию и отогнали фашистов далеко на запад.

Б. К.

Исторический факультет Московского областного педагогического института в дни великой отечественной войны

С января 1942 г., после небольшого перерыва, вызванного эвакуацией, Московский областной педагогический институт продолжает свою работу в гор. Малмыже, Кировской области.

В трудных условиях маленького городка, отстоящего на 50 км от железной дороги, факультету удалось наладить и организовать правильную учебную, а позднее и научную работу.

Коллективу научных работников исторического факультета пришлось прочесть лекционные курсы в сокращённый срок, чтобы обеспечить выполнение учебных планов. Успешность этой работы показала государственная экзаменационная сессия, проведённая в июле 1942 г. на истфаке. Все молодые историки, окончившие истфак Московского областного педагогического института, были направлены учителями в Московскую область, главным образом в районы, освобождённые от немецко-фашистских оккупантов.

Научные работники и студенты исторического факультета, активно участвовавшие в Москве в оборонных работах, продолжали вести общественно-оборонную работу и в новых условиях. Воскресники по распилке и уборке дров, по выгрузке зерна, по прополке и уборке овощей в фонд Красной Армии, сельскохозяйственные работы в колхозах и совхозах в период летних каникул, агитационная и пропагандистская работа в госпиталях, среди призванных, на рабочих и колхозных собраниях — вот те виды массовой работы, в которой коллектив истфака принимает самое активное участие.

Научными работниками истфака прочитано несколько десятков лекций и докла-

дов на общегородских собраниях, собраниях партийного и советского актива, учительских конференциях и т. п.

С конца 1942 г. при Московском областном педагогическом институте открылся Воскресный университет, где есть и историко-литературный факультет.

В июне — июле 1942 г., к годовщине великой отечественной войны, Московский областной педагогический институт при активном участии исторического факультета провёл в гор. Малмыже научную антифашистскую сессию, на которой работники исторического факультета прочли следующие доклады: доцент А. Калягин — «Ленин и Сталин о германском империализме»; проф. Б. Поршнева — «Фашизм и антинародные традиции в германской истории»; и. о. профессора А. Манфред — «Авантюризм германской стратегии в войне 1914—1918 гг.»; студент истфака сталинский стипендиат Д. Славян — «Единство славянских народов в борьбе против фашизма».

Несмотря на трудности, связанные с местонахождением института (отдалённость архивов, крупных книгохранилищ), работники исторического факультета всё же сумели организовать научную работу, а это в условиях эвакуации было одной из труднейших задач.

Оживление научной работы и пополнение литературой институтской библиотеки позволили провести в текущем году на старших курсах исторического факультета чтение специальных курсов и спецсеминары. Объявлены спецкурсы: «Генезис феодализма», «История третьей республики», «История славянофильского движения».

А. Манфред

О ходе работы по составлению гражданской истории Татарской АССР

Перед историками Татарии поставлена весьма серьёзная и ответственная задача — разработать историю Татарской АССР с древнейших времён, в неразрывной связи с историей великого русского народа и народов Среднего Поволжья и Прикамья.

Важнейшим вопросом, возникшим перед

коллективом составителей истории Татарии в самом начале работы, явился вопрос о периодизации истории Татарии. Трудность разработки этой периодизации заключается в том, что до сих пор ещё не изучен целый ряд вопросов истории Татарии. Таковы вопросы о происхождении татарской народ-

ности, о дофеодалных отношениях и феодализме на территории Среднего Поволжья, об исторических судьбах татар, проживающих вне Татарии, и др.

В институт уже поступили рукописи по отдельным главам и вопросам истории Татарии. Акад. В. Грековым написана работа на тему «Волжские болгары» (3 п. л.), которая составляет основное содержание 2-й главы I тома истории Татарии. Статья научного сотрудника института Х. Гимади посвящена борьбе народов Татарии против татаро-монгольского ига (1 п. л.); Л. Черепнинным написана работа на тему «Татария в составе Московского феодального государства» (1½ п. л.); проф. А. Башкировым написана работа на тему «Внешняя политика Казанского ханства» (около 2 п. л.). Эти работы составляют лишь часть содержания I тома истории Татарии. По II тому разрабатываются темы: «Татария в период первой мировой империалистической войны» и «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Татарии».

В процессе работы по составлению истории Татарии в Центральном госархиве Татарской АССР, а также в центральных архивах в Москве обнаружено архивных документов (копий) на 1450 листах, или около 50 печатных листов. Найденные документы относятся к XVIII, XIX и XX векам. Есть также и документы, относящиеся к XVII, XVI, XV и более ранним векам.

Документы касаются главным образом следующих вопросов: положения и борьбы крепостных крестьян в XVIII в., реформы 1861 г. в Казанской губ. и крестьянского движения в пореформенный период, темы «Татария и система военно-феодального империализма России», вопроса экономики Казанской губ. во второй половине XIX в., вопросов состояния промышленности, по-

ложения рабочих, рабочего движения в Казани за период с 1900 по 1917 год. Кроме того имеется ряд документов о деятельности казанской социал-демократической организации с 1906 по 1914 год. Научным сотрудником Института истории АН СССР Голубцовым найдены «Татарские земляные письма», относящиеся к периоду Казанского ханства XV, XVI веков.

В Центральном историческом архиве обнаружены три номера газеты «Рабочий», изданной в Казани большевиками в 1908 г., и несколько листовок на татарском языке.

В процессе работы по составлению истории Татарии переведены с арабского и татарского языков на русский язык работы: Каюма Насыри — «История Булгарии», напечатанная в его календаре; Ш. Марджани — «Мустафа де Эль-эхбар фи эхвали Казань ва Болгар», части 1-я (1885) и 2-я и др. Всего около 15 печ. листов.

Осенью истекшего года (август — сентябрь) институтом были организованы две научные экспедиции: первая в с. Альменево, Чувашской республики, с целью установления места нахождения кладов монет; вторая — в с. Булгары. Экспедиция в с. Булгары была непосредственно связана с разработкой первых глав истории Татарии и дала положительные результаты. Производившим раскопки научным работникам Н. Калинину и А. Булатову удалось прочесть и списать до 40 текстов надписей на камнях вокруг фундамента церкви в с. Булгары. Часть материала, добытого в результате экспедиции, будет использована при составлении 2-й главы «Истории Татарии». В целом же этот материал будет разработан с переводом на русский язык и комментариями и подготовлен в виде альбома.

А. Тарасов

CONTENTS:

ORDER OF THE DAY OF THE SUPREME COMMANDER-IN-CHIEF OF THE ARMED FORCES OF THE UdSSR, No. 195, May 1, 1943. ARTICLES: Sedov M. The heroic Defence of Sevastopol (1941—1942). Osnos J. From the History of Soviet Science (1917—1920). Dmitriev S. General Dragomirov. Martynov M. Ivan Beloborodov, Ataman under Pugachev in the Urals. Gratsiansky N., prof. The Slavonic Kingdom of Samo (a criticism of the information contained in the Fredegarius Chronicles). Arkhangel'sky S., prof. Oliver Cromwell's Foreign Policy. REPORTS AND PUBLICATIONS: Ashurkov V. and Titkin F. The Fight of the Tula Guerillas against the Fascist Invaders. Sutotsky S. The Soviet Press in the Struggle against the German Invaders in 1918. Gorbunkova V. How the Workers of Tsaritsyn defended their City in 1918. Lutsky V. Germano-Italian Imperialism in North Africa (1936—1941). DOCUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR. REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY. CURRENT NEWS.

SOMMAIRE:

ORDRE DU JOUR DU COMMANDANT EN CHEF DES FORCES ARMÉES DE L'URSS, No. 195, 1 Mai 1943. ARTICLES: Sédov M. L'héroïque défense de Sébastopol (1941—1942). Osnos J. Pages de l'histoire de la science soviétique (1917—1920). Dmitriev S. Le général Dragomirov. Martynov M. Ivan Biéloborodov, ataman de Pougatchov dans l'Oural. Gratsiansky N., prof. Le royaume slave de Samo (contribution à la critique de la chronique de Frédégaire). Arkhangel'sky S., prof. La politique extérieure d'Oliver Cromwell. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS: Achourkov V. et Titkin F. La lutte des partisans de la région de Toula contre les envahisseurs fascistes. Soutotski S. La presse soviétique et la lutte contre l'envahisseur allemand en 1918. Gorbounkova V. Comment les ouvriers de Tsaritsyne ont défendu leur ville en 1918. Loutski V. L'impérialisme germano-italien en Afrique du Nord (1936—1941). DOCUMENTS DE LA GRANDE GUERRE POUR LE SALUT DE LA PATRIE. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

INHALT:

BEFEHL DES OBERSTEN BEFEHLSHABERS DER STREITKRÄFTE DER UdSSR, Nr. 195, 1 Mai 1943. ARTIKEL: Sedow M. Die heldenhafte Verteidigung Sebastopols (1941—1942). Osnos J. Aus der Geschichte der Sowjetwissenschaft (1917—1920). Dmitrijev S. General Dragomirov. Martynow M. Iwan Beloborodow, Ataman Pugatschows im Ural. Gratsianski N., Prof. Das Slavenreich Samo (zur Kritik der Nachrichten aus der bekannten Chronik von Fredegarius). Archangelski S., Prof. Die Aussenpolitik Oliver Cromwells. NACHRICHTEN UND BEKANNTMACHUNGEN: Aschurkow W. und Titkin F. Der Kampf der Partisanen im Tulaer Gebiet gegen die faschistischen Okkupanten. Sutotski S. Die Sowjetpresse im Kampfe gegen die deutschen Okkupanten im Jahre 1918. Gorbunkowa W. Die Arbeiter Tzarizyns bei der Verteidigung ihrer Stadt im Jahre 1918. Luzki W. Der deutsch-italienische Imperialismus in Nordafrika (1936—1941). DOKUMENTE DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK.

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский,
Б. М. Волин,
И. А. Кудрявцев,
И. И. Манд,
А. М. Панкратова,
С. И. Голнер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.

Д 3-31-04, Д 3-36-50.

А 1218, Изд. № 429.

Зак. 662.

Тираж 20.000.

Подписано к печати 3/VI 1943 г.

68.000 тир. экз. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

EP 1943 AKS 243

Цена 6 руб.

1343

А
589

6-0

194